DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5

ISSN 2072-909X

Российское правосудие

2026. № 5

Научно-практический журнал

Основан в 2006 году
Издается ежемесячно

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, индексируется в РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index и «Белый список». Размещен на Национальной платформе научных журналов

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-89449 от 21 апреля 2025 г.
Агентство «Книга-сервис», «Интернет-каталог», индекс 36605
Главный редактор: **Л. Б. Архипова**, кандидат юридических наук
Ответственный секретарь: **Т. Ф. Кудрявцева**
Верстка: **Г. С. Гордиенко**
Корректор: **К. В. Чегулова**
© Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, 2026
Адрес редакции: 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69.
Тел.: (495) 332-51-19.
E-mail: rajmagazine@yandex.ru
При перепечатке и цитировании материалов ссылка на журнал «Российское правосудие» обязательна.
Отпечатано в: ОАО «Паблит». Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Подписано в печать 15.05.2026
Выход в свет: 26.05.2026
Формат 70×100/16.
Объем 9,1 усл. печ. л. Тираж 220 экз.
Свободная цена.

Редакционный совет:

Тисен О. Н., ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук
Капустин А. Я., президент Российской Ассоциации международного права, заведующий кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации
Клеандров М. И., главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор
Нешатаева Т. Н., заведующий кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор
Рябзин Р. А., судья Верховного Суда Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 1 класса, кандидат юридических наук
Спиридонов А. А., директор Департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, академик РАЕН, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса, доктор юридических наук
Тимошин Н. В., Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, судья высшего квалификационного класса
Хабриева Т. Я., директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, академик Российской академии наук, вице-президент Российской академии наук, действительный член Международной ассоциации сравнительного права, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Editors:

O. N. Tisen, Rector of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law)

A. Ya. Kapustin, President of the Russian Association of International Law, Head of the Department of International Law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation

M. I. Kleandrov, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Law), Professor

T. N. Neshataeva, Head of the Department of International Law of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Dr. Sci. (Law), Professor

R. A. Ryabzin, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation, Active State Counselor of Justice of the Russian Federation, 1st class, Cand. Sci. (Law)

A. A. Spiridonov, Director of the Department for Ensuring Regulatory Policy of the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of the Office of the Government of the Russian Federation, Actual State Advisor of the Russian Federation 1st class, Dr. Sci. (Law)

N. V. Timoshin, Deputy Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation – Chairman of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Top Qualification Class Judge

T. Ya. Habrieva, Director of Institute of Legislation and Comparative Law under Government of the Russian Federation, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice President of Russian Academy of Science, Honored Lawyer of the Russian FederationFederation

Редакционная коллегия:

Бирюков П. Н., заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Болтанова Е. С., заведующий кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

Бриллиантов А. В., заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Бурдина Е. В., заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, доцент, член Совета судей Российской Федерации

Габов А. В., и. о. заведующего сектором гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент Российской академии наук, доктор юридических наук

Дедов Д. И., профессор кафедры конституционного и муниципального права МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук

Ершова Е. А., заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Женетль С. З., профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Загорский Г. И., профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Качалова О. В., заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Кононов П. И., профессор кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Корнев В. Н., заведующий кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Краснова И. О., заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Никитин С. В., заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Стахов А. И., заведующий кафедрой административного права и процесса имени Н. Г. Салищевой Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, доктор юридических наук, профессор

Сырых В. М., главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Содержание

ОПТИМИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бурдина Е. В., Доброродова В. В. **Конструирование будущего российской системы правосудия: использование информационных технологий в деятельности судов России и зарубежных стран 5**

Болдырев В. А., Клепалова Ю. И. **Влияние интенсивности служебной нагрузки судьи на объем текста судебного решения (статистическое исследование) 18**

Ярков А. А. **Образовательный ценз кандидатов на должность судьи 30**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кононов П. И. **Проблемы содержания, терминологии и структуры административного судопроизводства 38**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

Климан Ю. А. **Допустимость применения ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям по возмещению вреда в сфере здравоохранения 49**

Поскребнев М. Е. **Теоретические аспекты определенности иска и критерии его модификации 59**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Барыгина А. А. **Законность приговора суда первой и апелляционной инстанций 69**

Качалова О. В. **Понятие исключительности в уголовном судопроизводстве и ее отражение в уголовно-процессуальном законе 76**

Корнакова С. В. **Является ли прокурор субъектом доказывания в российском уголовном судопроизводстве? 84**

Мабиев Е. К. **Применение интеллектуальных систем при производстве вербальных следственных действий: теоретико-прикладные аспекты (по материалам Кыргызской Республики и Республики Казахстан) 94**

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Антипова Е. П. **Правовой анализ проблем трансформации налогового законодательства сквозь призму конституционного правосудия 105**

Content

OPTIMISATION OF JUDICIAL PROCEDURES

E. V. Burdina, V. V. Dobrorodova. **Designing the future of the Russian justice system: the use of information technology in Russian courts and the experience of foreign countries.....5**

V. A. Boldyrev, Yu. I. Klepalova. **The impact of the intensity of a judge's workload on the volume of a court decision (statistical study) 18**

A. A. Yarkov. **Educational qualification of candidates for the position of judge 30**

ADMINISTRATIVE LAW. ADMINISTRATIVE PROCEDURE

P. I. Kononov. **Problems of the content, terminology and structure of administrative proceedings 38**

CIVIL LAW. CIVIL PROCEDURE

Yu. A. Kliman. **Admissibility of applying Art. 1095 of the Civil Code of the Russian Federation to relations concerning compensation for harm in the healthcare sector.....49**

M. E. Poskrebnev. **Theoretical aspects of the certainty of a claim and criteria for its modification 59**

CRIMINAL LAW. CRIMINAL PROCEDURE

A. A. Barygina. **The legality of the verdict of the court of first instance and the appellate court 69**

O. V. Kachalova. **The concept of exceptionalism in criminal proceedings and its reflection in criminal procedural law.....76**

S. V. Kornakova. **Is the prosecutor a subject of evidence in Russian criminal proceedings? 84**

Ye. K. Mabiyev. **Application of intelligent systems in conducting verbal investigative actions: theoretical and practical aspects (based on materials from the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan) 94**

FINANCIAL LAW

E. P. Antipova. **Legal analysis of the problems of tax law transformation through the lens of constitutional justice 105**

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 5–17
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 5–17
УДК 347.97/.99 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.5-17

Научная статья

Конструирование будущего российской системы правосудия: использование информационных технологий в деятельности судов России и зарубежных стран

Елена Владимировна Бурдина[1],
Вероника Валерьевна Доброродова[2]

[1] Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, elenburdina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5431-7634

[2] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, veronikadobrorodova@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-4733-5926

Аннотация. В статье исследуются социально-правовые основания цифровой трансформации судебной системы в условиях активного внедрения информационных технологий и искусственного интеллекта. Актуальность работы обусловлена необходимостью научного осмысления формирования цифровой судебной модели разрешения социальных конфликтов как нового этапа развития правосудия.

Цели исследования состоят в выявлении факторов, определяющих переход к цифровому правосудию, а также разработке концептуальных подходов к конструированию цифровой судебной модели в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы, а также элементы междисциплинарного анализа.

В ходе исследования установлено, что цифровизация судебной деятельности носит объективный и неизбежный характер, обусловленный как внешними социально-экономическими процессами, так и внутренними потребностями судебной системы. Обосновано, что внедрение технологий искусственного интеллекта способствует трансформации процессуальных форм, изменению характера взаимодействия суда и участников процесса, а также формированию новых цифровых прав. Выявлены преимущества использования интеллектуальных систем, включая повышение эффективности судопроизводства, и сопутствующие риски, связанные с алгоритмическими ошибками, снижением прозрачности и угрозами информационной безопасности. Сформулированы основные направления конструирования цифровой судебной модели, включая развитие инфраструктуры цифровых инноваций, интеграцию судебных информационных систем и формирование этических принципов использования искусственного интеллекта в судебной деятельности. Сделан вывод о необходимости нормативного закрепления инструментальной роли цифровых технологий при сохранении приоритета человеческого участия в отправлении правосудия.

Ключевые слова: судебная система, цифровая трансформация правосудия, электронное правосудие, искусственный интеллект, цифровая судебная модель, информационные технологии в праве, цифровые права

© Бурдина Е. В., Доброродова В. В., 2026

Для цитирования: Бурдина Е. В., Доброродова В. В. Конструирование будущего российской системы правосудия: использование информационных технологий в деятельности судов России и зарубежных стран // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 5–17. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.5-17.

Original article

Designing the Future of the Russian Justice System: The Use of Information Technology in Russian Courts and the Experience of Foreign Countries

Elena V. Burdina[1], Veronika V. Dobrorodova[2]

[1] Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, elenburdina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-5431-7634
[2] Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, veronikadobrorodova@mail.ru, https://orcid.org/0009-0006-4733-5926

Abstract. The article examines the socio-legal foundations of the digital transformation of the judicial system in the context of the active implementation of information technologies and artificial intelligence. The relevance of the study is determined by the need for a scientific understanding of the formation of a digital judicial model for resolving social conflicts as a new stage in the development of justice.
The aim of the research is to identify the key factors determining the transition to digital justice, as well as to develop conceptual approaches to designing a digital judicial model in the Russian Federation, taking into account foreign experience.
The methodological framework includes formal-legal, comparative legal and system-structural methods, as well as elements of interdisciplinary analysis.
The study demonstrates that the digitalization of judicial activity is objective and inevitable, driven both by external socio-economic processes and internal needs of the judicial system. It is substantiated that the use of artificial intelligence technologies leads to the transformation of procedural forms, changes in the interaction between courts and participants, and the emergence of new digital rights. The advantages of intelligent systems, including increased efficiency of judicial proceedings, as well as associated risks such as algorithmic errors, reduced transparency, and information security threats, are identified. The author formulates key directions for designing a digital judicial model, including the development of innovation infrastructure, integration of judicial information systems, and the establishment of ethical principles for the use of artificial intelligence in judicial activity. It is concluded that digital technologies should be legally established as auxiliary tools while preserving the priority of human participation in the administration of justice.

Keywords: judicial system, digital transformation of justice, e-justice, artificial intelligence, digital judicial model, information technologies in law, digital rights

For citation: Burdina E. V., Dobrorodova V. V. Designing the future of the Russian justice system: the use of information technology in Russian courts and the experience of foreign countries. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):5-17. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.5-17.

Использование информационных технологий в системе правосудия, во-первых, неизбежно и безальтернативно, во-вторых, объективно зависит от общих закономерностей развития государства, провозгласившего направленность на цифровизацию, в-третьих, имеет преобразующий характер: изменение способов коммуникаций с участниками процесса, органами власти, иными субъектами корректирует процессуальные и делопроизводственные процедуры, в итоге формируется новый тип разрешения социальных конфликтов – цифровая судебная модель.

Актуальность правового конструирования такой модели предопределена прежде всего социальными основаниями, поскольку в установлении правопорядка в обществе право выполняет роль лишь одного из многочисленных элементов сложной социорегулятивной системы. К числу факторов, детерминирующих правовое «институциональное строительство» [1, с. 439] в сфере цифровизации судебной деятельности, мы относим как обстоятельства внеш-

него воздействия, так и внутрисистемные изменения, а именно: а) экономико-политические факторы внедрения цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), б) интересы и потребности самих судей по оптимизации служебной нагрузки, повышению эффективности и качества судебной деятельности при имеющихся ограниченных ресурсах и возрастающих задачах судебной власти, в) общественный запрос на цифровые права, связанные с судебной защитой, включая удобные электронные коммуникации с судом, дистанционные форматы судебных заседаний.

Социальные факторы, предопределяющие необходимость перехода к цифровой судебной модели: общая характеристика регулирующего социального воздействия

Эра искусственного интеллекта наступает стремительно. Технологии ИИ внедряются повсеместно, причем не только в промышленности, транспорте, сельском хозяйстве, но и в непроизводственных отраслях: медицине, социальном обслуживании, образовании, где цифровые помощники используются уже не как модное направление, а как часть повседневной жизни. ИИ и высокие технологии переходят в практическую плоскость и становятся реальностью в быту, в публичной и частной сфере, бизнес-процессах. Системы генеративного интеллекта (например, нейросеть «Алиса») являются каждодневным способом коммуникации для молодежи. Нейросеть YandexGPT встроена уже в десятки сервисов «Яндекса»[1], обеспечивая эффективную работу пользователей.

В отчете «Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы», подготовленном совместно с компанией «Яндекс», современный период оценивается в качестве начальной активной фазы интеграции современных направлений ИИ, включая генеративный ИИ, обработку естественного языка и речевые технологии, технологии компьютерного зрения и рекомендательных систем; указывается на состоявшийся переход от стадии интереса к формированию устойчивых практик внедрения ИИ в России. По мнению специалистов, генеративный ИИ за два года (2024–2025) «...перешел от экспериментальных запусков к массовому использованию: доля компаний, применяющих технологию хотя бы в одной функции, в 2025 г. достигла 71%»[2].

В соответствии с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта[3] к 2030 г. доля работников, имеющих навыки использования технологий ИИ, должна вырасти на 80%; на столько же, как предполагается, должен вырасти уровень доверия граждан к ИИ (подп. «ж», «з» п. 28.1).

Следует отметить, что в системе образования школьники и студенты легко осваивают навыки генерации новой информации (домашние задания, контрольные работы, курсовые работы, рефераты и пр.) через доступные и бесплатные нейросети китайского, американского, российского и иного производства, позволяющие просто и без напряжения обрабатывать тексты и создавать новые продукты, причем не только в текстовых, но и в аудиовизуальных, музыкальных и смешанных форматах. Таким образом, формирующаяся кадровая смена ментально воспринимает ИИ как неотъемлемый инструмент информационно-коммуникационной деятельности, доверительный метод обработки текстов и иной информации.

---

[1] Будущее рынка ИИ в России: тренды и прогнозы на 2025–2030 годы. URL: https://habr.com/ru/companies/bothub/articles/965002/?ysclid=mmhr5wmz9f276415522 (дата обращения: 07.03.2026).

[2] Отчет «Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы». Москва, 2025. URL: https://hsbi.hse.ru/upload/events/2025/ИИ_в_России_тренды_и_перспективы.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Устойчивые практики внедрения ИИ от рациональных и легко алгоритмируемых сфер жизнедеятельности человека дошли до собственно творческого труда, который, как известно, не охватывается исключительно математической логикой, сочетает не только рациональные, но и иррациональные аспекты.

Свидетельством глубокого проникновения ИИ в научную деятельность, традиционно рассматриваемую как деятельность творческую, социальную, присущую только человеку, явилось санкционирование Советом по этике научных публикаций российской Ассоциации научных редакторов и издателей (далее – АНРИ) использования ИИ при проведении научных исследований и формировании их результатов, а также в целом в научной публикационно-издательской сфере. При этом согласно п. 2.19 Декларации «Этические принципы научных публикаций»[4] (далее – Декларация), разработанной АНРИ на основе международных и национальных стандартов публикационной этики, ИИ, во-первых, не может быть указан в качестве автора или соавтора научной статьи, а во-вторых, все фрагменты текста, для формулировки которых использовался ИИ, должны сопровождаться соответствующими ссылками.

В соответствии с п. 4.1 ГОСТ Р 71657–2024 «Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения» применение систем ИИ должно осуществляться этичным образом и не должно заменять творческую научно-исследовательскую деятельность человека[5].

Таким образом, этические ограничения использования ИИ в творческой деятельности связаны с объемом и соотношением произведенного научного продукта человеком и машиной. Авторство результатов научного поиска с использованием ИИ должно быть признано исключительно за человеком, при этом его авторство, по нашему мнению, не подвергается сомнению в том случае, если вклад исследователя является определяющим или ключевым. Такое корректное (или этичное) использование ИИ может осуществляться, например, в следующих формах: а) ИИ применялся наряду с иными инструментами поиска и способами получения и обработки данных, в частности, как текстовый процессор, статистический пакет для обработки данных, система автоматического сбора информации, обработки естественного языка, включая большие языковые модели, программа перевода с иностранного языка и т. д.; б) исследователь интегрировал выводы ИИ в собственную аргументационную систему после их тщательного отбора, проверки, критической оценки в рамках решения поставленной оригинальной задачи и разработанной методологии. В последнем случае требуется сделать ссылку, указывающую на использование ИИ. Способы использования и этические правила и ограничения пользования ИИ следует устанавливать в нормах профессиональной этики.

Инструментальное значение ИИ, оказывающего помощь исследователю и ускоряющего рутинные операции научного поиска, предопределило закрепление положения о том, что редакционное решение об отказе в публикации «…не рекомендуется принимать только по причине использования в статье текста, сгенерированного ИИ: необходимо опираться на целостную экспертную оценку научного содержания рукописи» (п. 3.16 Декларации).

Как отражение реальности бытия в философской мысли укрепляется концепция «усиления (аугментации) интеллекта» (англ. intelligence augmentation – «увеличение интеллекта»),

---

[4] Декларация «Этические принципы научных публикаций». Принята Ассоциацией научных редакторов и издателей во второй редакции в мае 2025 г. URL: https://rassep.ru/sovet-po-etike/docs/declaration_2025.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

[5] Приказ Росстандарта от 1 октября 2024 г. № 1364-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

которая рассматривается как предпочтительная в объяснении роли ИИ в творческой деятельности человека и предполагает не замену человека машиной, а расширение способностей человека при помощи ИИ, сохраняющего статус средства [2, с. 45], усиливающего профессиональные возможности.

Таким образом, в рамках концепции аугментации использование ИИ в судебной деятельности не только возможно, но и не лишит ее человеческой, гуманитарной природы. Интеллектуальная деятельность судьи по разрешению спорных отношений и вынесению итогового судебного акта, являющаяся, по сути, исследовательско-творческой, может осуществляться с использованием технологий ИИ, но при условии, что решающая роль и ответственность лежит на судье. В этой связи совершенно закономерна постановка Председателем Верховного Суда России И. В. Красновым задачи по активному внедрению искусственного интеллекта в работу судов[6].

Предопределил переход к цифровой судебной модели разрешения социальных конфликтов первый в России случай обжалования в апелляционном порядке приговора суда, содержащего пять фрагментов с явными признаками текста, сгенерированного ИИ[7]. Приведем лишь один такой фрагмент из оспариваемого судебного акта: «А вот в обеих проверках по выявлению правонарушений, по которым арбитражный суд позднее вынес два решения, чудесным образом участвовали подсудимые, несмотря на весь прекрасно организованный и подтвержденный распоряжением ГУ МВД по Краснодарскому краю зональный контроль со стороны ГУ МВД России по Краснодарскому краю, о котором суду поведала свидетель защиты»[8].

В приобщенном к материалам дела заключении специалиста-лингвиста, перед которым был поставлен вопрос о содержании в приговоре лингвистических признаков генерации текста с использованием технологии ИИ, указывалось, что с большой долей вероятности признаки машинной генерации отдельных фрагментов текста в приговоре присутствуют. В обоснование данного вывода специалист сослался на смешение стилей, несоблюдение жанровых особенностей текста приговора, неуместность употребления ряда лексем, «пустую массивность текста», «бессмысленные» и «неестественные» конструкции[9].

Суд апелляционной инстанции оставил приговор в силе, установив, что стилистический подход к изложению не изменил объективную сторону вменяемого подсудимым состава преступления и не повлиял на законность и обоснованность приговора. Однако сам факт наличия сгенерированного машиной текста итогового судебного акта повлек за собой дискуссию относительно границ и правил использования ИИ в судебной деятельности, связанных с этим возможностей и рисков.

Таким образом, технологии ИИ из разряда ожиданий переходят в сегмент массового применения, что диктует необходимость стратегического конструирования будущего российской

---

[6] Краснов призвал активнее внедрять ИИ в работу судов // Коммерсантъ : [сайт]. 21 окт. 2025 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8139866?ysclid=mn0l3g9lav189263528 (дата обращения: 09.03.2026).

[7] Приговор Ейского городского суда Краснодарского края по обвинению С. Ф. и А. Ф. по ст. 290 УК РФ // Объединенная пресс-служба судов Краснодарского края. 4 июля 2025 г. URL: https://t.me/opskuban/1254 (дата обращения: 09.03.2026).

[8] Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора. 21 окт. 2025 г. // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации : [сайт]. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora-/ (дата обращения: 09.03.2026).

[9] В кубанских приговорах появился интеллект // Коммерсантъ : [сайт]. 14 окт. 2025 г. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8120207?ysclid=mmag4ecip3669552855 (дата обращения: 09.03.2026).

судебной системы, на основе чего следует формировать инфраструктуру цифровых инноваций и систему управления ими, сочетая мероприятия организационно-правового, материально-технического, информационного и иного ресурсного обеспечения судебной системы, разрабатывать целостную соционормативную систему регулирования внедрения технологий ИИ, включая правовые и этические нормы.

Представляется полезным анализ опыта зарубежных стран по внедрению цифровых технологий, включая технологии ИИ.

Зарубежные практики внедрения цифровых технологий

Судебная система *Эстонии* признается частью электронного государства и, как отмечается в литературе, показывает наибольший уровень цифровизации по сравнению с другими странами [3, с. 54–56]. Процесс цифровизации судопроизводства в Эстонии начался в 2004 г. с создания Единого реестра судебных дел (Riigi Teataja), который не только служит электронным архивом, но и позволяет судам обмениваться информацией как между собой, так и с другими государственными органами. Введен институт электронной подписи, используемый для идентификации лица, обращающегося в суд дистанционно и подающего документы через электронные платформы. Данные судов являются публично доступными, граждане могут ознакомиться как с решениями судов, так и с материалами дела. Для удобства реализации такого ознакомления был разработан портал Mycourt. Подача исков, ходатайств и других процессуальных документов осуществляется через платформу e-court. Граждане могут участвовать в судебных процессах дистанционно с помощью ID-карты. Подача документов в суд осуществляется исключительно онлайн, все документы существуют только в цифровом виде, любое бумажное дублирование отсутствует. Разработана специальная система обмена данными между государственными учреждениями (X-Road), благодаря чему эстонский суд автоматически получает данные из налоговой службы, государственных реестров, а участнику процесса не приходится доказывать те обстоятельства, документальное подтверждение которых имеется у государственных органов. Также могут применяться ИТ-модули для проверки комплектности документов и процедурных подсказок [3, с. 54–56].

Таким образом, Эстония, рассматривая суд как элемент цифрового государства, смогла охватить цифровизацией весь цикл судебного судопроизводства. Положительные результаты таких нововведений очевидны: судебный процесс существенно ускоряется, бумажный оборот снижается, судебное производство становится более доступным, повышается доверие к судебной системе ввиду ее прозрачности, транзакционные издержки снижаются.

В то же время следует отметить и минусы такого масштабного и безальтернативного, фактически принудительного внедрения цифровых технологий. В первую очередь укажем на риски, снижающие доступ к суду для всех граждан вследствие цифрового неравенства, а также киберриски, которые существенно возрастают в отсутствие бумажного дубликата документов.

Более умеренную траекторию цифровизации судопроизводства демонстрирует *Финляндия*, исходя прежде всего из обеспечения приоритета прав человека. При этом более осторожный подход не связан с меньшим опытом использования финскими судами цифровых технологий: первый нормативный правовой акт, регулирующий данные общественные отношения, – Закон об электронном обмене информацией и автоматической обработке данных в судах общей юрисдикции был принят еще в 1993 г. На основании данного Закона были разработаны системы обмена информацией SANTRA и управления делами TUOMAS. Последняя система даже в самом начале своего внедрения позволяла судам принимать более 40 000 судебных исков в год в электронном виде.

В 2000 году была интегрирована электронная система уголовных дел SAKARI, которая позволяла получать доступ к информации в том числе и сотрудникам полиции, после чего TUOMAS окончательно закрепилась в качестве системы гражданского правосудия.

В настоящее время данная система содержит около 200 образцов различных судебных документов, что способствует единообразию судебного документооборота. Онлайн-заседания повсеместно применяются для рассмотрения несложных процессуальных вопросов. Очные заседания сохраняются для сложных и резонансных дел. Технологии искусственного интеллекта внедряются для поиска судебной практики и сортировки документов, что позволяет сократить время для рассмотрения дел. Вместе с тем, хотя Финляндия и имеет достаточный опыт применения цифровых технологий в судебном процессе, в стране признается, что императивное «навязывание» электронного документооборота как единственно возможного не должно нарушать права граждан. В силу этого если гражданин выбирает бумажный оборот, то никто не вправе ограничить его в этом, суд обязан учитывать цифровые возможности сторон [4].

Исходя из изложенного, можно заключить, что Финляндия следует правилу «цифровизация не должна ухудшать процессуальные гарантии граждан». Данное правило рассматривается как основной стандарт внедрения цифровых технологий. Положительными результатами такого подхода являются ускорение судебных разбирательств и повышение эффективности судебных процессов наряду с высокой правовой защищенностью граждан. К минусам относятся киберриски в тех областях, которые полностью подчинены правилам электронного правосудия без бумажного дубликата, а также меньшая скорость судопроизводства по сравнению с более императивным и всесторонним подходом к внедрению цифровых технологий, как, например, в Эстонии. Введение электронного формата судопроизводства в Финляндии основано на применении добровольного, а не императивно-принудительного характера перехода на электронный формат судопроизводства.

Германия демонстрирует собственную стратегию перехода к цифровой форме судопроизводства. Обязанность по переходу на электронную форму судопроизводства возложена на профессиональных участников процесса (судей, адвокатов), а не на граждан. Граждане имеют право выбора формы предоставления документов, при этом к электронной форме предъявляются жесткие требования, что далеко не всегда делает ее удобной для использования. Адвокаты и судьи в подавляющем большинстве случаев работают только с электронным форматом. Так, с 2018 г. в Германии каждый адвокат обязан иметь специальную адвокатскую электронную почту, по которой осуществляются коммуникации и с профессиональным сообществом, и с судом. Техническое обеспечение такого нововведения полностью возложено на самих адвокатов [5]. В Германии действует принцип Richtervorbehalt, т. е. приоритет принятия решений человеком, а не искусственным интеллектом или роботизированными системами.

Немецкая судебная система является двухуровневой, децентрализованно-сложной, что отражается на процессах цифровизации. Как результат, электронное судопроизводство в Германии, имея региональную специфику, особенности специализированных судов, вызывает затруднения у непрофессиональных участников процесса, что и находит свое отражение в свободе выбора формы судопроизводства (электронная или традиционная) для сторон.

Основные параметры конструирования российской системы правосудия

Руководствуясь системно-структурным подходом и теорией эволюционирующих сложных антропных систем [6, с. 261], выделим основные параметры конструирования цифровой судебной модели разрешения конфликтов и систему мероприятий, направленных на поэтапный переход к указанной модели.

К числу *организационных мероприятий* относятся прежде всего разработка стратегии цифровой трансформации судебной системы и создание инфраструктуры инноваций.

Инфраструктура инноваций как фактор развития судебной системы ранее не создавалась. Вместе с тем такая инфраструктура призвана обеспечить успешное и целенаправленное цифровое развитие судов, оказать значительное влияние на выбор направлений и скорость цифровых преобразований в судебной деятельности на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В этой связи она должна быть, по нашему мнению, представлена: а) внутрисистемным органом, обеспечивающим координацию работы по реализации стратегии цифрового развития судебной системы и межведомственное взаимодействие, б) научно-исследовательским центром, осуществляющим научно-методическое сопровождение проводимых судебных преобразований и обучение судей и работников аппарата суда, в) внутрисистемным органом, осуществляющим непосредственное внедрение, мониторинг и обслуживание цифровых технологий в судебной деятельности.

Представляется, что центральным координационным органом мог бы стать образованный на основании внутрикорпоративного акта Координационный центр цифровой трансформации, возглавляемый Председателем Верховного Суда Российской Федерации. В состав Координационного центра как коллегиального органа, ответственного за продвижение реформ, могли бы войти представители Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и ФГБУ ИАЦ Судебного департамента, председатель Совета судей Российской Федерации, ректор Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, председатели судов, судьи, а также по приглашению – представители иных организаций (прокуратуры, адвокатуры, ФССП, ФСИН и др.).

Интеллектуальным центром, генерирующим новые знания для цифрового развития судов, призван стать Научно-исследовательский институт проблем правосудия, который может быть создан в качестве подразделения РГУП им. В. М. Лебедева. Востребованность такого НИИ в настоящее время очевидна, как и сосредоточение ученых на проблемах, стоящих перед системой правосудия.

Основные параметры организации и функционирования цифровой судебной модели разрешения конфликтов

Цифровые процессуальные права

Анализ национального законодательства, зарубежного опыта убеждает, что *предпочтительной стратегией внедрения электронных форм судопроизводства является добровольность их использования лицами, участвующими в деле*. Сами стороны, исходя из имеющихся обстоятельств, выбирают форму судопроизводства: традиционную или электронный формат. Такое рациональное решение в пользу волеизъявления самого лица, обращающегося за судебной защитой, не только обеспечивает развитие начал диспозитивности, но и устраняет последствия цифрового неравенства.

Вместе с тем наряду с добровольностью выбора электронных форматов судопроизводства должен устанавливаться императив электронного обращения к суду в отношении определенных дел и лиц.

Так, по ряду категорий дел, например приказного производства, следует вводить обращение к суду исключительно через унифицированные формы подачи заявлений, что позволит внедрять хорошо зарекомендовавшие себя и считающиеся доверительными технологии компьютерного зрения. Это позволит существенно снизить нагрузку на мировых судей и арбитражные суды субъектов Российской Федерации, поскольку согласно статистическим данным практически каждое третье дело в них – дело о выдаче судебного приказа.

Кроме того, профессиональные участники процесса (прокуроры, адвокаты, эксперты), органы государственной власти и местного самоуправления также должны обращаться в суд исключительно в электронном виде.

К цифровых правам лиц, участвующих в деле, подлежащим закреплению в процессуальном законодательстве, должны быть отнесены: право выбора формата судопроизводства не только при подаче обращения в суд, но и в любой момент возбужденного судопроизводства. Участник процесса вправе заявить ходатайство о проведении части процесса в электронном или традиционном формате. У суда должна быть обязанность не только рассмотреть заявленное ходатайство о проведении онлайн судебного заседания и удовлетворить его при наличии технической возможности, но и мотивированно отказать в проведении виртуального заседания, учитывая интересы других участников процесса, а также достижение цели судопроизводства, реализацию принципа непосредственности.

Информационное и материально-техническое обеспечение цифровой судебной модели разрешения конфликтов

1. *Интеграция судебных платформ с иными государственными базами данных и электронными реестрами.* Межведомственное взаимодействие, цифровой обмен данными позволят освободить граждан и организации от сбора тех доказательств, которые имеются в государственных базах данных. Возможность автоматических запросов позволят не только ускорить судебный процесс, но и сделать его более простым и понятным для граждан, а также существенно его удешевить.

2. *Простота и удобство цифровых судебных инструментов.* Цифровые сервисы и программы, применяемые в суде, должны быть просты и удобны для пользователей, а процесс их разработки – включать не только учет требований законодательства и режима безопасности, но и интерфейс (user-friendly), который должен быть интуитивно понятным и не требовать сложных инструкций для пользователя. Первоочередная задача – сделать цифровые формы коммуникаций востребованными в силу их удобства и тех выгод, которые влекут дистанционные формы.

3. *Комплексное внедрение в систему правосудия всех ключевых технологий ИИ, которые демонстрируют разную степень зрелости.*

К числу направлений ИИ относятся не только генеративные модели (генеративный ИИ), но и технологии, которые уже много лет внедряются и масштабируются, – речевые технологии, компьютерное зрение и рекомендательные системы. Таким образом, выделены четыре ключевые технологии[10], которые внедрялись в разные временны́е периоды и имеют разные сроки апробации и разную степень доверия.

Например, технологии обработки естественного языка и речевые технологии появились еще в 1950-х гг. Ключевые функции данных технологий включают распознавание и синтез речи, анализ и понимание текста, машинный перевод, извлечение информации. Применительно к судебной деятельности ценность указанных технологий – в их способности обработки и фиксации речи в ходе судебных заседаний (транскрибация), что способствует существенному снижению нагрузки на секретарей судебного заседания и помощников судей. Но указанные технологии могут оказать существенную помощь не только работникам аппарата суда, но и судьям. Технологии транскрибации позволяют создавать оригинальный текст, например мотивировочную часть решения суда, через преобразование устной речи судьи в письменный текст. Технология обработки естественного языка воспринимается бизнес-сообществом как техноло-

[10] Отчет «Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы». Москва, 2025. С. 4. URL: https://hsbi.hse.ru/upload/events/2025/ИИ_в_России_тренды_и_перспективы.pdf (дата обращения: 07.03.2026).

гия с высоким экономическим потенциалом: 90% компаний из продвинутых в ИИ отраслей отмечают ее способность обеспечивать значимый финансовый эффект в отдельных функциях[11].

Экспертные (рекомендательные) системы также показывают высокую степень зрелости и надежности. Они создавались и развиваются начиная с 1990-х гг. Указанные технологии оцениваются пользователями как надежные и вызывающие доверие. На базе рекомендательных систем формируются решения, которые основаны на большом наборе вариантов выбора. В судебной деятельности их можно использовать при распределении дел, в качестве помощников судей, подсказывающих необходимость совершения последующих процессуальных и организационных действий, при сборе необходимых доказательств.

Преимущества и возможности использования ИИ в судебном процессе являются очевидными. Это в первую очередь увеличение скорости самого процесса, качества и точности в сложных вычислительных действиях (подсчет взыскиваемых денежных сумм, расчет процентов, неустойки, проведение иных математических действий). Так, нейросети активно используются для анализа большого объема информации, они позволяют более точно определить доли при разделе имущества, предлагая различные варианты, которые учитывали бы интересы сторон, при этом выполняя такие сложные операции за считанные секунды. Очевидно, что далеко не всегда возможности человека столь же велики, как компьютеризированных технологий [7, с. 589].

Так, в *Австралии* успешно функционирует программное обеспечение на основе ИИ, которое называется Slit Up и помогает произвести наиболее точные расчеты при рассмотрении бракоразводных дел [8, p. 200]. В *Китае* существуют ИИ-ассистенты для судей, которые обрабатывают заявления и выполняют служебные задачи [9, с. 9].

Цифровизацию судопроизводства, цифровой судебный документооборот следует воспринимать как процесс естественный и неизбежный в рамках общей направленности развития государственных и общественных институтов, но одновременно с этим необходимо понимать и осознавать все риски, которые технологии могут за собой повлечь [10, с. 34].

Прежде всего указанные риски связаны с «галлюцинациями» ИИ, что может повлечь недостоверность информации, полученной с применением технологий. ИИ не демонстрирует, каким образом был получен конкретный результат, что противоречит принципу мотивированности судебного решения. Сами алгоритмы также могут быть неидеальными; основываясь на исторических данных, они могут принимать решения, содержащие предубеждения, а также институциональные ошибки прошлой судебной практики, придавая этому вид «объективности» [11, с. 250].

В судебной деятельности подобное недопустимо, что повышает роль судьи и объясняет инструментальное значение ИИ в совокупности с ответственностью судьи за вынесенное решение.

Еще один аргумент «против» связан с тем, что любая цифровая система, программа и т. п. являются уязвимыми [12, с. 16], что, бесспорно, соответствует действительности. Однако и нецифровые системы и используемые методы также не защищены от воздействия внешней среды. А нередко последствия уязвимости последних еще более вредоносны. В то же время критика цифровизации позволяет более детально и взвешенно подходить к апробации любых цифровых инноваций в судебную деятельность, а также применять гибридные формы обеспечения сохранности документации, вынужденно сохраняя бумажные форматы даже в автономном (отключенном от цифровых программ) режиме. В данном контексте следует придерживаться постулата о том, что цифровизация должна способствовать судебному процессу, но не ставить его в зависимость от себя.

---

[11] Отчет «Искусственный интеллект в России – 2025: тренды и перспективы». С. 70.

4. Внедрение технологий ИИ, широкое использование дистанционных способов коммуникаций с участниками процесса, включая проведение онлайн судебных заседаний, предопределяют необходимость *обеспечения судов оборудованными залами судебного заседания для проведения онлайн-заседаний.*

Этические правила использования ИИ в судебной деятельности

Не без оснований считается, что привычка полагаться на роботизированную систему может привести к судебным ошибкам, субъективной ИИ-зависимости от цифровых помощников, влекущей деградацию профессионализма. Судья может полагаться на машинное решение и оказаться в психологической зависимости от ИИ, особенно если он работает в условиях перегрузки.

Стремление к утилитарному использованию новых технологий [13] как источнику снижения нагрузки на судей, как средству повышения экономической эффективности [14, с. 210] судебной деятельности не должно отразиться на гуманистической природе правосудия.

Одним из средств противодействия негативному действию алгоритмов служит этическое регулирование использования ИИ в судебной деятельности.

Профессиональная судейская этика – это форма социальной ответственности судьи как носителя судебной власти, решения которого выносятся от имени Российской Федерации и персонифицируются не с конкретной личностью судьи-гражданина, а с государством в целом.

Профессиональная судейская этика строится на основе деонтологических принципов, исходя из добросовестного исполнения судьей служебных обязанностей.

Имея в виду динамичное развитие цифровой этики (или этики ИИ) как в нашей стране, так и за рубежом, полагаем необходимым разработку и принятие на основе корпоративного внутрисистемного акта этических принципов использования технологий ИИ в судебной деятельности в качестве регуляторов должного поведения судей. Представляется, что к числу таких принципов следует отнести: а) принцип вспомогательной роли технологий ИИ в судебной деятельности, предполагающий ответственность судьи за вынесенное решение и использование ИИ как ассистента; б) уважение прав граждан; в) принцип равенства и недискриминации; в) принцип безопасности, предполагающий, в частности, защиту персональных данных; г) принцип использования доверительных технологий ИИ, суверенных нейросетей.

Таким образом, технологии ИИ из разряда ожиданий переходят в сегмент массового применения, охватывая в том числе сферу правосудия, что диктует необходимость конструирования цифровой судебной модели разрешения социальных конфликтов, разработки соответствующей стратегии, а также создания соционормативной регулятивной системы, устанавливающей правила использования ИИ в судебной деятельности и включающей правовые и этические регуляторы.

Список источников

1. Мальцев Г. В. Социальные основания права : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2016. 800 с.

2. Желнин А. И. Объективное воплощение логики: от вычислительных машин к жизни и интеллекту? // Философская мысль. 2024. № 2. С. 34–47.

3. Грудцына Л. Ю. Цифровизация правосудия в Эстонии // Международный академический журнал. 2025. № 2. С. 53–57.

4. Kolesnikov A. Establishment and development of electronic justice: the experience of Finland // Journal of Law and Social Sciences. 2023. No. 9. P. 8–12.

5. Проскурякова М. И. Электронное правосудие в Германии: актуальное состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9, № 3. С. 443–447.

6. Войцехович В. Э. Системно-структурный подход: от Демокрита до Пригожина // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. тр. XXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 27–29 июня 2024 г.) : в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. В. Н. Волкова, Г. В. Горелова. СПб. : Политех-Пресс, 2024. С. 257–264.

7. Унижаев Н. В. Преимущества использования искусственного интеллекта и нейросетей в правовой системе Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 2. С. 587–600.

8. Zeleznikow J., Stranieri A. Split up: an intelligent decision support system which provides advice upon property division following divorce // International Journal of Law and Information Technology. 1998. Vol. 6, issue 2. P. 190–213.

9. Бурдина Е. В. Стратегия цифровой трансформации судебной деятельности: основные подходы с учетом национального и зарубежного опыта // Российское правосудие. 2025. № 11. С. 5–19.

10. Линкин-Хард Д. С. Необходимость реформирования институтов публичной власти и гражданского общества в условиях цифровизации // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 32–36.

11. Гун Н., Дун Д. Применение и теоретическое развитие искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Правоведение. 2024. № 2. С. 241–256.

12. Колесников К. Д. Актуальные проблемы в организации и развитии электронного правосудия в Российской Федерации // Вестник права. 2024. № 4. С. 15–19.

13. Тимошенко А. А., Тимченко А. В. Цифровизация в понимании философии, права, политологии и экономики: междисциплинарный подход // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7, № 2. С. 35–44.

14. Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информационного права и законодательства // Государство и право. 2025. № 11. С. 204–219.

References

1. Maltsev G. V. *Social foundations of law.* Moscow: Norma; Infra-M; 2016. 800 p. (In Russ.)

2. Zhelnin A. I. Objective embodiment of logic: from computational machines to life and intelligence? *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought.* 2024;(2):34-47. (In Russ.)

3. Grudtsyna L. Yu. Digitalization of justice in Estonia. *International Academic Journal.* 2025;(2):53-57. (In Russ.)

4. Kolesnikov A. Establishment and development of electronic justice: the experience of Finland. *Journal of Law and Social Sciences.* 2023;(9):8-12.

5. Proskuryakova M. I. E-Justice in Germany: current status and development prospects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2018;9(3):443-447. (In Russ.)

6. Voitsekhovich V. E. The system-structural approach: from Democritus to Prigozhin. In: V. N. Volkova, G. V. Gorelova, eds. *System analysis in design and management*. Collection of scientific papers XXVIII International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, 27–29 June, 2024). In 2 pts. Pt. 1. St. Petersburg: Politekh-Press. Pp. 257–264. (In Russ.)

7. Unizhaev N. V. The benefits of artificial intelligence and neural networks in the legal system of the Russian Federation. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law.* 2023;13(2):587-600. (In Russ.)

8. Zeleznikow J., Stranieri A. Split up: an intelligent decision support system which provides advice upon property division following divorce. *International Journal of Law and Information Technology*. 1998;6(2):190-213.

9. Burdina E. V. Strategy for digital transformation of judicial activity: main approaches taking into account national and foreign experience. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2025;(11):5-19. (In Russ.)

10. Linkin-Khard D. S. The need to reform institutions of public authority and civil society in the context of digitalization. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = Public Service and Personnel.* 2025;(2):32-36. (In Russ.)

11. Gong N., Dong D. Application and theoretical development of artificial intelligence in civil proceedings. *Pravovedenie.* 2024;(2):241-256. (In Russ.)

12. Kolesnikov K. D. Actual problems in the organization and development of electronic justice in the Russian Federation. *Vestnik prava = Law Bulletin*. 2024;(4):15-19. (In Russ.)

13. Timoshenko A. A., Timchenko A. V. Digitalization in the understanding of philosophy, law, political science, and economics: an interdisciplinary approach. *Russian Journal of Legal Studies*. 2020;7(2):35-44. (In Russ.)

14. Polyakova T. A., Minbaleev A. V., Krotkova N. V. Digital transformation as a legal phenomenon and its impact on the development of information law and legislation. *State and Law*. 2025;(11):204-219. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. В. Бурдина – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности;

В. В. Доброродова – консультант Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Information about the authors

E. V. Burdina – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Head of the Organization of Judicial and Law Enforcement Activities Department;

V. V. Dobrorodova – Consultant of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation.

Вклад авторов:

Бурдина Е. В. – научное руководство; доработка текста; итоговые выводы.

Доброродова В. В. – концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Burdina E. V. – scientific supervision; revision of the manuscript; final conclusions.

Dobrorodova V. V. – research concept; methodology development; drafting of the original manuscript; final conclusions.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 13.04.2026.

The article was submitted 16.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 18–29
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 18–29
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.18-29
Научная статья

Влияние интенсивности служебной нагрузки судьи на объем текста судебного решения (статистическое исследование)

Владимир Анатольевич Болдырев[1], Юлия Игоревна Клепалова[2]

[1, 2] Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация
[1] vabold@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1454-6886
[2] klepalova.yulia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4842-3531

Аннотация. Постановка проблемы. Обнаружение статистической связи между интенсивностью служебной нагрузки и объемом текста изготавливаемых судьями и их помощниками решений может способствовать более рациональному нормированию и организации труда. Цель работы – установить взаимосвязь между интенсивностью служебной нагрузки, ложащейся на судей арбитражных судов, и объемом текстов изготавливаемых ими итоговых процессуальных решений. Задачи исследования: 1) определить наличие прямой или обратной статистической зависимости между интенсивностью служебной нагрузки судей и объемом текстов подготавливаемых судебных актов; 2) предложить меры, направленные на оптимизацию объема текста судебных актов.
Использованы статистические методы, сравнительный метод, метод правового прогнозирования.
Группировка данных о решениях арбитражных судов по искам об устранении препятствий к пользованию вещью (негаторным искам) позволяет констатировать существование прямой статистической зависимости: при большей служебной нагрузке юрисдикционные органы изготавливают большие по объему судебные акты. Выявленная закономерность может свидетельствовать о проблеме отождествления частью представителей судейского сообщества аргументированного текста решения и текста решения, большого по объему знаков. Наиболее вероятной техникой искусственного увеличения объема текстов судебных актов, о которой заявляют представители юридического сообщества, является использование текстов ранее изготовленных решений (копипаст). Существует необходимость определения областей правоприменения, где использование шаблонных документов способно приводить к увеличению качества судебных актов, и тех областей, где ориентация судов на шаблон способна ухудшить качество судебного акта и судебного процесса.

Ключевые слова: мотивированность решения, судебное решение, арбитражный суд, состязательность, документы-клише, мотивировочная часть, резолютивная часть, помощник судьи

Для цитирования: Болдырев В. А., Клепалова Ю. И. Влияние интенсивности служебной нагрузки судьи на объем текста судебного решения (статистическое исследование) // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 18–29. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.18-29.

© Болдырев В. А., Клепалова Ю. И., 2026

Original article

The Impact of the Intensity of a Judge's Workload on the Volume of a Court Decision (Statistical Study)

Vladimir A. Boldyrev[1], Yulia I. Klepalova[2]

[1, 2] North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation
[1] vabold@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1454-6886
[2] klepalova.yulia@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-4842-3531

Abstract. Discovery of a statistical relationship between the intensity of the official workload and the volume of text of decisions prepared by judges and their assistants may contribute to more rational standardization and organization of their work. The purpose of the work is to establish the relationship between the intensity of the official workload imposed on judges of arbitration courts and the volume of texts of final procedural decisions prepared by them. Research objectives: 1) to determine the presence of a direct or inverse statistical relationship between the intensity of the official workload of judges and the volume of texts of prepared judicial acts, 2) to propose measures aimed at optimizing the volume of text of judicial acts.
Statistical methods, comparative method, and legal forecasting method are used.
Grouping of data on arbitration court decisions on claims for the removal of obstacles to the use of a thing (negatory claims) allows us to state the existence of a direct statistical dependence: with a greater official workload, jurisdictional bodies prepare larger judicial acts. The identified pattern may indicate a problem with the identification by some representatives of the judicial community of a reasoned decision text and a decision text that is large in character volume. The most likely technique for artificially increasing the volume of texts of judicial acts, which is stated by representatives of the legal community, is the use of texts of previously prepared decisions (copy-paste). There is a need to determine the areas of law enforcement where the use of template documents can lead to an increase in the quality of judicial acts, and those areas where the courts' orientation to the template can worsen the quality of the judicial act and the judicial process.

Keywords: reasoned decision, court decision, arbitration court, adversarial nature, cliche documents, reasoning part, operative part, assistant judge

For citation: Boldyrev V. A., Klepalova Yu. I. The impact of the intensity of a judge's workload on the volume of a court decision (statistical study). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):18-29. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.18-29.

Детальное изложение обстоятельств дела и подробное описание нормативной основы вынесенного судебного акта далеко не всегда делают его более мотивированным. Стремление наполнить судебное решение множественными ссылками на правовые нормы и факты действительности, когда оно выходит за рамки разумного, лишь снижает качество работы судебной системы. Принцип инстанционности, предполагающий необходимость изучения аргументов и выводов юрисдикционного органа судами вышестоящих инстанций, должен стимулировать к написанию лаконичных, но сохраняющих должный уровень информативности судебных актов.

Мотивированность судебных решений правомерно связывают не только с приведением конкретных доказательств, но и с построением системы аргументов, обосновывающих принятое решение [1, с. 125]. Считается, что мотивированность является внешним выражением обоснованности судебного акта, позволяющим понять лицу, его изучающему, внутреннюю логику принятого решения [2, с. 10], ход мыслительного процесса судьи [3, с. 123], процесс познания [4, с. 70]. Отдельные исследователи полагают, что именно мотивированность судебного акта «является определяющей для законности и обоснованности» [5, с. 311].

Н. А. Тузов отмечал нехватку законодательно закрепленного критерия оценки – мотивированности – для целей судебных актов в апелляционной и кассационной инстанци-

ях[1]. Однако даже существующее в законе для суда, разрешающего дело по существу, требование о мотивированности решений (ч. 4 ст. 15 АПК РФ, ч. 4 ст. 198 ГПК РФ) сталкивается с реалиями юридической жизни: часто суды апелляционной и кассационной инстанций сохраняют вынесенный акт в силе в тех случаях, когда он не основан на отраженных в мотивировочной части решения аргументах, при условии, что он является «правильным» по существу [6, с. 123].

Сегодня в законодательстве не используется категория «качество судебного акта», однако соответствующие параметры (полнота, мотивированность, справедливость) называют как официальные лица, так и ученые [7, с. 71]. Как полагают О. В. Качалова и М. В. Беляев, критерии качества судебных решений могут находиться и вне рамок правового регулирования [8, с. 82].

О. В. Бачалиашвили отмечает, что судебные акты «представляют собой пакеты информации по определенным вопросам и облекаются в стандартную форму» [9, с. 126–127]. Принятие судебного решения представляет собой сложный процесс последовательной аргументации, переплетенной с интуитивными суждениями, основанными на эвристике, и согласованием полученных данных с имеющимися судебными прецедентами [10, p. 4].

Упоминание в акте официального толкования права советского периода, действующем до настоящего времени, «…недостаточно мотивированных приговоров, решений, определений и постановлений»[2] показывает сложность передачи внутренней убежденности судьи иным лицам. Не является простым и вопрос о том, кому необходим мотивированный судебный акт: участникам судопроизводства, обществу или суду вышестоящей инстанции?

Как отмечает А. Р. Султанов, в основе мотивированного ответа на процессуальное обращение гражданина лежит обязанность государства уважать достоинство личности, причем даже в большей мере, чем право лица быть выслушанным [11, с. 223]. Л. А. Терехова и А. В. Рябусова указывают: мотивированность применительно к судебным актам означает, что доводы участников судопроизводства изучены и оценены [12, с. 76]. А. Р. Шарипова считает, что «мотивировка (аргументация) суда в большой степени зависит от позиций сторон» [6, с. 124].

С гуманистической точки зрения первейшей обязанностью суда является ответ на систему аргументов участников судопроизводства, главным образом того из них, чья позиция судом отклоняется. Основной объем мотивировочной части в этом случае будет зависеть от объема представленной информации и характера доводов, высказанных участниками судопроизводства. Однако Л. А. Терехова и А. В. Рябусова справедливо отмечают, что «не только заявителю, но и обществу в целом необходимо понимать, на чем основаны выводы суда, чтобы оценить справедливость последнего» [12, с. 77].

Обсуждая проблему когнитивного стиля судей (известное зарубежной науке деление судей на категоричных «ежей» и осторожных «лис»), Грегори Митчелл и Филип Э. Тетлок отмечают, что «ежи» с их более широкими, определенными и предсказуемыми подходами к делам, скорее всего, будут иметь лучший вид в глазах ключевой сопутствующей аудитории – предприятий и бизнес-юристов [13, p. 282].

Хорошо, когда судебный акт правильно понят общественностью: в совокупности других судебных документов он выполняет свою воспитательную функцию [14, с. 186], функцию

---

[1] Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / под. ред. В. В. Ершова. М. : РАП, 2011. С. 144.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения» (с изм. и доп.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

стабилизации общественных отношений, ибо известность судебной практики создает правовую определенность [15, с. 51]. Однако, несмотря на то что в эпоху информатизации круг потенциальных читателей судебных актов, размещаемых в сети «Интернет», существенно расширился[3], для юридического дискурса (как для любого институционального узкоспециализированного дискурса) все еще характерен *лимитированный характер*: «…не каждый носитель языка способен понять и осмыслить данный дискурс без специальной подготовки» [16, с. 23]. А. Е. Кирпичев, обращающийся к проблеме судейской откровенности (judicial candor) и возможности несовпадения приведенной аргументации с действительными мотивами принятого судьей решения, справедливо отмечает: «…на практике судебные решения адресованы прежде всего профессиональной аудитории – юристам, которые будут их толковать, анализировать и применять в дальнейшем» [17, с. 114].

Догматизм, ориентация при проведении научных изысканий в области права преимущественно на содержание норм закона и позиции известных в соответствующей области ученых-юристов хорошо известны исследователям, занимающимся науковедческой и правоприменительной проблематикой. Не является исключением разработка проблемы мотивированности судебного акта: она анализируется лишь в контексте содержания норм позитивного права [18, с. 166]. Мы подходим к проблеме с необычной стороны: на основе собранных данных о служебной нагрузке, ложащейся на судей арбитражных судов первой инстанции, и объеме изготавливаемых ими судебных актов определяем характер статистической связи между данными показателями и предлагаем наши объяснения выявленной закономерности.

При проведении настоящего исследования были сделаны следующие допущения:

1) количество размещенных в *Банке решений арбитражных судов*[4] судебных актов (решений и определений), вынесенных в 2024 г., приходящихся на одного судью[5], объективно характеризует интенсивность служебной нагрузки судей;

2) решения судов первой инстанции, которые содержат норму ст. 304 ГК РФ («Собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения»), относятся к одному классу дел, в которых рассматриваются сравнимые требования (как правило, негаторные иски);

3) выборка, включающая первые 50 решений арбитражного суда субъекта Российской Федерации, является достаточной для оценки статистических закономерностей (с учетом последующей группировки полученных данных);

4) имеющийся штат помощников судей, уровень их подготовки и степень вовлеченности в процесс подготовки судебных актов являются примерно одинаковыми.

Первый этап исследования: с использованием Банка решений арбитражных судов было проведено ранжирование арбитражных судов, находящихся в городах с населением более одного миллиона человек (всего 16 городов)[6]. Арбитражные суды были условно по-

---

[3] Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ст. 15) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[4] Электронное правосудие : [сайт]. URL: https://ras.arbitr.ru/?ysclid=m8yrls35hf403779126 (даты обращений: 01.12.2024–01.02.2025).

[5] Количество судей определялось на основании фактических данных о конкретных персоналиях, размещенных на официальных сайтах соответствующих арбитражных судов на 9 января 2025 г.

[6] Российские города, имеющие, по официальным данным, на 1 января 2024 г. население свыше 1 млн человек (Крупнейшие города России – 2025: численность населения, места в рейтингах // РИА новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20250226/goroda-1832007799.html?ysclid=m8ysh1he97275997883 (дата обращения: 01.04.2025).

делены на две группы по среднему количеству вынесенных в 2024 г. судебных актов всех типов (решений и определений), приходящихся на одного судью: *первые восемь – с условно-низкой нагрузкой* (в диапазоне от 2770 до 3957 судебных актов на одного судью); *вторые восемь – с условно-высокой нагрузкой* (в диапазоне от 4088 до 5565 судебных актов на одного судью).

Второй этап исследования: проведение выборки судебных решений с использованием Банка решений арбитражных судов путем формирования 16 поисковых запросов (для каждого из выбранных арбитражных судов). В полях поискового интерфейса указывался запрос на обнаружение текста документа: *«Собственник может требовать устранения всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения»*. Период поиска: *1 января 2024 г. – 31 декабря 2024 г.* В тех случаях, когда количество решений судов, содержащих искомую фразу, оказывалось менее 50 (4 случая), недостающие решения были взяты из числа вынесенных судами за период 2023 г. Всего было отобрано 800 судебных актов: по 50 решений каждого из 16 арбитражных судов. Результаты сводки и группировки данных представлены для судов: с условно-низкой нагрузкой – в табл. 1, с условно-высокой нагрузкой – в табл. 2.

Таблица 1

Средний объем решений в группе арбитражных судов с условно-низкой нагрузкой

Показатель	Арбитражный суд							
	Пермского края	Нижегородской области	Красноярского края	Свердловской области	Республики Татарстан	Воронежской области	Самарской области	Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Средний объем судебных актов в символах по субъекту Российской Федерации	21 277	14 913	33 763	20 205	20 426	25 217	19 374	17 141
Средний объем судебных актов по группе арбитражных судов субъектов Российской Федерации	21 539							
Количество судебных актов, содержащих ключевую фразу, за 2023 г.	97	44	45	104	96	31	62	215
Количество судебных актов, содержащих ключевую фразу, за 2024 г.	112	43	55	80	95	35	69	236

Окончание таблицы 1

Показатель	Арбитражный суд							
	Пермского края	Нижегородской области	Красноярского края	Свердловской области	Республики Татарстан	Воронежской области	Самарской области	Санкт-Петербурга и Ленинградской области
Количество судей на январь 2025 г.	61	54	58	96	63	39	61	115
Количество судебных актов (решений и определений), вынесенных в 2024 г.	168 997	150 678	162 815	327 166	229 558	143 581	236 734	455 118
Среднее количество судебных актов (решений и определений), вынесенных судьей в 2024 г.	2770	2790	2807	3407	3643	3681	3880	3957

Таблица 2

Средний объем решений в группе арбитражных судов с условно-высокой нагрузкой

Показатель	Арбитражный суд							
	Омской области	Новосибирской области	Челябинской области	города Москвы	Ростовской области	Краснодарского края	Волгоградской области	Республики Башкортостан
Средний объем судебных актов в символах по субъекту Российской Федерации	33 017	25 237	24 677	24 841	18 550	22 956	23 257	29 025
Средний объем судебных актов по группе арбитражных судов субъектов Российской Федерации	25 195							

Окончание таблицы 2

Показатель	Арбитражный суд							
	Омской области	Новосибирской области	Челябинской области	города Москвы	Ростовской области	Краснодарского края	Волгоградской области	Республики Башкортостан
Количество судебных актов, содержащих ключевую фразу, за 2023 г.	47	48	43	536	51	177	31	49
Количество судебных актов, содержащих ключевую фразу, за 2024 г.	63	49	52	485	74	189	36	56
Количество судей на январь 2025 г.	34	55	58	183	62	85	36	60
Количество судебных актов (решений и определений), вынесенных в 2024 г.	139 016	229 445	263 464	872 751	302 434	455 501	196 733	333 942
Среднее количество судебных актов (решений и определений), вынесенных судьей в 2024 г.	4088	4171	4542	4769	4877	5358	5464	5565

Третий этап исследования: определение среднего объема судебного акта, вынесенного при рассмотрении негаторного иска, определялось по количеству символов. Количество символов в файлах загруженных судебных решений устанавливалось при помощи интернет-ресурса Word Counter[7]. На данном этапе были получены следующие результаты:

1) средний объем судебных актов, вынесенных арбитражными судами с условно-низкой нагрузкой, – 21 539 символов;

2) средний объем судебных актов, вынесенных арбитражными судами с условно-высокой нагрузкой, – 25 195 символов.

Таким образом, тексты решений арбитражных судов с большей нагрузкой на судью превосходили по объему тексты решений судов с меньшей нагрузкой на судью в среднем на 17%. Столь существенная разница позволяет заключить, что в условиях высокой нагрузки судьи и их помощники склонны составлять решения большего объема, нежели в условиях низкой нагрузки.

[7] URL: https://pdfwordcounter.io/ru/ (даты обращений: 01.12.2024–01.02.2025).

Наиболее уязвимым моментом в проведенном статистическом исследовании является допущение о том, что среднее количество решений и определений, приходящихся на судью, адекватно отражает уровень его служебной нагрузки. Однако даже в исследованиях, проводимых с пользованием нейросетей, для анализа больших данных количество рассматриваемых дел (а значит, и судебных актов) оказывается основным и наиболее адекватным критерием, характеризующим служебную нагрузку судей [19]. Кроме того, мы исходим из того, что эмпирический подход, не основанный на оценке мнений о собственной работе [20, p. 13], а также возможность проверить полученные данные в ходе повторного выполнения условий сделанной выборки обеспечивают прозрачность исследовательской методологии и создают основу для доверия его результатам.

Выявленные статистические закономерности требуют объяснений с учетом тенденций развития информационных процессов, происходящих в обществе, и характера проблем, констатируемых учеными-процессуалистами.

Зачастую характер принимаемых человеком в ходе юридического процесса решений зависит от контекстуальной информации [21, p. 116]. Системы убеждений являются частью скрытых аспектов судейства [22, p. 138]. Сценарии находят отражение в языке юриста, поскольку «…обозначают привычные ситуации, стереотипные смены событий» [9, с. 122], и они вытекают из личного опыта и убеждений судьи. «Эффект прайминга» – механизм памяти, при котором мозг интерпретирует новые знания в контексте ранее приобретенных, – получает признание в юридических исследованиях [23, с. 45]. Текст, описывающий обстоятельства действительности, зачастую упрощает реальность – «округляет» их до привычных значений.

Как отмечает А. Р. Султанов, «штампы и клише, на первый взгляд, увеличивают мотивировочную часть судебного акта, занимая место в судебном акте, создавая впечатление работы над мотивировкой, но на самом деле укорачивают судебный акт, при этом не дают никакой полезной информации по делу» [24, с. 81–82]. Ф. Ю. Васильев считает, что «использование терминологических штампов при составлении процессуальных документов возможно, но недопустима подмена ими обоснования судебного решения» [25, с. 61].

Упрощение фактических обстоятельств, познавательных процессов и, как следствие, самого процесса аргументации является неизбежным результатом рассмотрения однотипных дел, имеющим за собой вполне определенную современную форму выражения – копипаст. На проблему копипаста в судебных решениях обращают внимание не только отдельные исследователи [26, с. 72], но и Пленум Верховного Суда Российской Федерации[8].

В числе обобщенных требований, предъявляемых к языку судебных документов, С. В. Ахметова и А. Н. Бабенко называют «экономичность, емкость, компактность выражений» [2, с. 15]. Ими же отмечается полезность шаблонов документов [2, с. 17]. Думаем, возможность использования шаблонов для составления судебных актов, которыми дела разрешаются по существу, ограничена как по категориям споров, так и по обстоятельствам, в которых обращение к соответствующему приему техники подготовки документа может дать позитивный эффект.

Решения судов, объем которых значителен, а содержательное наполнение – минимально, могут быть результатом пересказа содержания норм правовых актов и положений актов официального толкования права. Когда между участниками судопроизводства отсутствуют разногласия, связанные с оценкой применимых норм права и их пониманием, такие расширенные «цитирования» не имеют основания. К настоящему времени предпосылкой объек-

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

тивного характера для цитирования крупных фрагментов законов либо частей других судебных актов стала технологическая среда подготовки текстов судебных решений, включающая в качестве своего элемента справочные правовые системы [27, с. 107; 28, с. 214]. Это наиболее безобидный и самый распространенный способ наполнить судебный акт информацией, хотя и имеющей отношение к спору, но фактически не делающей его более мотивированным. Презумпция знания судом применимого права (лат. jura novit curia) исключает необходимость приводить общие нормы законодательства в обоснование выносимого решения, если только обстоятельства дела не дают к тому особого повода.

Заключение

Полагаем, что снижение нагрузки на судей в большинстве случаев приведет к повышению качества выносимых судебных актов. Однако такое решение поднятой проблемы может иметь ряд отрицательных последствий. Отказ в правосудии и возникновение бюджетного дефицита в результате затрат на расширение штата судей и их помощников находятся на разных полюсах широкого спектра возможных проблем. Как следствие, считаем рациональным связывать перспективу повышения культуры составления судебных документов с наработкой и обобщением методологических практик, направленных на получение искомого результата отправления правосудия – лаконичных, информационно насыщенных (но не страдающих избыточностью данных) хорошо аргументированных и справедливых судебных актов. Одним из важных направлений исследований в этом случае может стать определение областей правоприменения, где использование шаблонных документов способно приводить к увеличению качества судебных актов (например, типичные налоговые, пенсионные, потребительские споры) и тех областей, где ориентация судов на шаблон способна ухудшить качество судебного акта и судебного процесса (например, корпоративные споры, споры о сносе и легализации самовольных построек).

Выявленная в ходе проведенного статистического исследования решений арбитражных судов закономерность – больший объем судебных актов, вынесенных судьями, имеющими высокую нагрузку, может свидетельствовать о проблеме отождествления частью представителей судейского сообщества аргументированного текста решения и текста решения, большого по объему знаков.

Обнаруженная закономерность и предложенная методология исследовательской работы требует обстоятельной проверки в ходе масштабного анализа судебных актов, вынесенных при рассмотрении: а) различных категорий споров; б) широким кругом судов первой инстанции (арбитражных судов и судов общей юрисдикции); в) жалоб судами апелляционных и кассационных инстанций. Полученные совокупные результаты могут быть использованы с целью разработки компьютерного алгоритма – программы для ЭВМ, позволяющей вести оперативный мониторинг нагрузки на судей и отслеживать существенные колебания в качестве выносимых судебных актов и уровне служебной нагрузки.

Список источников

1. Абакумова М. Г. Отражение беспристрастности судей в судебных постановлениях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 2 (11). С. 123–131.

2. Ахметова С. В., Бабенко А. Н. Требования, предъявляемые к судебным документам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 7–24.

3. Старицын А. Ю. Решение, принятое по делу в рамках упрощенного производства // Сибирский юридический вестник. 2022. № 2 (97). С. 122–126.

4. Андреева О. И., Писаревский И. И. Обоснованность и мотивированность приговора : моногр. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. 260 с.

5. Тузов Н. А. Основы теории судебных актов в Российской Федерации : моногр. М. : Рос. акад. правосудия, 2011. 504 с.

6. Шарипова А. Р. Единые стандарты судебных актов в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводствах // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 2 (50). С. 122–126.

7. Шаповалова Я. В. Дефекты судебных актов: понятие, сущность, последствия // Теория и практика общественного развития. 2018. № 1 (119). С. 71–74.

8. Качалова О. В., Беляев М. В. Критерии качества судебных решений в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2024. № 3. С. 82–90.

9. Бачалиашвили О. В. Лингвистическая форма выражения когнитивной модели сценария судебного заседания // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 2. С. 120–128.

10. Zhang N., Zhang Z. The application of cognitive neuroscience to judicial models: recent progress and trends // Frontires in Neuroscience. 2023. Vol. 17. P. 1–7.

11. Султанов А. Р. Правовые последствия немотивированности ненормативных правовых актов при их оспаривании в судах // Вестник гражданского процесса. 2014. № 4. С. 221–231.

12. Терехова Л. А., Рябусова А. В. Требования, предъявляемые к определениям суда, в свете гарантий права на справедливое судебное разбирательство // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 1. С. 73–81.

13. Mitchell G., Tetlock P. E. Cognitive style and judging // The psychology of judicial decision making / eds. D. Klein, G. Mitchell. New York : Oxford University Press, 2010. P. 279–283.

14. Скобелев В. П. Проблемы мотивированности судебных решений в гражданском процессуальном праве Республики Беларусь // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 167–192.

15. Султанов А. Р. Упрощение или уничтожение правосудия? // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 1 (20). С. 48–53.

16. Баландина И. Д., Москвитина Т. Н., Селютин Ал. А. Когнитивный подход к описанию юридического дискурса (на примере английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1 (435). С. 21–28.

17. Кирпичев А. Е. Концепция судейской откровенности (judicial candor): предпосылки, развитие и современное состояние // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 3. С. 104–122.

18. Савельева Т. А. Мотивированность решения арбитражного суда: новеллы законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 165–170.

19. Yang L, Yi J. Peng H. Big-data measurement-model research about judges' actual workload in China // Asian Journal of Law and Society. 2020. Vol. 7. P. 541–560.

20. Bradley A. S. The disruptive neuroscience of judicial choice // UC Irvine Law Review. 2018. Vol. 9, issue 1. P. 1–52.

21. Busey T. A., Loftus G. R. Cognitive science and the law // Trends in Cognitive Sciences. 2007. Vol. 11, no. 3. P. 111–117.

22. Drobak J. N., Douglass C. N. Understanding judicial decision-making: the importance of constraints on non-rational deliberations // Journal of Law & Policy. 2008. Vol. 26. P. 131–154.

23. Грибов Н. Д. Влияние когнитивных искажений на осуществление правосудия по гражданским и экономическим делам // Российское правосудие. 2024. № 11. С. 41–48.

24. Султанов А. Р. О негативных последствиях использования «клише» для судебных актов // Евразийская адвокатура. 2024. № 3 (68). С. 80–87.

25. Васильев Ф. Ю. Допустим ли «копипаст» при подготовке процессуальных решений // Уголовный процесс. 2025. № 2 (242). С. 58–61.

26. Никитина С. В. Процессуальная форма и обоснованность судебных решений в досудебном производстве по уголовным делам // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 1. С. 72–79.

27. Болдырев В. А. Правотворчество и когнитивные науки // Правоведение. 2024. Т. 68, № 1. С. 97–112.

28. Болдырев В. А., Кархалев Д. Н. Судебная практика в справочных правовых системах: нужен ли единый алгоритм отбора документов? // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 501. С. 209–217.

References

1. Abakumova M. G. Judicial impartiality refl ection in court decisions. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2011;(2):123-131. (In Russ.)

2. Akhmetova S. V., Babenko, A. N. Requirements for court documents. *RUDN Journal of Law*. 2020;24(1):7-24. (In Russ.)

3. Staritsyn A. Yu. The court decision of simplified proceedings. *Siberian Law Herald*. 2022;(2):122-126. (In Russ.)

4. Andreeva O. I., Pisarevsky I. I. *The reasonableness and motivation of sentence.* Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2020. 260 p. (In Russ.)

5. Tuzov N. A. *Fundamentals of the theory of judicial acts in the Russian Federation.* Monograph. Moscow: Russian Academy of Justice; 2011. 504 p. (In Russ.)

6. Sharipova A. R. Unified standards of judicial acts in criminal, arbitration, civil and administrative proceedings. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(2):122-126. (In Russ.)

7. Shapovalova Ya. V. Failures in judicial acts: the concept, essence, consequences. *Theory and Practice of Social Development*. 2018;(1):71-74. (In Russ.)

8. Kachalova O. V., Belyaev M. V. Criteria for the quality of judicial decisions in criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(3):82-90. (In Russ.)

9. Bachaliashvili O. V. Linguistic form of expression of the cognitive model of the court hearing scenario. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2013;1(2):120-128. (In Russ.)

10. Zhang N., Zhang Z. The application of cognitive neuroscience to judicial models: recent progress and trends. *Frontires in Neuroscience*. 2023;(17):1-7.

11. Sultanov A. R. The legal consequence of ungrounded non-normative legal acts when they is appealed in the courts. *Herald of Civil Procedure*. 2014;(4):221-231. (In Russ.)

12. Terekhova L. A., Ryabusova A. V. Requirements for court rulings in the light of guarantees of the right to a fair trial. *Law Enforcement Review*. 2024;8(1):73-81. (In Russ.)

13. Mitchell G., Tetlock P. E. Cognitive style and judging. In: D. Klein, G. Mitchell, eds. *The psychology of judicial decision making*. New York: Oxford University Press; 2010. P. 279–283.

14. Skobelev V. P. Problems of the motivating of judicial decisions in the civil procedural law of the Republic of Belarus. *Herald of Civil Procedure*. 2012;(3):167-192. (In Russ.)

15. Sultanov A. R. Should the justice be oversimplified or eliminated? *Bulletin of Liberal Arts University*. 2018;(1):48-53. (In Russ.)

16. Balandina I. D., Moskvitina T. N., Selyutin Al. A. Cognitive approach in the description of judicial discourse (as exemplified in English). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(1):21-28. (In Russ.)

17. Kirpichev A. E. The concept of judicial candor: background, development and current state. *Pravosudie/Justice*. 2024;6(3):104-122. (In Russ.)

18. Saveleva T. A Reasonableness of the arbitration court's decision: new laws. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;(3):165-170. (In Russ.)

19. Yang L, Yi J. Peng H. Big-data measurement-model research about judges' actual workload in China. *Asian Journal of Law and Society*. 2020;(7):541-560.

20. Bradley A. S. The disruptive neuroscience of judicial choice. *UC Irvine Law Review*. 2018;9(1):1-52.

21. Busey T. A., Loftus G. R. Cognitive science and the law. *Trends in Cognitive Sciences*. 2007;11(3):111-117.

22. Drobak J. N., Douglass C. N. Understanding judicial decision-making: the importance of constraints on non-rational deliberations. *Journal of Law & Policy*. 2008;(26):131-154.

23. Gribov N. D. The influence of cognitive distortions on the administration of justice in civil and economic cases. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2024;(11):41-48. (In Russ.)

24. Sultanov A. R. About the negative consequences of using "clichés" for judicial acts. *Eurasian Advocacy*. 2024;(3):80-87. (In Russ.)

25. Vasiliev F. Yu. Is copy-paste acceptable when preparing procedural decisions? *Criminal Procedure*. 2025;(2):58-61. (In Russ.)

26. Nikitina S. V. Procedural form and validity court decisions in pre-trial proceedings in criminal cases. *Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2021;(1):72-79. (In Russ.)

27. Boldyrev V. A. Law-making and cognitive sciences. *Pravovedenie.* 2024;68(1):97-112. (In Russ.)

28. Boldyrev V. A., Karkhalev D. N. Judicial practice in legal reference systems: is a unified algorithm for document selection needed? *Tomsk State University Journal of Law.* 2024;(501):209-217. (In Russ.)

Информация об авторах

В. А. Болдырев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права;

Ю. И. Клепалова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Information about the authors

V. A. Boldyrev – Doctor of Science (Law), Associate Professor, Professor at the Civil Law Department;

Yu. I. Klepalova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 30–37
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 30–37
УДК 347.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.30-37

Научная статья

Образовательный ценз кандидатов на должность судьи

Андрей Александрович Ярков
Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация, a.a.yarkov@mail.ru

Аннотация. Проанализирован исторический аспект введения образовательного критерия для российских судей. Указаны требования, закрепленные в действующем законодательстве, которым должен соответствовать кандидат на должность судьи, среди которых особое внимание уделяется образовательному цензу. Приведена позиция Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу. Отображена статистическая информация о наборе абитуриентов на бакалавриат и специалитет.
Рассмотрены образовательные программы таких высших учебных заведений, как Челябинский государственный университет, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева и Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.
Проанализированы некоторые программы подготовки юристов в этих учебных заведениях, которые именуются «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность», «Судебная и прокурорская деятельность». Выявлены также некоторые дисциплины, которые преподаются обучающимся в рамках процессуально-правовой подготовки: «Особенности рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних», «Защита прав потребителей в судебном порядке», «Особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей» и некоторые другие.
Вносится предложение о разработке программ профессиональной переподготовки судей. Сделан вывод о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: правовой статус судей, образовательный ценз, высшее учебное заведение, юридические специальности, бакалавриат

Для цитирования: Ярков А. А. Образовательный ценз кандидатов на должность судьи // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 30–37. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.30-37.

Original article

Educational Qualification of Candidates for the Position of Judge

Andrey A. Yarkov
Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, a.a.yarkov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the historical aspect of the introduction of an educational criterion for Russian judges. It presents the requirements set forth in the current legislation that a candidate for the position of judge must meet, with a particular focus on the educational qualification. The article also provides

© Ярков А. А., 2026

the position of the Supreme Court of the Russian Federation on this issue. It displays statistical information on the recruitment of students for bachelor's and specialist programs.
The article examines the educational programs offered by institutions such as the Chelyabinsk State University, the Ural Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, and the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.
The article also analyzes some of the training programs for lawyers at these educational institutions, which have the following names: "Legal Support for National Security", "Law Enforcement", "Judicial and Prosecutorial Activities". Some disciplines that are taught to students within the framework of procedural and legal training have also been identified: "Peculiarities of consideration of criminal cases involving minors", "Protection of consumer rights in court", "Peculiarities of judicial proceedings involving jurors" and some others.
A proposal is being made to develop professional retraining programs for judges. It is concluded that it is necessary to make appropriate changes to the current legislation.

Keywords: the legal status of judges, educational qualification, higher education institution, legal specialties, bachelor's degree

For citation: Yarkov A. A. Educational qualification of candidates for the position of judge. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(5):30-37. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.30-37.

Введение образовательного критерия для российских судей происходило в течение продолжительного времени. Впервые положение об обязательном наличии высшего юридического образования у претендентов на судейские посты возникло в ходе Судебной реформы 1864 г. Это событие стимулировало развитие юридического образования в государстве, содействуя профессиональному росту судейского состава, поэтому к исходу XIX столетия значительное число судей имели юридическое образование [1, с. 18].

С приходом советской власти коренным образом изменились критерии отбора кандидатов на судейские должности. Прежде всего ценились преданность новому режиму, социальное происхождение из рабочих или крестьян, а также партийная принадлежность. Квалификация и опыт отошли на второй план. В результате в первые годы советской власти наблюдался спад в профессиональном уровне судей: в 1925 г. лишь незначительный процент судей в РСФСР имели высшее юридическое образование [2, с. 85].

В советский период истории важность юридического образования у судей недооценивалась, что негативно сказывалось на профессиональном развитии судейского сообщества. К 1951 году доля судей с юридическим образованием возросла, но высшее юридическое образование имели лишь немногие из них. Кардинальные изменения к лучшему произошли лишь в начале 1980-х, когда значительная часть советских судей уже получала высшее юридическое образование [2, с. 81]. Дефицит специалистов и популярность заочного обучения среди судей были вызваны отсутствием обязательных требований к образованию, закрепленных лишь в 1989 г., и невысоким престижем самой профессии.

Кардинальная перестройка системы обучения судебных кадров стала следствием реформ, проведенных в 1990-х и 2000-х гг., а также возросшей популярности юридической деятельности и ужесточения критериев отбора. Конституция государства зафиксировала на законодательном уровне необходимость наличия у судей законченного высшего юридического образования.

По мере формирования профессионального судейского сообщества акцент сместился на обеспечение высокого качества юридической подготовки. Расширение сети юридических вузов значительно способствовало увеличению числа выпускников и переходу к преобладанию очной формы обучения.

Согласно данным исследования, проведенного Институтом проблем правоприменения, преобладающее большинство судей (почти 70%) получили высшее образование в университетах с широким спектром направлений. Тем не менее эксперты наблюдают уменьшение процента судей, окончивших классические университеты, и, соответственно, увеличение доли выпускников специализированных вузов [3, с. 83–84]. Кроме того, увеличивается число судей, получивших образование на дневном отделении, что особенно характерно для судей младшего возраста [3, с. 86–87].

В целом современные российские судьи обладают высоким уровнем правовой подготовки, полученной преимущественно на дневном отделении юридического вуза. Проблема дефицита квалифицированных кадров, характерная для советского периода, к 2000-м гг. была в значительной степени решена.

Установив в ст. 119 Конституции Российской Федерации и ст. 12 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1] единство статуса всех судей Российской Федерации, законодатель предусмотрел различия между ними только в полномочиях и компетенции. Тем самым подчеркивается, что требования к претендентам на должность судьи являются неделимыми как для мирового судьи, так и для судей высших судебных органов России.

Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»[2] (далее – Закон о статусе судей) регулирует правовой статус судей, закрепляя целый ряд обязательных требований к судье.

«Закон о статусе судей в первоначальной редакции ст. 4 установил порядок отбора кандидатов на должность судьи и представления их для избрания: “Судьей может быть гражданин Российской Федерации 25-летнего возраста, имеющий высшее юридическое образование, сдавший квалификационный экзамен, не допустивший порочащих его поступков”» [4, с. 268–269].

Статья 4 Закона о статусе судей в действующей редакции также устанавливает требования, которым должен соответствовать кандидат на должность судьи. Исходя из буквального толкования правовых норм, размещенных в указанной статье, можно выделить такие цензы, как «возрастной, образовательный, профессиональный и некоторые иные» [5, с. 166].

Таким образом, занять должность судьи может любой гражданин России, отвечающий одновременно нескольким критериям:

– возраст не менее 25 лет;
– наличие высшего юридического образования;
– стаж работы по юридической специальности более пяти лет;
– отсутствие судимости;
– отсутствие гражданства иного государства;
– полная дееспособность;
– отсутствие нарко- или алкозависимости;
– отсутствие заболеваний, препятствующих получению статуса судьи.

Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи, обусловлены статусом самого суда.

Так, для занятия судейской должности в суде субъекта Российской Федерации необходимо, чтобы кандидату исполнилось 30 лет и его юридический стаж составлял не менее семи лет.

---

[1] Российская газета. 1997. 6 янв.
[2] Российская газета. 1992. 29 июля.

Чтобы претендовать на пост судьи в Верховном Суде Российской Федерации, возраст кандидата должен достичь 35 лет, а опыт работы в сфере юриспруденции – не менее 10 лет.

К кандидатам, желающим стать судьями Конституционного Суда Российской Федерации, предъявляются особые требования: они должны обладать безупречной репутацией, быть старше 40 лет и иметь не менее 15 лет юридического стажа.

Каждый, кто достиг установленного возраста, имеет необходимое образование и опыт, может попытаться получить должность судьи, успешно сдав квалификационный экзамен. Для этого необходимо подать заявление в соответствующую экзаменационную комиссию. Экзаменационная комиссия, отвечающая за проведение квалификационного экзамена для кандидатов в судьи, не имеет права отказать в приеме заявления, если потенциальный кандидат соответствует всем установленным требованиям и предоставил полный комплект необходимых документов.

Следует обратить внимание на то, что законодатель прямо закрепил требование, связанное с уровнем юридического образования будущего судьи:

1) наличие высшего юридического образования по специальности «Юриспруденция»;

2) наличие высшего образования по направлению подготовки «Юриспруденция» квалификации (степени) «магистр» при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки «Юриспруденция» (подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона о статусе судей).

Ранее соответствующая правовая норма была сформулирована следующим образом: судьей мог быть гражданин, имеющий высшее юридическое образование (подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона о статусе судей в ред. Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ).

Изменения в данный подпункт были внесены вследствие того, что в 2011 г. Россия официально перешла на Болонскую систему образования, которая предполагала наличие бакалавриата и магистратуры. В связи с этим в высших учебных заведениях страны стало возможным обучение на направлении подготовки с названием «Юриспруденция», а также на разного рода магистерских программах. При этом с указанного момента прекратился прием студентов на специальность «Юриспруденция». Однако в некоторых учебных заведениях вскоре была открыта возможность поступления на определенные юридические специальности. Так, в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный университет» (далее – ЧелГУ) на текущий момент имеется возможность получить юридическое образование по следующим специальностям:

1. «Правовое обеспечение национальной безопасности»;

2. «Правоохранительная деятельность»;

3. «Судебная и прокурорская деятельность».

В Уральском филиале федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева» реализуется специальность «Судебная и прокурорская деятельность».

Обращаясь к образовательным программам крупного юридического учебного заведения Урала – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева» (далее – УрГЮУ), видим, что осуществляются программы специалитета, имеющие названия «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Судебная и прокурорская деятельность».

Особое внимание следует уделить специальности «Судебная и прокурорская деятельность». В ряде образовательных учреждений она имеет несколько специализаций, среди которых выделяют, например, такие, как «Судебная деятельность», «Экономическое правосу-

дие». Очевидно, что студенты, проходящие на них обучение, получают более углубленные знания по различным институтам процессуальных отраслей.

Так, в качестве примера можно привести некоторые из дисциплин, реализуемые в ЧелГУ для студентов очной формы обучения, поступивших в 2022 г.:

1. «Исполнительное производство»;
2. «Производство у мирового судьи»;
3. «Доказательственное право»;
4. «Особенности рассмотрения жилищных споров»;
5. «Судебное разбирательство в суде 1 и 2 инстанций»;
6. «Судебные акты и их пересмотр»;
7. «Административный процесс»[3].

Несколько более углубленные дисциплины преподаются в УрГЮУ для студентов очной формы обучения, поступивших в 2019 г.:

1. «Особенности рассмотрения уголовных дел с участием несовершеннолетних»;
2. «Защита прав потребителей в судебном порядке»;
3. «Особенности судопроизводства с участием присяжных заседателей»;
4. «Особенности судопроизводства по отдельным категориям дел в гражданском процессе»;
5. «Организация судебной деятельности»;
6. «Культура судебных актов и деловое письмо»;
7. «Упрощенные процедуры в цивилистическом процессе»[4].

Очевидно, выпускники таких специализаций оказались бы более квалифицированными кандидатами на должность судьи.

Вместе с тем анализ программ по разным юридическим специальностям показывает, что они незначительно отличаются от направления подготовки «Юриспруденция». В первом случае студенты более погружены в изучение процессуальных отраслей права и их институтов в связи с тем, что на это отводится больше учебных часов.

Обратимся к правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации по данному вопросу.

> *Из фабулы дела следует, что лицо обратилось в квалификационную коллегию судей с заявлением о рекомендации на вакантную должность судьи. Ее решением гражданину было отказано ввиду несоответствия имеющегося образования (специальность «Правоохранительная деятельность») требованиям, указанным в Законе о статусе судей. Данное решение было обжаловано, и в итоге дело стало предметом рассмотрения высшим судом страны. Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что поскольку образовательная подготовка гражданина проходила по специальности, отличной от наименования «Юриспруденция», то его уровень образования не соответствует требованиям закона. При этом в Определении Суда была сделана ссылка на приказ Министерства образования и науки России от 12 сентября 2013 г. № 1061, содержащий укрупненную группу направлений подготовки и специальностей 40.00.00 «Юриспруденция», к которой отнесены направление подготов-*

---

[3] Учебный план ЧелГУ по программе специалитета 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, специализации Судебная деятельность // Челябинский государственный университет : [сайт]. URL: https://www.csu.ru/Shared%20Documents/sveden/study_plans/ins_pravo/UP_40.05.04_SD_o_2022.pdf (дата обращения: 02.08.2025).

[4] Рабочий учебный план УрГЮУ по программе специалитета специализации № 1 «Судебная деятельность». URL: https://usla.ru/vikon/sveden/files/40.05.04_IYU_SD_2019-2024.plx(1).pdf (дата обращения: 02.08.2025).

ки «Юриспруденция» с присвоением квалификаций «бакалавр» и «магистр», а также другие юридические специальности. Высшая судебная инстанция указала, что действующим законодательством не предусмотрено приравнивание различных по значению понятий «направление подготовки», «специальность» и «укрупненные группы направлений подготовки и специальностей». В итоге Верховный Суд подтвердил позицию квалификационной коллегии[5].

Также необходимо отметить, что поскольку ранее упомянутые высшие учебные заведения предлагают пройти обучение на разных юридических специальностях, то можно предположить, что количество студентов, обучающихся на них, превышает число тех, кто проходит обучение по направлению подготовки «Юриспруденция». Доказательством этому является статистика поступивших в УрГЮУ абитуриентов в 2022 г.: на специальность «Судебная и прокурорская деятельность» поступило более 150 человек, а на направление подготовки «Юриспруденция» – чуть более 100[6].

На основании изложенного представляется целесообразным внести изменения в подп. 1 п. 1 ст. 4 Закона о статусе судей и изложить правовую норму в следующей редакции: *«имеющий высшее юридическое образование по юридической специальности или высшее образование по направлению подготовки "Юриспруденция" квалификации (степени) "магистр" при наличии диплома бакалавра по направлению подготовки "Юриспруденция"»*.

Указанное нововведение предоставит, на наш взгляд, возможность гражданам, обучающимся по разным направлениям специалитета, сдать квалификационный экзамен и претендовать на должность судьи.

Как было указано, с 2011 г. высшие учебные заведения прекратили набор студентов на специальность «Юриспруденция». Данный факт мог бы стать основанием для исключения формулировки «имеющий высшее юридическое образование по специальности "Юриспруденция"».

Однако представляется возможным не прибегать к такому изменению по следующим причинам.

Во-первых, выпускники образовательных организаций, успевшие поступить на эту специальность в 2010 г., по-прежнему могут на данный момент быть кандидатами на должность судьи.

Во-вторых, приказом Минпросвещения России от 17 мая 2022 г. № 336 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования и установлении соответствия отдельных профессий и специальностей среднего профессионального образования, указанных в этих перечнях, профессиям и специальностям среднего профессионального образования, перечни которых утверждены приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 октября 2013 г. № 1199 "Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования"»[7] была введена новая специальность – «Юриспруденция». В связи с этим имеются основания полагать, что подобная специальность может быть в скором времени возвращена и в программы высших учебных заведений.

---

[5] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2018 г. № 57-АПГ17-8 // Верховный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1635718 (дата обращения: 02.08.2025).

[6] Сведения о зачислении 2022 года в УрГЮУ. URL: https://usla.ru/priem/campaign/admission-orders/?d=1 (дата обращения: 02.08.2025).

[7] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru.

С учетом изложенного представляется возможным обратить внимание на роль дополнительного профессионального образования в рамках рассматриваемого вопроса. Думается, что в Законе о статусе судей заметным упущением является нечеткое обозначение целей и задач, стоящих перед профессиональной подготовкой судей. В связи с этим мы разделяем позицию о необходимости внесения правок в п. 1 ст. 20.1 указанного Закона Р. С. Палагина, предложившего обозначить в правовой норме цель такой подготовки – получение юридических знаний, а также приобретение практического опыта и навыков, необходимых для осуществления правосудия [6, с. 152].

Также согласно п. 1 ст. 20.1 упомянутого Закона лицо, впервые назначенное на судейскую должность, обязано пройти курс профессиональной переподготовки. В целях повышения уровня квалификации и профессионального мастерства судьи представляется целесообразным сначала организовать переподготовку, а затем, учитывая ее итоги, утверждать кандидатуру на должность судьи.

С учетом того, что выпускники разного рода юридических специальностей, как указано, не могут быть кандидатами на должность судьи, предлагаем свой вариант решения проблемы. Необходимо разработать для таких лиц соответствующую программу переподготовки для того, чтобы те специалисты, которые успешно ее освоят, могли все же быть претендентами на должность судьи наравне с выпускниками бакалавриата и магистратуры. Думается, что такие программы целесообразно внедрить в юридические вузы страны.

Список источников

1. Захаров В. В., Ильина Т. Н. Система подготовки кадров для органов правосудия в России во второй половине XIX – начале XX в. : моногр. М. : РИОР : Инфра-М, 2012. 190 с.

2. Серов Д. О. Российские судьи и высшее юридическое образование // Высшее образование в России. 2013. № 10. С. 77–82.

3. Волков В. В., Дмитриева А. В., Поздняков М. Л. и др. Российские судьи: социологическое исследование профессии : моногр. / под ред. В. Волкова. М. : Норма, 2015. 272 с.

4. Лебедев В. М. Становление судебной власти в России : моногр. : в 2 кн. Кн. 1. М. : РАП, 2013. 416 с.

5. Васильева А. П. О возрастном цензе статуса судьи // Молодой ученый. 2021. № 15 (357). С. 165–167.

6. Палагин Р. С. Система отбора и назначения на должность судей как гарантия их независимости // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2011. № 1. С. 149–155.

References

1. Zakharov V. V., Ilyina T. N. *The system of personnel training for judicial authorities in Russia in the second half of the XIX – early XX century*. Monograph. Moscow: RIOR; Infra-M; 2012. 190 p. (In Russ.)

2. Serov D. O. Russian judges and higher legal education: historical aspect. *Higher Education in Russia.* 2013;(10):77-82. (In Russ.)

3. Volkov V. V., Dmitrieva A. V., Pozdnyakov M. L., et al. *Russian judges: a sociological study of the profession*. Monograph. Ed. V. Volkov. Moscow: Norma; 2015. 272 p. (In Russ.)

4. Lebedev V. M. *The formation of judicial power in Russia*. Monograph. In 2 bks. Bk. 1. Moscow: Russian Academy of Justice; 2013. 416 p. (In Russ.)

5. Vasilyeva A. P. On the age qualification of the status of a judge. *Molodoj uchenyj = Young Scientist.* 2021;(15):165-167. (In Russ.)

6. Palagin R. S. The system of selection and appointment of judges to guarantee their independence. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. 2011;(1):149-155. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ярков – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Information about the author

A. A. Yarkov – Senior Lecturer at the Civil Law Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 03.09.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 23.03.2025; approved after reviewing 03.09.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 38–48
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 38–48
УДК 342.9 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.38-48

Научная статья

Проблемы содержания, терминологии и структуры административного судопроизводства

Павел Иванович Кононов

Волго-Вятский институт (филиал), Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Российская Федерация, pav.cononov@yandex.ru

Аннотация. Проблематика административного судопроизводства находится в центре постоянного внимания специалистов в области административного права и процесса, гражданского процесса и сохраняет свою актуальность. Несмотря на введение в действие в 2015 г. КАС РФ, не прекращается научная дискуссия о разграничении административного и гражданского судопроизводств, понимании правовой природы административного дела, выделении категорий административных дел, необходимости систематизации административно-процессуальных норм, регулирующих все известные судебные административные производства, в одном федеральном кодифицированном законе и др. В настоящей статье автор предпринял попытку раскрыть собственное ви́дение возможных ответов на поставленные дискуссионные вопросы.

Целью является выработка обладающих новизной подходов к пониманию содержания, терминологии и структуры административного судопроизводства в Российской Федерации, которые в дальнейшем могут быть использованы в процессе совершенствования и развития федерального законодательства, регулирующего осуществление данного вида судопроизводства.

Задачи: установление правовой природы и содержания административного судопроизводства посредством анализа категории «административные дела»; определение формально-юридических рамок административного судопроизводства и возможностей систематизации административно-процессуальных норм, регулирующих различные виды судебных административных производств; выделение категорий судебных административных дел и соответствующих им судебных административных производств в рамках единого федерального кодифицированного закона.

Методология исследования включает системный, логический, формально-юридический методы.

Обоснованы: 1) вывод о том, что к административным делам, подлежащим разрешению посредством административного судопроизводства, следует относить дела, возникающие из административных правоотношений, связанных с реализацией административно-публичными органами возложенных на них публичных функций и предоставленных им публичных полномочий, а также дела, возникающие из иных публичных правоотношений, реализация которых обеспечивается посредством соответствующих административных, несудебных административно-процессуальных или административно-процедурных отношений; 2) необходимость и возможность систематизации всех административно-процессуальных норм, регламентирующих правила осуществления различных видов судебных административных производств, в том числе производства по делам об административных правонарушениях, в КАС РФ. Осуществлена систематизация административных дел, подлежащих разрешению по правилам КАС РФ, и соответствующих им судебных административных производств с выделением шести групп таких дел и производств.

© Кононов П. И., 2026

Ключевые слова: административное судопроизводство, административное дело, административные правоотношения, иные публичные правоотношения, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, судебное производство по делам об административных правонарушениях, судебные административные производства

Для цитирования: Кононов П. И. Проблемы содержания, терминологии и структуры административного судопроизводства // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 38–48. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.38-48.

Original article

Problems of the Content, Terminology and Structure of Administrative Proceedings

Pavel I. Kononov

Volga-Vyatka Institute (Branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Kirov, Russian Federation, pav.cononov@yandex.ru

Abstract. The problems of administrative legal proceedings are in the focus of constant attention of specialists in the field of administrative law and procedure, as well as civil procedure, and remain relevant. Despite the introduction of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in 2015, the scientific discussion on the differentiation of administrative and civil proceedings, understanding the legal nature of an administrative case, distinguishing categories of administrative cases, the need to systematize administrative procedural rules governing all known judicial administrative proceedings in one federal codified law, etc., has not stopped. In this article, the author has attempted to reveal his own vision of possible answers to the raised controversial questions.

The aim is to develop innovative approaches to understanding the content, terminology and structure of administrative legal proceedings in the Russian Federation, which can later be used in the process of improving and developing federal legislation governing the implementation of this type of legal proceedings. Objectives: to establish the legal nature and content of administrative proceedings by analyzing the category of "administrative cases"; to define the formal legal framework of administrative proceedings and the possibilities of systematizing administrative procedural norms governing various types of judicial administrative proceedings; to identify categories of judicial administrative cases and their corresponding judicial administrative proceedings within the framework of a single federal codified law.

The research methodology includes systematic, logical, formal and legal methods.

Justified: 1) the conclusion that administrative cases to be resolved through administrative proceedings should include cases arising from administrative legal relations related to the exercise by public administrative bodies of the public functions assigned to them and the public powers granted to them, as well as cases arising from other public legal relations, the implementation of which is ensured through appropriate administrative, non-judicial administrative-procedural or administrative-procedural relations; 2) the need and possibility of systematization of all administrative procedural rules governing the rules for the implementation of various types of judicial administrative proceedings, including proceedings on administrative offenses, in the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The systematization of administrative cases subject to resolution according to the rules of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and the corresponding judicial administrative proceedings has been carried out, with the allocation of six groups of such cases and proceedings.

Keywords: administrative proceedings, administrative case, administrative legal relations, other public legal relations, courts of general jurisdiction, arbitration courts, judicial proceedings in cases of administrative offenses, judicial administrative proceedings

For citation: Kononov P. I. Problems of the content, terminology and structure of administrative proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):38-48. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.38-48.

В соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции России административное судопроизводство выделяется в качестве самостоятельного вида судопроизводства наряду с конституционным, гражданским, арбитражным и уголовным. Толкование данной нормы в системе с положениями ст. 126 Конституции позволяет прийти к выводу о том, что по-

средством каждого из перечисленных видов судопроизводства разрешаются определенные категории судебных дел: посредством гражданского – гражданские дела, арбитражного – экономические споры, административного – административные дела, уголовного – уголовные дела. Следовательно, в силу приведенных императивных положений Конституции России административное судопроизводство представляет собой деятельность судов по разрешению только административных дел.

Ранее нами были обстоятельно рассмотрены вопросы разграничения административных и гражданских дел [1]. В этой связи представляются совершенно неприемлемыми встречающиеся еще до сих пор в литературе даже после введения в действие в 2015 г. КАС РФ взгляды на административное судопроизводство как на составную часть гражданского, цивилистического процесса [2]. Несмотря на указание в Конституции России административного судопроизводства и его сложившееся процессуально-правовое урегулирование в отдельном федеральном кодифицированном законе – КАС РФ, остаются некоторые проблемные вопросы, связанные с определением содержания, терминологии и структуры рассматриваемого вида судопроизводства.

В обобщенном виде данные вопросы могут быть сформулированы следующим образом. Какова правовая природа административного судопроизводства, из каких именно видов правоотношений возникают юридические дела, именуемые административными и подлежащие разрешению посредством указанного судопроизводства? Каковы формально-юридические рамки административного судопроизводства, ограничиваются ли они содержанием КАС РФ или подлежат расширению за счет включения в его структуру судебных производств по делам, возникающим из административных правоотношений и разрешаемым арбитражными судами, а также по делам об административных правонарушениях, возможна ли систематизация правил осуществления всех этих производств в одном федеральном кодифицированном законе? Какова должна быть объединенная структура административного судопроизводства, какие виды судебных производств, исходя из оснований категорирования судебных административных дел, должны в него включаться?

Без научно обоснованных ответов на обозначенные вопросы представляется невозможным полноценное определение места административного судопроизводства в системе конституционно закрепленных видов судопроизводства, его специфических содержания, структуры и терминологии.

Представим наше ви́дение ответов на поставленные вопросы.

О правовой природе административного судопроизводства

Исходя из формального наименования рассматриваемого судопроизводства как административного может быть сделан поспешный вывод о том, что посредством данного судебного производства должны разрешаться юридические дела, возникающие только из административных правоотношений. Однако по смыслу положений ч. 1 ст. 1 КАС РФ и п. 1 ч. 1 ст. 29 АПК РФ в рамках административного судопроизводства подлежат рассмотрению соответствующими судами административные дела, возникающие как из административных, так и из иных публичных правоотношений. С учетом этих нормативных положений в предмет административного судопроизводства должны включаться две категории административных дел: 1) дела, возникающие из административных правоотношений; 2) дела, возникающие из иных публичных правоотношений. Рассмотрим каждую из них.

Определить содержание административных дел, возникающих из административных правоотношений, возможно исходя из сложившихся в отечественной административно-правовой науке современных подходов к определению сущности и видов таких правоотно-

шений, обусловленных, в свою очередь, пониманием предмета административного права[1]. С учетом таких подходов можно констатировать, что содержание обозначенной категории дел, подлежащих окончательному разрешению судами, образуют правоотношения, возникающие в процессе осуществления исполнительной власти (нормотворческой и правоприменительной деятельности органов исполнительной власти), выполнения иными несудебными органами, организациями, должностными лицами возложенных на них публичных функций по предоставлению государственных и муниципальных услуг, государственному контролю (надзору), муниципальному контролю, по управлению государственным и муниципальным имуществом, правоохранительных и иных правоприменительных функций посредством использования предоставленных им публично-властных полномочий (далее – административно-публичные органы). Таким образом, для признания правоотношений административными в смысле определяемого ими предмета судебных административных дел они должны обладать совокупностью следующих признаков: 1) возникать с обязательным участием административно-публичных органов; 2) возникать в процессе осуществления исполнительной власти или реализации административно-публичными органами, не являющимися органами исполнительной власти, возложенных на них перечисленных выше публичных функций; 3) сопровождаться использованием административно-публичными органами предоставленных им публичных полномочий, а именно прав на издание (принятие) нормативных и правоприменительных правовых актов, совершение иных действий, влекущих юридически значимые последствия для других субъектов соответствующих правоотношений. В этой связи не могут квалифицироваться в качестве административных отношения, возникающие хотя и с участием административно-публичных органов и в ходе выполнения ими публичных функций, но не сопряженные с одновременной реализацией данными органами публично-властных полномочий, например отношения, связанные с заключением и исполнением договоров аренды земли и иного имущества, государственных контрактов на поставку товаров для государственных нужд, имеющие гражданско-правовую природу. В указанном выше понимании административные правоотношения могут возникать между административно-публичными органами, с одной стороны, и физическими лицами или организациями, с другой стороны, а также между различными административно-публичными органами, состоящими как в ведомственной, так и надведомственной властеподчиненности. В качестве примеров подобных правоотношений можно назвать отношения, возникающие в ходе предоставления административно-публичными органами государственных и муниципальных услуг, осуществления ими государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, в процессе привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности. Соответственно, дела, возникающие из перечисленных видов правоотношений, связанные, в частности, с оспариванием изданных в их рамках административно-публичными органами правовых актов, совершенных данными органами властных действий (бездействия), применением мер административного принуждения, в том числе мер административной ответственности, подлежат квалификации в качестве дел, возникающих из административных правоотношений. При этом необходимо обратить внимание на то, что предметом судебного разбирательства в рамках административного судопроизводства могут выступать административные дела как спорного, так и бесспорного характера.

С процессуально-правовой точки зрения административно-правовой спор может иметь место только в случае официально-процессуального (а не внутренне-сознательного или публично-пространственного) выражения лицом несогласия с решением, действием или бездей-

[1] См.: [3; 4]; см. также: *Волков А. М.* Административное право России : учеб. М. : Проспект, 2016. С. 16–28.

ствием административно-публичного органа посредством обращения его в суд с соответствующим административным исковым заявлением (заявлением). Соответственно, возбуждаемое на основании такого заявления административное дело является спорным делом, спором. В иных случаях – когда судебные административные дела возбуждаются на основании административных исковых заявлений (заявлений) о применении в отношении физических и юридических лиц мер административного принуждения, административного ограничения или административной защиты (например, об установлении административного надзора, о приостановлении деятельности и о ликвидации политических партий, о госпитализации граждан, о привлечении к административной ответственности) – оснований для квалификации таких дел в качестве спорных не имеется.

Вопрос об отнесении к категории административных дел, подлежащих разрешению в порядке административного судопроизводства, юридических дел, возникающих не из административных, а из иных публичных правоотношений, представляется неоднозначным и требует тщательного рассмотрения.

Понятие «публичные правоотношения» является достаточно широким, поскольку его рамками охватываются все категории общественных отношений, регулируемых нормами различных отраслей публичного права: конституционного, административного, муниципального, финансового и др. Между тем наименование судебных дел, разрешаемых в рамках административного судопроизводства, административными свидетельствует о привязке их содержания к административному праву, к деятельности административно-публичных органов. Следовательно, судебные дела, возникающие не из административных, а из иных публичных правоотношений, могут быть признаны административными только в случае опосредования, т. е. обеспечения реализации, сопровождения соответствующих публичных правоотношений, образующих предметное содержание данных дел, административными и (или) несудебными административно-процессуальными, административно-процедурными отношениями. Иными словами, неадминистративные материальные публичные правоотношения должны реализовываться посредством властной деятельности административно-публичных органов в рамках соответствующих административных производств или административных процедур. При таком подходе к категории административных дел следует относить, например, дела, возникающие из: конституционных избирательных отношений, связанные с оспариванием решений и действий избирательных комиссий, принятых (совершенных) в рамках данных правоотношений; налоговых правоотношений, связанные с оспариванием решений и действий налоговых органов, принятых (совершенных) в рамках данных правоотношений; муниципальных правоотношений, связанные с оспариванием решений и действий исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, принятых (совершенных) в рамках данных правоотношений. Вместе с тем не могут быть квалифицированы в качестве административных и не подлежат рассмотрению по правилам административного судопроизводства дела, возникающие из неадминистративных публичных правоотношений, реализуемых непосредственно решениями и действиями их субъектов без соответствующего административно-публичного сопровождения (содействия). Например, споры, возникающие в рамках конституционных правоотношений между органами законодательной и исполнительной власти, в рамках муниципальных правоотношений – между органами местного самоуправления, подлежащие разрешению в специально установленном действующим законодательством порядке. При этом необходимо обратить внимание на то, что в силу положений п. 2 ч. 1 ст. 20 КАС РФ к административным делам отнесены и дела об оспаривании нормативных правовых актов органов законодательной власти субъектов Российской Федерации, в том числе принимаемых ими законов.

С учетом сформулированного нами выше подхода вряд ли можно согласиться с тем, что дело об оспаривании в компетентном суде общей юрисдикции закона субъекта Российской Федерации, вытекающее исключительно из конституционных правоотношений, реализация которых не опосредована соответствующими административно-процессуальными или административно-процедурными отношениями, является административным. Публичным – да, но не административным. В связи с этим такое дело может быть отнесено к категории административных чисто условно, в целях процессуальной формализации порядка его судебного рассмотрения.

С учетом изложенного полагаем, что административное судопроизводство с точки зрения его содержания представляет собой урегулированную административно-процессуальными нормами деятельность судов (правосудие) по рассмотрению и разрешению административных дел, под которыми следует понимать дела, возникающие в рамках административных правоотношений в указанном их понимании, а также в рамках иных публичных материальных правоотношений, реализация которых обеспечивается посредством соответствующих административных и (или) административно-процессуальных, административно-процедурных отношений.

О формально-юридических рамках административного судопроизводства и систематизации регулирующих его административно-процессуальных норм

В настоящее время единственным федеральным законом, наименование которого указывает на то, что предмет его регулирования образует административное судопроизводство, является КАС РФ. Однако это не означает, что содержание, структура и правила осуществления данного вида судопроизводства в Российской Федерации определяются исключительно нормами, содержащимися в КАС РФ. Из положений ч. 1, 4, 5 ст. 1 КАС РФ прямо следует, что данный Кодекс не регулирует порядок рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, отнесенных федеральным законом к компетенции арбитражных судов, а также порядок судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях. По смыслу нормы ч. 1 ст. 2 КАС РФ порядок осуществления административного судопроизводства помимо данного Кодекса может определяться также другими федеральными законами. На данный момент такими другими федеральными законами являются: 1) АПК РФ, содержащий нормы, регулирующие правила разрешения судами в порядке административного судопроизводства дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности (ст. 29, раздел III); 2) КоАП РФ, содержащий процессуальные нормы, регулирующие правила рассмотрения судами дел о привлечении к административной ответственности (глава 29) и дел об оспаривании постановлений и последующих решений по делам об административных правонарушениях (глава 30).

Таким образом, содержание административного судопроизводства не ограничивается только теми видами данного производства, которые предусмотрены разделом IV КАС РФ, и включает производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, предусмотренные разделом III АПК РФ, а также судебное производство по делам об административных правонарушениях, регулируемое главами 29–30 КоАП РФ.

Такое расширенное понимание административного судопроизводства находит все большую поддержку среди ученых-административистов [5, с. 77–78]. При этом если факт наличия административного судопроизводства в арбитражных судах сложно оспорить в силу его формально-юридического закрепления и позиционирования в качестве такового в АПК РФ, то вопрос об отнесении к административному судопроизводству производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого судами общей юрисдикции по пра-

вилам КоАП РФ, является весьма дискуссионным. Некоторые ученые-административисты не приемлют такой оценки судебного производства по делам об административных правонарушениях, полагая, что оно является отдельным административно-юрисдикционным производством и его осуществление судами не может быть признано правосудием[2]. Нами уже приводилась развернутая аргументация несостоятельности такого подхода к пониманию правовой природы судебного производства по делам об административных правонарушениях и необходимости отнесения его к одному из видов административного судопроизводства [6]. В дополнение отметим лишь, что, разрешая дела об административных правонарушениях, суды общей юрисдикции реализуют судебную (а не исполнительную или некую иную административную) власть, а в силу прямого указания нормы ч. 2 ст. 118 Конституции России судебная власть может осуществляться только посредством одного из перечисленных в данной норме видов судопроизводства. На наш взгляд, совершенно очевидно, что применительно к судебному производству по делам об административных правонарушениях речь может идти только об административном судопроизводстве. Отрицание такой позиции – по сути, отрицание того, что при разрешении дел об административных правонарушениях суды осуществляют судебную власть, что явно является алогизмом и противоречит не только приведенным конституционным положениям, но и общей теории публичной власти. Следует отметить, что отстаиваемое нами понимание судебного производства по делам об административных правонарушениях как одной из процессуальных форм осуществления правосудия в последнее время разделяется в научной литературе [7; 8, с. 15–16].

Содержание и порядок осуществления каждого из трех обозначенных видов административного судопроизводства регулируются отдельными массивами административно-процессуальных норм, содержащихся соответственно в КАС РФ, АПК РФ и КоАП РФ. В этой связи возникает закономерный вопрос о наличии оснований для объединения и систематизации всех данных нормативных массивов в одном кодифицированном федеральном законе, каковым мог бы служить КАС РФ. С нашей точки зрения, данный вопрос подлежит положительному решению. Такая систематизация обусловливается необходимостью централизованного нормативно-правового построения и закрепления единой концепции административного судопроизводства, его терминологического аппарата, структуры, общих подходов к категорированию подлежащих разрешению в его рамках административных дел. Формально-юридических препятствий к имплементации в структуру КАС РФ процессуальных норм, регулирующих правила разрешения административных дел арбитражными судами и содержащихся в АПК РФ, и процессуальных норм, регулирующих правила разрешения судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях и содержащихся в КоАП РФ, по нашему мнению, не имеется. Как отмечено выше, все категории дел, подлежащих разрешению по правилам и КАС РФ, и АПК РФ, и КоАП РФ, имеют одну и ту же административно-правовую природу, поскольку возникают из административных либо иных публичных правоотношений, опосредованных административными и несудебными административно-процессуальными или административно-процедурными отношениями. Более того, содержащиеся в АПК РФ правила рассмотрения арбитражными судами административных дел об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) административно-публичных органов, дел о взыскании обязательных платежей и санкций по существу идентичны соответствующим правилам, предусмотренным КАС РФ. Что касается содержащихся в КоАП РФ правил рассмотрения судами дел о привлечении к административной ответственности и дел об оспаривании постановлений и решений, выне-

[2] *Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В.* Административно-деликтное право : учеб. пособие / под общ. ред. С. Д. Хазанова. М. : Инфра-М, 2022. С. 178.

сенных по делам об административных правонарушениях, то они по своей сути аналогичны предусмотренным КАС РФ правилам применения мер административного принуждения (главы 27, 28, 32 КАС РФ) и правилам рассмотрения дел об оспаривании решений, действий (бездействия) административно-публичных органов (глава 22 КАС РФ). В этой связи названные правила КоАП РФ в переработанном, переформатированном виде могут быть безболезненно включены в структуру соответствующего раздела КАС РФ. Введение в содержание КАС РФ процессуальных норм, регламентирующих производство по административным делам в арбитражных судах и судебное производство по делам об административных правонарушениях, потребует, конечно, переосмысления всей концепции и структуры данного Кодекса и внесения в него соответствующих изменений и дополнений.

О терминологии и структуре единого федерального кодифицированного закона об административном судопроизводстве – обновленного КАС РФ

В первую очередь в будущем едином обновленном КАС РФ необходимо нормативно закрепить такие базовые понятия, как «административное судопроизводство» и «административное дело», а также осуществить категорирование административных дел с учетом расширения предмета административного судопроизводства, на основе которого должна быть построена новая система судебных административных производств с их формально-юридическим обособлением в рамках соответствующих разделов и глав Кодекса. Отсутствие в действующем КАС РФ данных концептуальных положений приводит к бессистемному его наполнению новыми категориями административных дел и соответствующими им судебными производствами.

При формулировании в КАС РФ определения понятия административного судопроизводства следует исходить из того, что данное судопроизводство представляет собой осуществление судами судебной системы Российской Федерации правосудия посредством рассмотрения и разрешения отнесенных к их компетенции административных дел по основаниям и в порядке, которые предусмотрены КАС РФ.

При формулировании в КАС РФ определения понятия административного дела следует принимать во внимание, что административное дело представляет собой подлежащую разрешению в порядке и по правилам административного судопроизводства юридико-фактическую ситуацию, возникшую в рамках административного правоотношения либо иного публичного правоотношения, опосредованного соответствующим административно-процессуальным или административно-процедурным отношением и связанного с реализацией органом исполнительной власти, иным несудебным органом (организацией) возложенных на него публичных функций и предоставленных ему публично-властных полномочий.

Категорирование административных дел, выделение и обособление соответствующих им судебных производств, на наш взгляд, должны осуществляться по иным основаниям, а не по тем, которые в настоящее время заложены в ч. 2 и 3 ст. 1 КАС РФ. Согласно данным нормам по правилам административного судопроизводства подлежат рассмотрению две группы административных дел: 1) дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций; 2) дела, связанные с осуществлением обязательного судебного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, прав организаций при реализации отдельных административных властных требований к физическим лицам и организациям. Юридическая некорректность такого категорирования административных дел обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, большинство административных дел, отнесенных к первой группе, по существу представляют собой судебные административно-правовые споры и исходя из этой сущности, на наш взгляд, должны именоваться административными делами об оспаривании право-

вых актов, решений, действий (бездействия) административно-публичных органов. Защита же судом прав, свобод, законных интересов административного истца осуществляется лишь по окончании разбирательства по административному делу и в случае установления фактов их нарушения. Во-вторых, применительно ко второй группе дел непонятно, что понимается под термином «судебный контроль», который не предусмотрен ни Конституцией России, ни законодательством Российской Федерации о судебной системе, согласно которым суды при рассмотрении любых дел осуществляют правосудие. При этом даже если согласиться с наличием данного понятия, то возникает новый вопрос: почему оно применяется только ко второй группе административных дел? Разве при рассмотрении дел об оспаривании нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) административно-публичных органов суды не осуществляют контроль за законностью деятельности данных органов? В-третьих, в ходе разрешения судами административных дел, включенных во вторую группу, суды, по сути, непосредственно применяют в отношении граждан и организаций необходимые меры административного принуждения, административного ограничения и административного обязывания. Административно-публичные органы, обращающиеся в суд с соответствующими административными исковыми заявлениями, лишь инициируют применение названных мер. В этой связи непонятно – за какими их юридически значимыми действиями и решениями должен осуществляться судебный контроль?

Нам представляется, что базовым критерием, на основании которого в КАС РФ подлежат выделению отдельные категории административных дел и соответствующие им отдельные судебные административные производства, должна выступать публично значимая направленность (цель) возбуждения, рассмотрения и разрешения в судебном порядке административного дела.

На основе названного критерия полагаем возможным выделить в КАС РФ следующие группы (категории) административных дел, подлежащих рассмотрению и разрешению по правилам административного судопроизводства в рамках соответствующих судебных административных производств.

1. Административные дела об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов, иных правоприменительных решений, действий, бездействия административно-публичных органов (в том числе об оспаривании решений и действий избирательных комиссий и комиссий референдума, об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости, об оспаривании постановлений и последующих решений по делам об административных правонарушениях, об оспаривании решений о применении мер служебно-дисциплинарного принуждения).

2. Административные дела о применении мер административного и иного публично-правового принуждения (о приостановлении деятельности и ликвидации некоммерческих организаций, о прекращении деятельности СМИ, об ограничении доступа к аудиовизуальному сервису, информационным системам, о взыскании обязательных платежей и санкций, об аннулировании лицензий и иных специальных разрешений, о помещении в специальные учреждения иностранных граждан, лиц без гражданства, несовершеннолетних, о привлечении к административной ответственности, о применении иных публично-правовых санкций, о применении мер служебно-дисциплинарного принуждения и др.).

3. Административные дела о применении мер административного и иного публично-правового ограничения (об установлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, о госпитализации граждан в медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, и др.).

4. Административные дела о возложении на органы публичной власти, граждан и организации публично-правовых обязанностей (об обеспечении охраны здоровья несовершенно-

летних, о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, о назначении выборов, референдумов и др.).

5. Административные дела об установлении фактов, имеющих публично-правовое значение (о признании информации, запрещенной к распространению, о признании информационных материалов экстремистскими и др.).

6. Административные дела по спорам, связанным с заключением, изменением и расторжением административных и иных публично-правовых договоров (соглашений), в которых хотя бы одной из сторон выступает административно-публичный орган.

Заключение

Проведенное исследование показало назревшую необходимость научно-теоретического и законодательного решения на основе положений Конституции России и действующего административно-процессуального законодательства дискуссионных вопросов понимания сущности, терминологии и структуры административного судопроизводства в Российской Федерации, нормативного закрепления базовых понятий данного вида судопроизводства, более точного и полного категорирования подлежащих разрешению в его рамках административных дел и систематизации в КАС РФ соответствующих судебных административных производств. Автор обозначил собственную позицию по названным, требующим решения вопросам, которая ни в коей мере не претендует на безоговорочную поддержку, но в то же время может послужить некоей основой для продолжения соответствующей научно-практической дискуссии.

Список источников

1. Кононов П. И. О понятии и видах административных дел в административном процессе // Журнал административного судопроизводства. 2018. № 2. С. 5–13.

2. Яковлева А. П. Взгляд на административное судопроизводство сквозь призму цивилистического процесса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 7. С. 55–59.

3. Россинский Б. В. Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 6–15.

4. Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20.

5. Кирющенко И. И. Административное судопроизводство: понятие, предмет, содержание // Административное право и процесс. 2025. № 9. С. 75–78.

6. Кононов П. И. Производство в судах по делам об административных правонарушениях как составная часть административного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 3. С. 60–84.

7. Щепалов С. В. Процессуальная форма правосудия по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2022. № 9. С. 10–15.

8. Плешевеня О. В. Особенности правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого судами общей юрисдикции : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 21 с.

References

1. Kononov P. I. About notion and types of administrative cases in administrative process. *Journal of the Administrative Proceedings.* 2018;(2):5-13. (In Russ.)

2. Yakovleva A. P. A look at administrative proceedings through the prism of the civil process. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2024;(7):55-59. (In Russ.)

3. Rossinskij B. V. The development of ideas on the administrative law subject. *Administrative Law and Procedure.* 2021;(5):6-15. (In Russ.)

4. Zelentsov A. B. The limits and structure of the administrative law subject of modern Russia: discussion issues. *Administrative Law and Procedure.* 2020;(9):5-20. (In Russ.)

5. Kiryushchenko I. I. Administrative proceedings: the concept, subject and content. *Administrative Law and Procedure.* 2025;(9):75-78. (In Russ.)

6. Kononov P. I. Proceedings in courts on cases of administrative offenses as an integral part of administrative proceedings. *Pravosudie/Justice.* 2023;5(3):60-84. (In Russ.)

7. Shchepalov S. V. The procedural form of justice in administrative offense cases. *Administrative Law and Procedure*. 2022;(9):10-15. (In Russ.)

8. Pleshevenya O. V. *Features of the legal regulation of proceedings in cases of administrative offenses conducted by courts of general jurisdiction.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025. 21 p. (In Russ.)

Информация об авторе

П. И. Кононов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публично-правовых наук, судья Второго арбитражного апелляционного суда в почетной отставке, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Information about the author

P. I. Kononov – Doctor of Science (Law), Professor, Professor at the Public Law Sciences Department, Judge of the Second Arbitration Court of Appeal in Honorable Retirement, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 18.02.2026; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 18.02.2026; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 49–58
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 49–58
УДК 347 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.49-58

Научная статья

Допустимость применения ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям по возмещению вреда в сфере здравоохранения

Юрий Александрович Климан

Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация, klimanyury@gmail.com

Аннотация. В современном правовом пространстве вопрос о возможности безвиновного привлечения медицинских организаций к ответственности в соответствии со ст. 1095 ГК РФ является актуальной и многогранной проблемой. Он связан с необходимостью определения границ ответственности медицинских учреждений за причинение вреда при оказании медицинской помощи, что вызывает активные дискуссии в юридической литературе. Основная сложность заключается в том, что применение принципа безвиновности требует тщательного анализа обстоятельств каждого конкретного дела и учета особенностей правового регулирования данной сферы.

Цели исследования – выявление и систематизация ключевых аспектов правового регулирования ответственности медицинских организаций за причинение вреда, а также анализ судебной практики по вопросам применения принципа безвиновности. В рамках исследования поставлены задачи определить особенности применения ст. 1095 ГК РФ к медицинским организациям, выявить причины существующих разногласий и предложить возможные пути их разрешения для повышения эффективности правового регулирования ответственности в сфере здравоохранения.

Методологической основой работы служат сравнительно-правовой, системный и логический методы, использование которых позволило провести всесторонний анализ нормативных актов, судебных решений и научных источников, а также выявить основные тенденции и проблемные вопросы в практике применения законодательства об ответственности медицинских организаций.

В результате исследования сделаны выводы о необходимости более четкого определения условий и критериев безвиновной ответственности в отношении медицинских учреждений, а также предложены рекомендации по совершенствованию правового регулирования данной сферы. Полученные результаты способствуют развитию теоретических основ и практических подходов к решению вопросов ответственности медицинских организаций за причинение вреда, что важно для повышения уровня защиты прав потерпевших и обеспечения справедливости в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: возмещение вреда, здравоохранение, медицинская помощь, медицинская услуга, деликт, безвиновная ответственность

Для цитирования: Климан Ю. А. Допустимость применения ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации к отношениям по возмещению вреда в сфере здраво-

© Климан Ю. А., 2026

охранения // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 49–58. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.49-58.

Original article

Admissibility of Applying Art. 1095 of the Civil Code of the Russian Federation to Relations Concerning Compensation for Harm in the Healthcare Sector

Yuri A. Kliman

North Caucasus Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation, klimanyury@gmail.com

Abstract. In the contemporary legal landscape, the issue of the possibility of vicarious liability of medical organizations under Art. 1095 of the Civil Code of the Russian Federation represents a relevant and multifaceted problem. It is associated with the necessity to define the boundaries of responsibility for medical institutions for harm caused during the provision of medical care, which has sparked active discussions in legal scholarship. The primary challenge lies in that applying the principle of vicarious liability requires a careful analysis of the circumstances of each specific case and consideration of the particularities of legal regulation in this sphere.

The aim of this research is to identify and systematize key aspects of the legal regulation of liability of medical organizations for causing harm, as well as to analyze judicial practice concerning the application of the vicarious liability principle. The study sets out to determine the features of applying Art. 1095 of the Civil Code to medical organizations, identify reasons for existing disagreements, and propose possible solutions to improve the effectiveness of legal regulation in healthcare liability issues.

The methodological foundation includes a comprehensive set of scientific analysis methods, such as comparative-legal, systemic, and logical approaches. The use of these methods enabled a thorough examination of normative acts, judicial decisions, and scientific sources, as well as identification of main trends and problematic issues in the practice of applying legislation on medical organizations' liability.

As a result, conclusions are drawn regarding the need for a clearer definition of conditions and criteria for vicarious liability concerning medical institutions. Additionally, recommendations are proposed for improving legal regulation in this area. The findings contribute to the development of theoretical foundations and practical approaches to resolving issues related to medical organizations' liability for harm caused, which is essential for enhancing the protection of victims' rights and ensuring justice in healthcare.

Keywords: compensation for harm, healthcare, medical care, medical service, tort, vicarious liability

For citation: Kliman Yu. A. Admissibility of applying Art. 1095 of the Civil Code of the Russian Federation to relations concerning compensation for harm in the healthcare sector. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):49-58. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.49-58.

В условиях быстрого и непрерывного развития современных медицинских технологий, а также в связи с повышением требований и ожиданий пациентов относительно уровня и качества предоставляемых медицинских услуг наблюдается тенденция к увеличению числа случаев, когда граждане сталкиваются с негативными последствиями вследствие причинения вреда в процессе оказания медицинской помощи. Этот рост обусловлен не только усложнением медицинских процедур и внедрением новых технологий, но и повышением информированности пациентов о своих правах и возможных рисках, что способствует более активному выявлению и фиксированию случаев медицинской ошибки или вреда. В результате возрастает актуальность вопросов правовой ответственности медицинских учреждений и специалистов за причиненный вред, а также необходимости разработки эффективных механизмов защиты прав пострадавших граждан в сфере здравоохранения.

Вопрос правовой ответственности за причинение вреда (деликт) в области здравоохранения представляет собой одну из наиболее значимых и актуальных тем в юридической науке и практике. Деликт в гражданском праве – это противоправное действие или

бездействие, которое причиняет вред другому лицу и влечет за собой юридическую ответственность. В трудах Е. А. Флейшиц, российского юриста и ученого, рассмотрены не только юридическая природа деликта, но и его социальные, культурные и этические аспекты. Е. А. Флейшиц делает акцент на том, что деликт – это не просто правовое нарушение, а сложное явление, которое тесно связано с системой общественных отношений и моральными нормами [1].

Обязательства, возникающие в результате причинения вреда, формируются в случаях, когда правовые отношения приобретают аномальный характер, т. е. выходят за рамки обычных гражданско-правовых норм и стандартных ситуаций. Такие обязательства направлены на восстановление имущественного положения потерпевшего в состоянии, предшествующем правонарушению, а также выполняют функцию компенсации морального вреда, причиненного противоправными действиями. В рамках данной правовой модели они служат механизмом устранения негативных последствий деликтной ответственности.

Как обоснованно пишет А. Е. Кирпичев, «существуют особые "потребительские" нормы в деликтном праве (т. е. в положениях ГК РФ об обязательствах из причинения вреда) – правила о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги (ст. 1095–1098 ГК РФ), а также "деликтные" нормы в потребительском законодательстве» [2, с. 52].

На основании п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»[1] при рассмотрении дел, связанных с возмещением вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие наличия конструктивных, производственных, рецептурных или иных недостатков товара (работы, услуги), необходимо учитывать, что, в частности, в соответствии со ст. 1095–1097 ГК РФ, а также п. 3 ст. 12 и п. 1–4 ст. 14 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»[2] такой вред подлежит возмещению продавцом (исполнителем, изготовителем либо импортером) в полном объеме независимо от их вины.

Одним из наиболее актуальных и зачастую вызывающих разногласия вопросов в практике правоприменения является соотношение договорной и деликтной ответственности медицинских организаций. Данный вопрос приобретает особую значимость в связи с особенностями правового регулирования отношений между пациентами и медицинскими учреждениями, а также с необходимостью установления единых критериев ответственности за причинение вреда. В соответствии со ст. 1095 ГК РФ закреплено императивное правило, которое предписывает, что независимо от характера причиненного вреда – в том числе при причинении вреда жизни или здоровью в ходе исполнения договора – ответственность за такой вред должна определяться в соответствии с положениями главы 59 ГК РФ, регулирующими ответственность за причинение вреда. Этот критерий подчеркивает приоритет деликтных норм в случаях, связанных с медицинской деятельностью, и служит основанием для формирования единой правовой базы, обеспечивающей защиту прав потерпевших и определенность в вопросах ответственности медицинских организаций. Такой подход способствует унификации правового регулирования и снижению судебных разногласий по во-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.

[2] Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

просам определения вида ответственности в случаях причинения вреда при оказании медицинской помощи.

В научной литературе существует устоявшееся мнение о том, что причинение вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего представляет собой особую категорию правонарушений, которая выходит за пределы традиционных договорных отношений и не может быть полностью урегулирована исключительно положениями договорного права.

Как обоснованно указывал О. С. Иоффе, «для возникновения обязательств по возмещению вреда необходимо, чтобы вред был причинен лицом, либо вообще не состоящим в договорных отношениях с потерпевшим, либо независимо от договорных отношений с ним, т. е. помимо нарушения причинителем вреда своих договорных обязанностей перед потерпевшим» [3, с. 11].

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что «договорная ответственность медицинской организации перед пациентом возможна лишь в том случае, если не причинен вред его жизни или здоровью; при причинении такого вреда наступает деликтная ответственность» [4, с. 154].

Как обосновано отмечают А. С. Шевченко и Г. Н. Шевченко, «в случае причинения вреда жизни, здоровью или имуществу потерпевшего возникают внедоговорные деликтные обязательства. То, что продавец и покупатель состоят в договорных отношениях, никоим образом не меняет юридическую природу обязательства, поскольку причинение вреда не может составлять содержание договорного обязательства»[3].

К сожалению, судебная практика не уточняет сферу применения § 3 главы 59 ГК РФ об ответственности за некачественные услуги, и с формальной точки зрения под действие норм § 3 главы 59 ГК РФ подпадают любые услуги, в том числе медицинские[4]. В соответствии с п. 2 ст. 779 ГК РФ нормы, регулирующие оказание услуг, распространяются также на сферу медицинских услуг. Так, исследователи медицинских услуг считают, что для предпринимательского и гражданско-правового регулирования основным понятием является «медицинская услуга» и что невозможно применение норм, регулирующих оказание услуг, к оказанию медицинской помощи[5].

При этом применение § 3 главы 59 ГК РФ, в частности ст. 1095 ГК РФ, в сфере здравоохранения вызывает определенные сложности и противоречия, что делает ее использование не всегда целесообразным. При этом даже в рамках оказания медицинских услуг применение строгого режима ответственности исполнителя услуг вызывает серьезные сомнения [6].

Подходы судов к применению норм о возмещении вреда различаются: одни суды акцентируют внимание на строгой ответственности исполнителей медицинских услуг, другие же требуют доказательства их вины для привлечения к ответственности. Это создает правовую неопределенность и подчеркивает необходимость более четкого регулирования вопросов ответственности в сфере здравоохранения и обеспечения справедливости судебных разбирательств.

Мы считаем, что медицинская услуга представляет собой особый вид услуги, который отличается от обычных товаров и работ. В отличие от стандартных товаров медицинские услуги связаны с высоким уровнем неопределенности и рисков. Каждый пациент уникален, и реакция на лечение может варьироваться в зависимости от множества факторов, включая индивидуальные особенности организма, сопутствующие заболевания и даже психологиче-

---

[3] *Шевченко А. С., Шевченко Г. Н.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2013. С. 61.

[4] Там же.

[5] Там же.

ское состояние пациента. Это осложняет применение стандартных критериев оценки качества услуг, предусмотренных ст. 1095 ГК РФ.

Анализ судебной практики показывает, что суды нижестоящих инстанций часто формально ссылаются на ст. 1095 ГК РФ в мотивировочной части, в то время как вышестоящие суды, оставляя без изменения судебные акты, исключают из своих решений упоминание ст. 1095 ГК РФ. Это создает определенные сложности в понимании применения норм о возмещении вреда и ответственности за ненадлежащее оказание медицинских услуг.

Так, апелляционным определением Волгоградского областного суда от 17 ноября 2021 г. оставлено без изменения решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований. Суд указал, что согласно п. 1 ст. 1095 ГК РФ вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина, подлежит возмещению исполнителем услуги независимо от его вины и от наличия договорных отношений с потерпевшим[6]. Это положение подразумевает строгую ответственность исполнителя за причиненный вред.

В дальнейшем определением Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2022 г. данное апелляционное определение было оставлено без изменения, но с исключением упоминания ст. 1095 ГК РФ из мотивировочной части. Кассационный суд отметил, что истец не представил доказательства того, что оказанная медицинская услуга не соответствовала качеству и фактически не была выполнена в соответствии с договором.

Таким образом, суд кассационной инстанции признал необходимость применения к спорным правоотношениям не строгой ответственности, а виновной[7].

Сравнение строгой и виновной ответственности в данном контексте подчеркивает важные аспекты правоприменения. Строгая ответственность предполагает возмещение вреда независимо от наличия вины со стороны исполнителя услуги; это означает, что даже при отсутствии умысла или неосторожности со стороны врача или медицинского учреждения они могут быть привлечены к ответственности за причиненный вред. В свою очередь, виновная ответственность требует доказательства наличия вины – умысла или неосторожности – со стороны ответчика.

Статья 1095 ГК РФ предполагает наличие недостатков в услуге как основание для привлечения к ответственности. Однако в случае медицинских услуг «недостаток» может быть трудно определяемым. Необходимо отметить, что медицинские услуги имеют свою уникальную природу. Они не могут быть оценены по стандартным критериям качества, применимым к другим видам услуг или товаров. В отличие от обычных товаров, где недостаток может быть легко идентифицирован и измерен, в сфере медицины качество услуги часто зависит от множества факторов, включая индивидуальные особенности пациента, сложность заболевания и непредсказуемость реакции организма на лечение. Например, если пациенту была проведена операция с соблюдением всех стандартов и рекомендаций, но после этого возникли осложнения, это не обязательно свидетельствует о наличии недостатка услуги. Осложнения могут быть следствием индивидуальных особенностей пациента или непредсказуемых факторов, что ставит под сомнение возможность применения ст. 1095 ГК РФ.

При этом еще в 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 6 июня 2002 г. № 115-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мартыновой Евгении Захаровны

---

[6] Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 17 ноября 2021 г. по делу № 33-2804/2021.

[7] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30 августа 2022 г. по делу № 88-18028/2022.

на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 779 и пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации»[8] указал, что специфика отношений по оказанию медицинских услуг, обусловленная их непосредственной связью с такими благами, как жизнь и здоровье, требует установления в рамках специального регулирования более детальных правил, регламентирующих предоставление гражданам медицинской помощи в различных формах.

Судебная практика показывает, что суды склонны учитывать профессиональные стандарты и нормы медицинской этики при оценке действий врачей. Это означает, что, даже если пациент пострадал в результате оказания медицинской помощи, это не всегда будет основанием для признания ответственности медицинской организации. Суд может признать действия врача соответствующими стандартам профессиональной деятельности и отказать в удовлетворении иска на основании отсутствия вины.

Так, истец обратился в суд с иском к медицинской организации о взыскании убытков, неустойки, штрафа, компенсации морального вреда и расходов на лечение. В обоснование иска он указал, что при оказании стоматологических услуг была применена неправильная тактика лечения, а сами услуги оказаны некачественно, что привело к ухудшению его здоровья, к нравственным и физическим страданиям, а также материальному ущербу вследствие необходимости повторного лечения.

Суды установили, что факт предоставления ответчиком некачественной стоматологической услуги не получил подтверждения, поскольку доказательства недостатков диагностического характера, выбранной тактики лечения и оказанных протезных работ отсутствуют. Доводы истца о противоположном также остались неподтвержденными. В результате суды пришли к выводу о невозможности применения к данным медицинским услугам строгой ответственности на основании ст. 1095 ГК РФ[9].

Также суды разграничивают ответственность за вред, причиненный дефектами ведения медицинской документации, и ответственность за недостатки оказания непосредственно самой медицинской помощи.

Истец обратилась в суд с иском о взыскании понесенных убытков, уплаченных средств, неустойки и компенсации морального вреда. Свои требования она основывала на нарушении условий договора, выразившемся в некачественном оказании стоматологических услуг: отсутствии достоверной информации, установке имплантатов без согласия, их переустановке, что привело к причинению вреда здоровью.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 21 октября 2024 г. решение Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 21 ноября 2023 г. в части отказа в удовлетворении компенсации морального вреда, штрафа отменено, взыскана компенсация за моральный вред и дефекты ведения медицинской документации; в остальной части в иске отказано[10].

Судебная коллегия кассационной инстанции признала верным вывод суда апелляционной инстанции об имеющихся дефектах ведения медицинской документации, в частности об отсутствии подтверждения добровольного согласия на повторную установку имплантатов.

При этом суд кассационной инстанции признал несостоятельным довод о неправомерности отказа во взыскании в пользу истца убытков, уплаченных средств, неустойки, поскольку материалами дела,

---

[8] Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 1.

[9] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2024 г. по делу № 88-33227/2024. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

[10] Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 21 октября 2024 г. по делу № 33-15828/2024.

в том числе заключением судебной экспертизы, подтверждается факт оказания истцу медицинских услуг надлежащего качества[11].

Таким образом, сложность применения ст. 1095 ГК РФ по делам о медицинских услугах обусловлена как спецификой самих услуг, так и необходимостью доказывания вины со стороны медицинского работника. Это подчеркивает необходимость более детального анализа правовых норм и практики их применения в контексте здравоохранения с целью создания более эффективной системы защиты прав пациентов и обеспечения справедливости в разрешении споров между ними и медицинскими организациями.

В научной литературе указывается, что существует проблема дефекта норм права в сфере здравоохранения, определяющих термины «медицинская помощь» и «медицинская услуга» [7]. Отсутствие четкого нормативного определения категорий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в ГК РФ порождает правовую неопределенность, что затрудняет их корректную интерпретацию.

Выделение понятия «медицинская услуга» в качестве самостоятельной категории представляется избыточным или искусственным с научной и правовой точек зрения. Это обусловлено тем, что «медицинская помощь» является более широким и универсальным термином, закрепленным в нормативных правовых актах, который охватывает весь спектр деятельности, связанной с оказанием медицинских услуг. В его рамки включаются как платные, так и бесплатные виды медицинской деятельности, начиная от профилактических мероприятий и диагностики и заканчивая лечением и реабилитацией. Следовательно, понятие «медицинская услуга» не может рассматриваться независимо от категории «медицинская помощь», поскольку оно является лишь составной частью более общего понятия.

В связи с этим выделение «медицинской услуги» в самостоятельную юридическую или научную категорию представляется недостаточно обоснованным, поскольку оно не добавляет существенной смысловой нагрузки и не способствует более точному регулированию или пониманию правовых аспектов оказания медицинской деятельности. Такой подход может привести к дублированию понятийных рамок и усложнению системы нормативного регулирования без очевидных преимуществ для практики или теории.

Современная судебная практика последовательно придерживается позиции о включении понятия «медицинская услуга» в более широкое понятие «медицинская помощь».

Особое внимание следует обратить на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 1-О об установлении правового и конституционного статуса медицинской помощи, в котором Суд разъяснил: понятие «медицинская помощь» следует понимать в качестве конституционного права граждан Российской Федерации на получение медицинских услуг в рамках как гарантированного объема бесплатных медицинских услуг, так и тех, которые не входят в этот перечень, но предоставляются государством на безвозмездной (бесплатной) основе[12].

---

[11] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 января 2025 г. № 88-647/2025.

[12] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Юдина Александра Анатольевича на нарушение конституционных прав его несовершеннолетнего сына абзацем пятым преамбулы Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” и частью 2 статьи 19 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://doc.ksrf.ru (дата обращения: 24.05.2025).

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»[13] была сформулирована важная и принципиальная правовая позиция, направленная на унификацию и систематизацию судебной практики в сфере охраны здоровья граждан. В частности, в данном Постановлении подчеркивается необходимость использования в правовых отношениях, регулирующих ответственность медицинских организаций, исключительно понятия «медицинская помощь».

Следует отметить, что Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[14] акцентирует внимание именно на понятии «медицинская помощь». В частности, согласно п. 3 ч. 1 ст. 2 термин «медицинская помощь» определяется как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья человека. В этот комплекс входит предоставление медицинских услуг – конкретных действий или процедур, осуществляемых медицинскими работниками с целью достижения указанных целей.

Изложенное подтверждает вывод о том, что понятие «медицинская услуга» является составной частью более общего понятия «медицинская помощь». В рамках правовой системы Российской Федерации именно «медицинская помощь» выступает как базовая категория, включающая в себя различные виды деятельности по поддержанию и восстановлению здоровья граждан.

Поддержка Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным в марте 2024 г. инициативы о прекращении использования термина «медицинская услуга» и последующее внесение законопроекта № 580179-8 свидетельствуют о целенаправленных усилиях по устранению правовых противоречий и повышению юридической определенности в сфере регулирования медицинской деятельности[15]. Данный шаг отражает стремление к унификации терминологического аппарата, что способствует более четкому и последовательному применению нормативных положений, а также снижению возможных двусмысленностей и разночтений в правовом регулировании отношений, связанных с оказанием медицинской помощи. В целом инициатива направлена на совершенствование правовой базы, что является важным аспектом обеспечения прозрачности и эффективности системы здравоохранения.

Термин «медицинская услуга» поэтому рекомендуется применять лишь в аспекте финансовой составляющей в различных ситуациях: оказание медицинской помощи, санаторно-курортное лечение, при лицензировании медицинской деятельности, в условиях статистического мониторинга, в номенклатурах и стандартах в сфере здравоохранения.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод, что специфика оказания медицинской помощи, и в частности медицинских услуг, требует особого подхода к их правовому регулированию. До момента уточнения понятия «медицинская услуга» исключение этих услуг из сферы действия ст. 1095 ГК РФ является необходимым шагом для создания более эффективной системы защиты прав как пациентов, так и медицинских работников. Это позволит учесть уникальные характеристики медицины как области деятельности и обеспечить высокие стандарты качества оказания медицинских услуг в интересах общества в целом.

---

[13] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

[14] Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

[15] Перечень поручений по социально-экономическим вопросам от 8 марта 2024 г. № Пр-438.

Более целесообразно рассматривать ответственность за причинение вреда в рамках общих норм гражданского законодательства о деликтной ответственности, благодаря чему можно точнее учесть все особенности отношений между пациентами и медицинскими работниками, обеспечивая защиту прав потребителей без излишней юридической формализации.

Кроме того, необходимо отметить, что проблема безвиновного привлечения медицинских организаций к ответственности представляет собой сложный междисциплинарный вопрос, который требует учета правовых норм, особенностей организации здравоохранения и судебной практики. Решение проблемы должно базироваться на тщательном анализе конкретных обстоятельств дела и учитывать специфику оказываемой медицинской помощи, что актуализирует совершенствование правового регулирования в сфере охраны здоровья граждан Российской Федерации.

Список источников

1. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М. : Госюриздат, 1951. 239 с.

2. Кирпичев А. Е. Деликтные отношения с участием потребителей // Закон. 2021. № 9. С. 48–59.

3. Иоффе О. С. Обязательства по возмещению вреда / отв. ред. Л. И. Картужанский. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. 107 с.

4. Шепель Т. В. Соотношение договорной и деликтной ответственности медицинской организации перед пациентом // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 153–162.

5. Левушкин А. Н., Бирюкова Е. Г. Качество оказания медицинских услуг: межотраслевой комплексный подход к правовому регулированию // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 28–33.

6. Тихомиров А. В. Проблемы правовой квалификации вреда здоровью при оказании медицинских услуг : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. 185 с.

7. Климан Ю. А. Соотношение понятий «медицинская услуга» и «медицинская помощь» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2022. № 12. С. 134–138.

References

1. Fleishits E. A. *Obligations arising from harm and unjustified enrichment.* Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1951. 239 p. (In Russ.)

2. Kirpichev A. E. Torts in consumer relations. *Statute.* 2021;(9):48-59. (In Russ.)

3. Ioffe O. S. *Obligations to compensate for harm.* Ed. L. I. Kartuzhansky. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1951. 107 p. (In Russ.)

4. Shepel T. V. Correlation of contractual and tortious liability of a healthcare organisation to a patient. *Tomsk State University Journal of Law.* 2020;(38):153-162. (In Russ.)

5. Levushkin A. N., Biryukova E. G. Quality of medical services: interindustrial integrated approach to legal regulation. *Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava = Journal of Entrepreneurship and Corporate Law.* 2018;(3):28-33. (In Russ.)

6. Tikhomirov A. V. *Problems of legal qualification of harm to health in the provision of medical services*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2008. 185 p. (In Russ.)

7. Kliman Yu. A. Relationship of the concepts “medical service” and “medical care”. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser.: Ekonomika i pravo = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law.* 2022;(12):134-138. (In Russ.)

Информация об авторе

Ю. А. Климан – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права.

Information about the author

Yu. A. Kliman – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 05.06.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 59–68
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 59–68
УДК 347.921 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.59-68

Научная статья

Теоретические аспекты определенности иска и критерии его модификации

Максим Евгеньевич Поскребнев
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, forceline@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8321-8376

Аннотация. В статье анализируются теоретические аспекты определенности (индивидуальности) иска, а также критерии модификации (изменения) иска. Автор рассматривает теорию вопроса с тем, чтобы получить ясное представление об объекте модификации, используя исторический, сравнительный и аналитический методы, а затем переходит к исследованию критериев модификации.

В результате исследования сформулированы общие выводы: 1) современные критерии определенности иска, его элементы (предмет и основание) одновременно выступают и критериями модификации иска. Изменения обоих этих элементов приводят к новированию иска, т. е. такая степень модификации иска недопустима; 2) история формирования элементов иска для целей его модификации отводит ключевую роль предмету иска, т. е. его цели (de eadem re). В этой связи в спорных кейсах, не позволяющих с легкостью определить нарушение индивидуальности иска, его внутреннего тождества, следует исходить из того, что главным является сохранение общей цели иска; 3) значительное новирование одного из элементов иска так или иначе охватывает собой изменение и второго элемента, поскольку весьма тесно связаны и переплетены предмет и основание иска; 4) современная модификация иска испытывает влияние тенденций ускорения и процессуальной экономии правосудия по гражданским делам, поэтому суду экономнее и эффективнее допустить, хотя с теоретической точки зрения, возможно, и не безупречное, изменение иска, его предмета или основания, чем в новом деле возвращаться по существу к тому же самому спору. В таком случае следует иметь в виду, что изменение иска не должно повлечь потери иском своего внутреннего тождества, поскольку эта утрата весьма затруднит суду в дальнейшем выявление внешнего тождества в случае подачи аналогичного иска. Следовательно, действуя в угоду ускорению и эффективности процесса, суд не должен допустить полного изменения иска, в противном случае возникнет риск утраты защиты от сутяжничества; 5) не все новые факты должны влечь возможность модификации иска. Суд призван обратить внимание на то, были ли эти «новые» факты известны истцу до судебного разбирательства, не скрывал ли он их, злоупотребляя правом.

Ключевые слова: определенность (индивидуальность) иска, судебное разбирательство, модификация (изменение) иска, новые факты, предмет и основание иска, внутреннее и внешнее тождество иска

Для цитирования: Поскребнев М. Е. Теоретические аспекты определенности иска и критерии его модификации // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 59–68. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.59-68.

© Поскребнев М. Е., 2026

Original article

Theoretical Aspects of the Certainty of a Claim and Criteria for Its Modification

Maxim E. Poskrebnev

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, forceline@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8321-8376

Abstract. The article analyzes the theoretical aspects of the certainty (individuality) of the claim, as well as the criteria for the modification of the claim. The author of the article first theorizes about the certainty of the claim in order to have a clear understanding of the object of modification, using historical, comparative and analytical methods, and then proceeds to study the criteria of modification.

As a result of the study, general conclusions were formulated: 1) modern criteria for the certainty of a claim, its elements (subject and basis), simultaneously act as criteria for the modification of the claim. Changing both of these elements leads to a new claim, that is, such a degree of modification of the claim is not acceptable; 2) the history of the formation of the elements of the claim for the purposes of its modification assigns a key role to the subject of the claim, that is, its purpose (de eadem re). In this regard, in controversial cases that do not easily determine the violation of the individuality of the claim, its internal identity, it should be assumed that the main thing is to preserve the overall purpose of the claim; 3) a significant innovation of one of the elements of the claim somehow encompasses a change in the second element, since the subject and the basis of the claim are too closely related and intertwined; 4) the modern modification of a claim is influenced by the tendency to speed up and procedural economy of justice in civil cases, so that it is more economical and efficient for the court to allow, although it may not be perfect from a theoretical point of view, a change in the claim, its subject matter or basis, than to return to essentially the same dispute in a new case. In this case, it should be borne in mind that changing the claim should not entail the loss of the claim's internal identity, since this loss will make it very difficult for the court to identify the external identity in the future, in the case of filing a similar claim. Therefore, acting for the sake of speeding up and efficiency of the process, the court should not allow a complete change in the claim, otherwise there will be a risk of losing protection from litigation; 5) not all new facts should entail the possibility of modifying the claim. The court should pay attention to whether these "new" facts were known to the plaintiff before the trial, and whether he was hiding them by abusing the right.

Keywords: certainty (individuality) of the claim, judicial proceedings, modification of the claim, new facts, subject and basis of the claim, internal and external identity of the claim

For citation: Poskrebnev M. E. Theoretical aspects of the certainty of a claim and criteria for its modification. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(5):59-68. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.59-68.

В римском праве времен Республики иск должен был быть определен с самого начала, и он должен был сохранять свою определенность (индивидуальность) вплоть до наделения его законной силой (rei judicata)[1]. Эта узаконенная определенность иска позволяла в дальнейшем исключить повторное рассмотрение аналогичного, тождественного иска. Гарантией сохранения определенности иска, его внутреннего тождества являлась так называемая exceptio rei judicatae (возражение об исполнении решения). «Считается, что эксцепция об (исполнении) судебного решения молчаливо сдерживает всех лиц, имеющих привычку сутяжничать», – писал Ульпиан в комментариях к эдикту (Дигесты, кн. 44, тит. II, фр. 4) (цит по: [1, с. 466]). Если возражение об исполнении решения не было задействовано, то появление нового, аналогичного (тождественного) иска могло привести к неопределенности уже узаконенного первого иска, т. е. привести его обратно в досудебное, неопределенное, спорное состояние, уничтожая тем самым проделанную судьей работу по первому иску.

[1] Изначально римские исковые формулы были типичными, каждому нарушению права отводилась своя исковая формула, в течение судебного разбирательства их никак нельзя было исправлять.

Более того, в римском праве фиксировался не только уже узаконенный иск, но и иск, по которому было открыто судебное разбирательство[2]. «И потому необходима эксцепция о том, что дело завершилось судебным решением или *стало предметом судебного разбирательства*» (курсив мой. – *М. П.*), – подчеркивал в Институциях Гай (Гай. Инст. 4. 106) (цит по: [2, с. 263]).

Со временем определенность иска перестала быть абсолютной, изменчивость гражданских правоотношений, объективные обстоятельства жизни потребовали большей «приспособляемости к особенностям каждого отдельного случая» [3, с. 9]. При предъявлении иска истец мог ошибиться в квалификации материального права (в выборе actio), либо в течение судебного разбирательства могли быть установлены такие факты, отсутствие которых на стадии возбуждения дела (in jure) не позволило истцу верно определить вид иска (genus actionis). В таком случае несправедливо было бы отказать истцу в защите путем запрета на исправление иска, правильнее было бы допустить переквалификацию искового требования. Ульпиан считал, «…что по одному и тому же поводу судится и тот, кто предъявляет не такой же иск, что предъявлял первоначально, но если он судится даже при помощи иного (иска), однако о том же самом предмете. Например, если кто-либо, намереваясь предъявить иск из договора поручения, когда противник дал ему обещание <явиться в суд>, предъявит по тому же поводу иск о ведении чужих дел без поручения или кондикцию, он судится о том же самом предмете. И правильно определить так, что лишь тот не судится “о том же *предмете*”, кто вовсе не отыскивает этот *предмет* по суду. В остальном, когда кто-нибудь *изменяет* иск и судится – лишь бы он судился о том же самом *предмете*, хотя бы и посредством иска иного рода, чем предъявил (первоначально), – считается, что он судится “о том же *предмете (de ea re)*”» (курсив мой. – *М. П.*) (Дигесты, кн. 44, тит. II, фр. 5) (цит по: [1, с. 466–467]), – писал Ульпиан в комментариях к эдикту. Как видим, представления о сохранении индивидуальности (определенности) иска, его внутреннем тождестве были сведены к сохранению неизменным *предмета* иска (его цели), что привело к возможности если ни изменять иск, то по крайней мере исправлять его, лишь бы предмет иска оставался прежним.

Тем самым обозначился первый элемент иска, своего рода критерий, который позволял исправлять иск. Это исправление иска не было его полным изменением, поскольку новации процесса не происходило, предмет иска оставался прежним. Соответственно, изменение предмета (цели) иска приводило к изменению всего иска, т. е. новировало этот иск, что было недопустимо из-за потери им своей определенности (индивидуальности).

Указанный критерий определенности иска – его предмет (цель) de eadem re на долгие века сохранился в европейской юриспруденции, а затем был реципирован и российскими юристами.

Так, согласно Уставу гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – УГС) в исковом прошении должны были содержаться указания на 1) суд, в который прошение подается, на 2) цену иска, за исключением исков, оценке не подлежащих, на 3) стороны, на 4) обстоятельства дела, из которых иск проистекает, на 5) доказательства и законы, на которых иск основан, а также на 6) просительный пункт, заключающий в себе требования истца, т. е. то, о чем он просит суд постановить решение (ст. 257 УГС)[3]. Однако возвращению подлежало такое

---

[2] Аналогичным образом в современном гражданском процессе исключается рассмотрение тождественного иска не только относительно уже рассмотренного аналогичного иска, но и относительно иска, который еще только находится на рассмотрении (п. 3 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ и п. 5 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ).

[3] Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Изд. Гос. канцелярии. Часть первая. СПб. : Тип. Второго Отд-ния Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1866. С. 142–143.

исковое прошение, в котором отсутствовали только указания на *стороны* и на *просительный пункт*, заключающий в себе требования истца (ст. 266)[4]. Строго говоря, Устав не ограничивал истца в праве на предъявление иска, в котором не были указаны обстоятельства, из которых проистекает иск, а также на доказательства и законы, на которых иск основан. В основаниях для оставления искового прошения без движения обстоятельства, доказательства и законы также не значились (ст. 269 УГС)[5]. При этом разработчики УГС отметили в комментариях, что *«определенность»* иска устанавливалась через *«означение истца и ответчика, а равно и предмета иска»*. Эти элементы составляли «сущность понятия об иске как о требовании *определенном*: требование неопределенное не составляет иска, и потому в этих случаях прошение не признается за иск» (комментарий к ст. 266 УГС)[6]. Как видно, разработчики УГС считали, что *определенность*, или *индивидуальность*, иска сводится к двум элементам: 1) *сторонам* и 2) *предмету* иска.

Разъясняя эту позицию дореволюционного законодателя, профессор В. М. Гордон писал, что без указания фактов не будет видно, *почему* истец просит, а потому может оказаться индивидуально неопределенным также и *то, чего* истец просит, т. е. не будет определен *предмет* иска. В свою очередь, это приведет к невозможности для суда в дальнейшем установить внешнее тождество исков (exceptio litis pendentis) [3, с. 81]. В этой связи ученый считал, что отсутствие в иске *обстоятельств*, на которых основан иск, т. е. *основания иска*, все же должно повлечь по ст. 266 УГС возврат искового прошения как прошения, в котором *не обозначен предмет иска*. Относительно сторон иска В. М. Гордон указывал на то, что, напротив, перемена субъектов процессуального отношения составляет процессуальное явление, стоящее особо от изменения иска: «Это не есть изменение иска, хотя, подобно ему, и есть новация процесса [3, с. 30]. А. Х. Гольмстен также не видел в перемене сторон изменения иска: «Когда истец изменяет иск, то он изменяет его не вполне, не во всех элементах; во всяком случае с субъективной стороны спорное отношение остается тем же» (цит. по: [3, с. 31]). В самом деле, «если замена сторон правомерна, тождество иска не нарушается» [4, с. 201]. В части указания в исковом прошении на доказательства и законы В. М. Гордон отметил, что в этой норме приведены требования не к иску, но к содержанию искового заявления: последнее шире понятия иска [3, с. 26]. «Что касается до прочих пунктов, то они несомненно имеют значение для *индивидуализации процесса*, но отнюдь не для *индивидуализации иска*» (курсив мой. – *М. П.*) [3, с. 29].

Е. В. Васьковский наравне с *предметом* и *основанием* иска выделял самостоятельный элемент иска – его *содержание*, т. е. то, *что просит сделать* истец у суда, в отличие от того, *относительно чего* истец просит суд сделать (предмет иска) [5, с. 593]. Позднее по этому поводу профессор Н. Б. Зейдер справедливо указал на то, что содержание иска позволяет произвести деление исков на иски о присуждении и установительные иски. Однако понятие содержания иска равнозначно понятию той процессуальной цели, которую иск преследует; исходя из этого, следует взять под сомнение указание в числе элементов иска его «содержания» [6, с. 236]. А. А. Добровольский также критически относился к выделению содержания в качестве самостоятельного элемента [7, с. 318], а Г. Л. Осокина содержанием иска охватывала все составные части иска – предмет и основание, в точном соответствии со смыслом данного понятия[7]. Кроме того, в обособлении содержания иска Е. В. Васьковским прослеживается явное влияние положений ст. 332 и 333 УГС, в которых отчетливо виден акцент на изменение

[4] Судебные уставы 20 ноября 1864 года… С. 145.
[5] Там же. С. 146.
[6] Там же. С. 145.
[7] *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М. : Юрист, 2006. С. 450.

содержания требований, их качественной и количественной характеристик[8]. Не случайно Т. М. Яблочков даже отождествил понятия «содержание» и «размер» иска [8, с. 142].

Таким образом, разработчики УГС 1864 г. смотрели на критерии определенности (индивидуальности) иска, его внутреннего тождества шире, чем это делали древнеримские юристы, присовокупив к *предмету* (цели) иска еще и *стороны*. Однако дореволюционные теоретики *скептически оценили отнесение сторон к критерию индивидуализации иска*, при этом они добавили к предмету иска *обстоятельства*, на которых этот иск *основан*, т. е. *основание* иска.

Относительно изменения иска следует отметить, что УГС 1864 г. не содержал прямого указания на состав модификации. По статье 332 УГС истец мог уменьшить свои требования, заявленные в исковом требовании, но не вправе был увеличивать их, изменять по существу или предъявлять новые требования, если только они не вытекали непосредственно из заявленных в исковом прошении. В следующей статье было сделано ограничение общего правила предыдущей статьи. Не считалось увеличением или изменением требований по существу, гласила ст. 333 УГС, когда истец выражал их определеннее, когда он присовокуплял к ним проценты и приращения, или в случае отчуждения или утраты имущества, составляющего предмет дела, требовал от ответчика возмещения ценности имущества[9]. Как видно из указанных статей, объектом изменения (модификации) являлось *содержание требования,* т. е. содержание предмета иска; применительно к нему отмечен и характер изменений. Не упущен и второй признак индивидуализации иска: «И в нашем законе изменение иска может состоять в изменении *основания* иска. Эта возможность прямо вытекает из слов статьи 332-й “истец не в праве изменять свои требования ***по существу***”», – утверждал профессор В. М. Гордон [3, с. 23]. Таким образом, «изменение иска может произойти как через изменение *основания* иска, так и через изменение *содержания искового требования,* то есть через изменение содержания *предмета* иска. Это выводится из того же требования нашего закона о неизменности требований “по существу”. Требование же изменяется по существу именно через изменение объекта и основания его» (курсив мой. – *М. П.*), – считал профессор А. Х. Гольмстен [4, с. 213].

Комментируя рассмотренные ст. 332 и 333 УГС, К. Н. Анненков писал, что каждое исковое требование возникает из известных определенных юридических фактов, которые и служат, таким образом, *основанием* требованию, составляют его causa petendi; но, кроме того, каждое исковое требование должно быть направлено непременно на определенный *предмет* (курсив мой. – *М. П.*), который служит *объектом требования*. Из этого вытекает то последствие, что каждый иск при возникновении его предполагает непременно существование двух необходимых фактов: а) *основание иска* (курсив мой. – *М. П.*) – *causa petendi*; и б) *предмет* (курсив мой. – *М. П.*), на который направлен иск, – *объект требования*. Таким образом, К. Н. Анненков считал: «…следует признать, что в правиле ст. 332 УГС идет речь о *неизменности обоих указанных факторов* каждого иска; хотя самые выражения, употребленные в статье, и не совсем точны, но мне кажется, что выражение: “истец не в праве увеличивать требования, заявленные в исковом прошении, или предъявлять новые требования” – должно относиться именно к объекту требования; а выражение: “истец не вправе изменять исковые требования по существу их”, – должно относиться к основанию требования» (курсив мой. – *М. П.*) [9, с. 470]. Т. М. Яблочков также отмечал неизменность обоих элементов иска: «В видах сохранения внутреннего тождества индивидуальности спорного отношения закон запрещает изменять в течении производства иск в его *существе*. Тождество это нарушается

[8] Судебные уставы 20 ноября 1864 года… С. 172–173.
[9] Там же. С. 172–173.

изменением 1) *основания* иска ***и*** 2) *содержания искового требования»* (курсив и полужирный мой. – *М. П.*) [8, с. 137].

Таким образом, дореволюционными юристами выведены два индивидуализирующих элемента иска, изменение которых влечет нарушение внутреннего тождества иска, т. е. нарушение его *определенности*: *основание* иска и его *предмет*. Изменение обоих этих элементов приводило к изменению иска и нарушению внутреннего тождества соответственно.

Однако вопрос о модификации только одного элемента все же оставлял вопросы в теории и практике. Так, профессор К. П. Победоносцев, анализируя судебную практику, писал: «Первоначально истец требовал с лица, причинившего своею неосторожною ездою повреждение здоровью сына истца, вознаграждение за лечение, а засим в течении процесса просил, вместо этого, об обеспечении содержания пострадавшего. В этом случае основание иска осталось без изменения, изменилось лишь содержание требования, но вследствие уже одного этого изменился и иск, ибо утратил свое внутреннее тождество в одном из составных своих элементов» [10, с. 166]. Следовательно, изменение иска может заключаться либо в изменении основания иска, либо в изменении содержания требования, заключил профессор В. М. Гордон [3, с. 12–13], и он же отметил: «Для наличности изменения иска как через изменение основания иска, так и через изменение содержания требования необходимо, чтобы на один из этих элементов была направлена такая модификация, которая *новировала* бы иск. Только в таком случае будет иметь место *изменение*, а не *исправление* иска» (курсив мой. – *М. П.*) [3, с. 133]. Сегодня рассмотренный К. П. Победоносцевым пример вряд ли привел бы к признанию указанного изменения предмета иска из ДТП как новирующего весь иск. В примере фактический состав, вытекающий из обстоятельств деликта (основание иска), остался прежним. Изменился лишь предмет иска – с требования о взыскания вреда в денежном выражении на требование об обеспечении содержания пострадавшего.

Как видно, выявление изменения иска через модификацию только одного элемента (основания или предмета иска) являлось до революции нелегкой задачей. *Трудность заключалась в определении степени новирования одного элемента иска, которая бы однозначно свидетельствовала об изменении всего иска*. Так, К. Н. Анненков обратил внимание на два примера изменения только основания иска. Один из них указывает на нарушение внутреннего тождества иска, другой – нет. В первом примере наследник Д. предъявил иск о признании права на наследственное имущество к двум другим наследникам – В. и С., ссылаясь на преимущественное перед ними право наследования на основании завещания. Так как в течение судебного разбирательства действительность завещания была подвергнута сомнению, наследник Д. изменил основание иска и стал просить установить право на наследство на основании закона. В этом случае, как считает К. Н. Анненков, «истец выставляет в течение производства совершенно другое основание его требований, изменяет основание, выставленное им изначально, чего он сделать не в праве на основании правила ст. 332 УГС, которая указывает на то, что истец не в праве изменять требования *по существу*, то есть истец не вправе изменять основание иска (causa petendi)… в самом деле, что же и означает предъявление иска сперва на основании завещания, а потом на основании наследственных прав, как не изменение иска *по существу* его» (курсив мой. – *М. П.*) [9, с. 471]. Следует отметить, что, с одной стороны, наследование по завещанию и наследование по закону действительно имеют разное основание. С другой стороны, в рассматриваемом примере цель иска (de eadem re) у истца одна – получить право на наследство, и эта цель (предмет иска) после изменения основания иска сохранена: наследник Д. все так же хочет получить право на наследство.

Ранее мы указывали, что изменение иска необходимо в двух случаях: ошибки квалификации при предъявлении иска и появление новых фактов, о которых истец не мог знать до судебного разбирательства. В данном примере ошибки в квалификации не было, истец из-

начально правильно квалифицировал иск согласно имевшемуся у него завещанию. Однако в судебном разбирательстве появился новый юридический факт – недействительность завещания. Появление этого факта заставило истца изменить квалификацию на наследование по закону. Таким образом, предмет иска остался прежним, но основание иска претерпело изменение по объективным причинам: появление нового факта в судебном разбирательстве, о котором истец не знал до судебного разбирательства. Рассмотренный пример сегодня вряд ли привел бы к признанию указанного изменения основания иска из наследственных отношений как новирующего весь иск. Современная модификация иска испытывает влияние тенденции ускорения и процессуальной экономии правосудия по гражданским делам. Отказ в модификации иска по тем или иным причинам приводит, как правило, к обращению истца заново с иском, в модификации которого ему было отказано. В свою очередь, для суда это значит не одно, но два или даже три дела, которые, по сути, объединены одной целью (de eadem re). В приведенном примере этой объединяющей целью является право истца на одно и то же наследственное имущество. Однако в данном примере возможны скрытые, невидимые на первый взгляд аспекты дела, способные сформировать у судьи убеждение возвратить иск с измененными основаниями и отказать в удовлетворении иска по завещанию, разъяснив, конечно, истцу право обратиться с новым иском из наследования по закону. Справедливость изменения основания иска в связи с новым фактом (недействительность завещания), установленным в суде, требует, чтобы этот факт был неизвестен истцу в момент предъявления иска. Если это так, после появления этого факта в суде ясно, что истец добросовестно заблуждался в квалификации исковых требований по праву завещания, и, значит, ему должно было быть предоставлено право изменить изначально выбранную квалификацию по завещанию на квалификацию по закону. Иначе обстоит дело, если истец знал о недействительности завещания и, предъявляя иск на этом основании, действовал сознательно, на свой страх и риск, а когда этот факт открылся в суде, потребовал еще и переквалификации, т. е. замены основания иска. Здесь ситуация уже не столь однозначная: вместо того, чтобы сразу предъявить исковое требование, основанное на праве по закону, и получить часть наследственного имущества, истец потратил время суда на выявление ложных сведений, надеясь, что факт недействительности завещания так и останется для участников процесса сокрытым и истец получит право на все наследство соответственно. В таком случае отказ истцу в замене основания иска выглядит более чем убедительным и справедливым. Этому истцу придется обратиться в суд с новым иском. Данный пример заставляет задуматься над фактами (основаниями иска), которые появляются в течение судебного разбирательства и приводят к изменению основания иска. Как видно, не все эти факты, на первый взгляд вполне убедительные, могут очевидно повлечь модификацию иска.

К. Н. Анненков приводит и второй пример, где изменение основания иска он не считает нарушением внутреннего тождества иска. Так, истец предъявил требование на основании договора, который он признал в своем исковом прошении договором личного найма, между тем как на самом деле договор, служащий основанием его иска, был договором подряда. Истец при словесном состязании, не изменяя предмета исковых требований, объяснил только, что в основание его иска положен не договор личного найма, а договор подряда. В этом случае истец, по мнению К. Н. Анненкова, «…нисколько не изменяет основания своего иска, потому что он продолжает основывать свои требования на тех же самых юридических фактах, которые указаны в его исковом прошении, как основание его требования» [9, с. 471]. Этот пример отличается от первого примера тем, что в первом изменение нормы права, регулирующей наследственные отношения, было сопряжено с появлением *нового факта* в судебном разбирательстве (недействительность завещания). Во втором примере изменение нормы пра-

ва, регулирующей договорные отношения, было исправлением юридического заблуждения в квалификации, допущенной истцом при предъявлении иска, что, конечно же, отразилось на фактах, определяющих состав правоотношения, т. е. на основании иска. Сегодня этот пример также вряд ли повлек бы отказ в модификации иска. Приведенные К. Н. Анненковым примеры были им проанализированы в соответствии с правилами УГС 1864 г., которые не допускали изменение иска *«по существу»*, тем самым предоставляя суду возможность самому толковать, что признать существенным, а что несущественным для целей исправления или изменения иска.

Современное судебное разбирательство основано уже на новых процессуальных правилах. Со времени действия УГС 1864 г. правила о модификации иска претерпели значительные изменения. В отличие от УГС 1864 г. (ст. 332 и 333) в ГПК РСФСР 1923 г.[10] возможность изменения элементов иска была выражена определеннее – Кодекс позволял сторонам изменить основание иска, а также увеличить или уменьшить исковые требования (ст. 2). Тем самым советский законодатель разрешал сторонам полноценно изменять основание иска, а также только количественно изменять исковые требования (предмет иска). ГПК РСФСР 1964 г.[11] расширил возможности модификации иска и позволил истцу изменять основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований (ст. 34). Таким образом, здесь законодатель пошел еще дальше в разъяснении вопроса модификации иска: во-первых, было четко определено право изменить только один из элементов иска; во-вторых, модификация предмета иска уже не ограничивалась количественным изменением. В настоящее время в ГПК РФ 2002 г. такое правовое регулирование модификации иска сохраняется: процессуальный закон позволяет изменять лишь один из элементов иска при условии сохранения иском своей индивидуальности (внутреннего тождества) в целом (ст. 39). Современная практика исходит из признания того, что значительное новирование одного из элементов иска так или иначе охватывает изменение и второго элемента. Если вопрос встает об утере иском своего внутреннего тождества, значит, речь идет об *одновременном* изменении предмета и основания иска, следовательно, суд не должен допустить такого рода модификацию иска[12].

Таким образом, мы можем видеть, что критерии определенности иска, его элементы одновременно выступают и критериями модификации (изменения) иска.

В связи с изложенным не представляется возможным согласиться с П. А. Иевлевым в том, что «…истцу должно быть предоставлено право модифицировать не только один из элементов иска, но и иск в целом» [11, с. 6]. Эта модификация означает такой характер превращения, который сообщает первоначальному иску новую индивидуальность, производит новацию в иске, привносит в иск aliquid novi, новирующий характер [3, с. 5]. Следовательно, истцу должно быть предоставлено право предъявить второй, новированный иск заново. Напротив, первый рассматриваемый иск должен будет получить свою законную силу (rei judicate) и тем самым станет определенно зафиксированным в первоначальном виде, в том числе для целей его дальнейшей идентификации с вероятными, новыми, аналогичными исками. «Возможность изменения элементов иска ограничена определенными рамками: выдвинутым истцом спорным правоотношением. Под видом изменения иска не может быть допущено заявление

---

[10] ГПК РСФСР 1923 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[11] ГПК РСФСР 1964 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[12] См., например, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2024 г. № 302-ЭС24-10380, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 января 2023 г. № 88-1046/2023, п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

нового требования по совершенно новым мотивам, то есть не связанного с предъявленным иском»[13], – справедливо отметила И. М. Ильинская.

Заключение

Подводя итоги изложенному, необходимо еще раз обратить внимание на следующие теоретические аспекты определенности иска и критерии его модификации.

1. Современные критерии определенности иска, его элементы (предмет и основание) одновременно выступают и критериями модификации иска. Изменение обоих этих элементов приводит к новированию иска, причем такая степень модификации иска недопустима.

2. История формирования элементов иска для целей его модификации отводит ключевую роль предмету иска, т. е. его цели (de eadem re). В связи с этим в спорных кейсах, не позволяющих с легкостью определить нарушение индивидуальности иска, его внутреннего тождества, следует исходить из того, что главным является сохранение общей цели иска, например цели получить право на наследственное имущество из иска по завещанию или по закону. Также следует иметь в виду, что значительное новирование одного из элементов иска так или иначе охватывает собой изменение и второго элемента, поскольку весьма тесно связаны и переплетены предмет и основание иска: предмет иска – это *то, чего* просит истец, а основание – это *то, почему* истец просит.

3. Современная модификация иска испытывает влияние тенденции ускорения и процессуальной экономии правосудия по гражданским делам. Отказ в модификации иска по тем или иным причинам приводит, как правило, к обращению истца заново с иском, в модификации которого ему было отказано. В свою очередь, для суда это значит не одно, но два или даже три дела, которые по сути объединены одной целью. Таким образом, современному суду экономнее и эффективнее допустить, возможно и не безупречное, изменение иска, его предмета или основания, чем возвращаться в новом деле по существу к тому же самому спору. Однако в таком случае следует иметь в виду, что изменение иска не должно повлечь потери иском своего внутреннего тождества, поскольку эта утрата весьма затруднит суду в дальнейшем задачу по выявлению внешнего тождества в случае подачи аналогичного иска. Следовательно, действуя в целях ускорения и эффективности процесса, суд не должен допустить полного изменения иска, в противном случае возникнет риск утраты защиты от сутяжничества.

4. Не все новые факты должны повлечь возможность модификации иска. Суду следует обращать внимание на то, были ли известны эти «новые» факты истцу до судебного разбирательства, не скрывал ли он их, злоупотребляя правом.

Список источников

1. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 4, полутом 2. М. : Статут, 2005. 546 с.

2. Институции Гая : текст, пер. с лат., коммент. / под общ. ред. Д. В. Дождева. М. : Статут, 2020. 384 с.

3. Гордон В. М. Основание иска в составе изменения исковых требований. Ярославль : Тип. губерн. правления, 1902. 316 с.

4. Гольмстен А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе. СПб. : Тип. правительствующего Сената, 1884. 274 с.

5. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. I. М. : Бр. Башмаковы, 1913. 692 с.

6. Зейдер Н. Б. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессе : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1939. 320 с.

[13] Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. М. : Юрид. лит., 1976. С. 61. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7. Добровольский А. А. Некоторые вопросы исковой формы защиты права : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1965. 485 с.

8. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль : Кн-во И. К. Гассанова, 1912. 326 с.

9. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства : в 6 т. Т. I. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1878. 514 с.

10. Победоносцев К. П. Судебное руководство. М. : Статут : РАП, 2004. 431 с.

11. Иевлев П. А. Изменение иска в судебной и судебно-арбитражной практике : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 30 с.

References

1. Kofanov L. L., ed. *Digests of Justinian.* Transl. from Latin. Vol. 4. Semivolume 2. Moscow: Statut; 2005. 546 p. (In Russ.)

2. Dozhdev D. V., ed. *Guy's institutions.* Text, transl. from Latin, comment. Moscow: Statut; 2020. 384 p. (In Russ.)

3. Gordon V. M. *The basis of the claim as part of the amendment of claims*. Yaroslavl: Printing House of the Provincial Government; 1902. 316 p. (In Russ.)

4. Golmsten A. Kh. *The principle of identity in civil procedure.* St. Petersburg: Printing House of the Governing Senate; 1884. 274 p. (In Russ.)

5. Vaskovsky E. V. *The course of civil procedure.* T. I. Moscow: Printing House of Bashmakov Brs.; 1913. 692 p. (In Russ.)

6. Zeider N. B. *The main issues of the doctrine of the claim in the Soviet civil procedure*. Cand. Sci. (Law) Dissertation. Saratov;1939. 320 p. (In Russ.)

7. Dobrovolsky A. A. *Some issues of the claim form of legal protection.* Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 1965. 485 p. (In Russ.)

8. Yablochkov T. M. *Textbook of Russian civil procedure*. Yaroslavl: Publishing House of I. K. Gassanov; 1912. 326 p. (In Russ.)

9. Annenkov K. *The experience of commentary on the Statute of Civil Proceedings.* In 6 vols. Vol. I. St. Petersburg: Printing House of M. Stasyulevich; 1878. 514 p. (In Russ.)

10. Pobedonostsev K. P. *Judicial leadership.* Moscow: Statut; Russian Academy of Justice; 2004. 431 p. (In Russ.)

11. Ievlev P. A. *Changing a claim in judicial and judicial arbitration practice.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2004. 30 p. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Е. Поскребнев – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства.

Information about the author

M. E. Poskrebnev – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Civil and Administrative Proceedings Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.06.2025; одобрена после рецензирования 25.06.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 11.06.2025; approved after reviewing 25.06.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 69–75
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 69–75
УДК 343.15 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.69-75

Научная статья

Законность приговора суда первой и апелляционной инстанций

Александра Анатольевна Барыгина

Уральский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Челябинск, Российская Федерация, aleksandra1810@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1254-4350

Аннотация. Значение приговора, постановленного судом первой и апелляционной инстанций, невозможно переоценить, поскольку именно в нем затрагиваются и разрешаются наиболее острые вопросы для личности, общества и государства в значительной степени. В работе исследованы различные подходы юридических школ к пониманию законности приговора в процессуальном аспекте. Кроме того, рассмотрены практические вопросы законности приговора в аспекте соблюдения судами и правоохранительными органами уголовно-процессуального законодательства, иного федерального и международного законодательства, а также актов толкования права и актов применения права на отдельных примерах судебной практики. Детально разобрано, как обеспечивается законность судебных решений в уголовных делах, с опорой на все имеющиеся правовые источники и анализом их практического применения. Сделан вывод о том, что законность приговора в процессуальном аспекте необходимо понимать широко – как соблюдение судом полного круга процессуальных норм, которые он обязан применить для разрешения конкретного уголовного дела по существу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, приговор суда, законность приговора

Для цитирования: Барыгина А. А. Законность приговора суда первой и апелляционной инстанций // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 69–75. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.69-75.

Original article

The Legality of the Verdict of the Court of First Instance and the Appellate Court

Alexandra A. Barygina

Ural Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Chelyabinsk, Russian Federation, aleksandra1810@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1254-4350

Abstract. The importance of a verdict issued by a court of first and appellate instance cannot be overestimated, as it addresses and resolves the most pressing issues for individuals, society, and the state. This paper explores various legal schools' approaches to understanding the legality of a verdict from a procedural perspective. Additionally, it examines the practical aspects of the legality of a verdict in terms of compliance by courts and law enforcement agencies with criminal procedure laws, other federal and international laws, as well as acts of legal interpretation and application, using selected examples from judicial practice. The article provides a detailed analysis of how the legality of court decisions in criminal cases is ensured, based on all available legal sources and their practical application. The author concludes that the legality of a verdict in the procedural aspect should be understood broadly, as the court's

© Барыгина А. А., 2026

compliance with the full range of procedural norms that it is obliged to apply in order to resolve a specific criminal case on its merits.

Keywords: criminal proceedings, court, court verdict, legality of sentence

For citation: Barygina A. A. The legality of the verdict of the court of first instance and the appellate court. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(5):69-75. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.69-75.

Основополагающие требования к судебному приговору устанавливает ст. 297 УПК РФ: он должен быть законным, обоснованным и справедливым. Это триада свойств обеспечивает не только и не столько формальную, но прежде всего сущностную правильность судебного решения. Законодатель акцентирует внимание на соблюдении судьями при постановлении приговоров требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Проведем комплексное исследование процессуальных аспектов содержания термина «законность приговора».

В научной литературе при раскрытии понятия «законность приговора» применяется, как правило, широкий подход. Например, ученые-процессуалисты школы РГУП им. В. М. Лебедева указывают на то, что приговор будет законным с точки зрения соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства, если «судом выполнены все требования, касающиеся основания и порядка провозглашения приговора, а производство по уголовному делу проведено полно, всесторонне и объективно, с соблюдением процедуры, предусмотренной этим законом»[1]. Приверженцы юридической школы МГУ имени В. М. Ломоносова отмечают, что свойство законности приговора в процессуальном аспекте «…отражает соблюдение судом при проведении судебного разбирательства и постановлении приговора уголовно-процессуального законодательства (включая правила о подсудности, составе суда и т. п.) и необходимых уголовно-процессуальных форм»[2]. В научной литературе встречаем подход, определяющий законность приговора через перечисление требований УПК РФ, которые должны быть соблюдены при его постановлении [1, с. 33], но, на наш взгляд, эта позиция является теоретически и практически спорной. Некоторые ученые отмечают, что «с течением времени содержание законности стало охватывать необходимость соблюдать положения Конституции РФ, общепризнанных принципов и норм международного права, норм иных отраслей права, подлежащих применению в конкретном деле»[3]. В том числе для соблюдения режима законности при постановлении приговора суд должен учитывать акты толкования права, данные Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ) и Верховным Судом Российской Федерации (ВС РФ), принимать во внимание сложившуюся судебную практику по данному вопросу[4].

Законность приговора означает безусловное и неукоснительное соблюдение всех норм права на всех этапах судебного разбирательства, начиная с возбуждения уголовного дела и заканчивая вынесением окончательного решения. Это не просто формальное соответствие, а глубокое проникновение в суть права и его применение в конкретной ситуации. Судья, выносящий приговор, не может руководствоваться личным убеждением (за исключением оценки

---

[1] Основы уголовного судопроизводства : учеб. для бакалавриата/специалитета / под ред. О. В. Качаловой. М. : РГУП им. В. М. Лебедева, 2025. С. 308.

[2] *Арутюнян А. А., Брусницын Л. В., Васильев О. Л. и др.* Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. С. 731.

[3] *Беляев М. В., Качалов В. И., Качалова О. В. и др.* Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 13.

[4] См. там же. С. 14.

достоверности доказательств), его действия должны соответствовать строго регламентированной законом процедуре.

Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция дает более развернутое толкование термину «законность приговора», чем это изложено непосредственно в УПК РФ. Так, в Постановлении Пленума ВС РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»[5] законность приговора рассматривается в аспекте соблюдения требований УПК РФ к его форме, содержанию и порядку постановления. Это означает, что приговор должен быть не только юридически безупречен, но и составлен в строгом соответствии с установленной формой, содержать все необходимые реквизиты и быть вынесен в соответствии с установленным порядком. Отсутствие даже одной необходимой детали может быть истолковано как нарушение процессуальных норм и стать основанием для обжалования.

Более того, ВС РФ подчеркивает, что законность приговора неразрывно связана с обеспечением справедливого судебного разбирательства. Это означает, что все стороны процесса должны иметь равные возможности для защиты своих прав и интересов, доказательства должны быть исследованы полно, всесторонне, объективно и беспристрастно, а решение суда должно соответствовать фактическим обстоятельствам дела и применяемым нормам права. Несоблюдение принципа состязательности, принципа справедливого судебного разбирательства, неполное исследование доказательств – все это может повлечь за собой признание приговора незаконным.

Например, ВС РФ, рассматривая дело Б. в порядке выборочной кассации, отменил оправдательный приговор, вынесенный Няндомским районным судом Архангельской области 21 сентября 2020 г., постановленный на основании вердикта присяжных заседателей.

Б. был оправдан в причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека. Суть нарушений, выявленных кассационной инстанцией, заключалась в недостаточно полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела, что является грубым отклонением от принципа состязательности и равноправия сторон в процессе. Как обвинение, так и защита были существенно ограничены в возможности проверки экспертных заключений № 91, 75-02/19, 107-02/19 и 344-02/19. Сторонам в судебном процессе не дали возможность перед присяжными сопоставить и проверить их с другими доказательствами: заключением эксперта № 51, а также заключениями и показаниями внештатных специалистов П. и В., представленными в ходе судебного разбирательства.

Няндомский районный суд фактически лишил стороны возможности полноценно проанализировать противоречия и нестыковки между экспертными заключениями, что существенно затруднило объективную оценку представленных доказательств. Особо следует отметить отказ суда в удовлетворении ходатайства о допросе эксперта К., проводившего повторное исследование о причине смерти потерпевшего (заключение № 51), который сделал вывод о причине смерти, отличающийся от выводов, представленных в других экспертизах. Допрос эксперта К. мог бы прояснить расхождения в заключениях, дать возможность сторонам задать вопросы о методологии исследования и обоснованности выводов, что, безусловно, повлияло на объективность судебного решения[6].

Требования, касающиеся содержания и процессуальной формы приговора, который выносится судом первой инстанции, скрупулезно регламентированы в уголовно-процессуальном законодательстве. Закон охватывает как основные, так и дополнительные вопросы, кото-

[5] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

[6] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 11 ноября 2021 г. № 1-УД-16-КЗ. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

рые суд обязан разрешить одновременно с постановлением приговора. В частности, в законе содержатся четкие указания на то, что́ должно быть включено во вводную, описательно-мотивировочную и резолютивную части как обвинительного, так и оправдательного приговора, эти нормы закреплены в ст. 299, 303–309 и 312 УПК РФ. Кроме того, для апелляционных приговоров, как оправдательных, так и обвинительных, установлены дополнительные требования, которые закреплены в ст. 389.28–389.32 УПК РФ. Эти нормы детализируют содержание апелляционного приговора и указывают на то, какие аспекты должны быть учтены при его составлении.

Что касается порядка постановления приговора суда первой и апелляционной инстанций, то в уголовно-процессуальном законе закреплены четкие и конкретные нормы, регламентирующие процедуру постановления приговора: соблюдение тайны совещания судей; порядок разрешения вопросов при постановлении приговора; порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении уголовного дела; порядок провозглашения приговора (ст. 298, 299, 301, 310, 389.33 УПК РФ).

Однако правоприменитель знает, что требования законности к процедуре постановления приговора не ограничиваются исключительно соблюдением перечисленных выше норм, которые по сути регламентируют уголовно-процессуальную деятельность после произнесения последнего слова и удаления суда в совещательную комнату до оглашения судебного решения.

Свойство законности приговора охватывает в том числе соблюдение правил подсудности уголовного дела, правил о соответствии закону состава суда, правил соответствия закону процедуры рассмотрения уголовного дела по существу, начиная с подготовительной части судебного разбирательства, регламентированной главами 36–37 УПК РФ; правил соответствия закону общих условий судебного разбирательства, применяемых в конкретном деле.

Важно отметить, что в ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ законодатель перечисляет те нарушения, которые могут быть признаны существенными и, следовательно, приводят к безусловной отмене судебного решения. Однако этот перечень не является исчерпывающим. К примеру, одним из таких нарушений может быть проведение судебного заседания в другое время, не совпадающее с указанным в постановлении о назначении судебного заседания[7]. В том числе к безусловной отмене приговора ведут нарушения требований об установлении личности участников судебного разбирательства и разъяснении им их полного круга прав на стадии судебного разбирательства[8], неразъяснение права на отводы и нарушение процедуры разрешения отводов[9], ненадлежащее извещение заинтересованных лиц и рассмотрение уголовного дела без их участия[10]; ограничение председательствующим судьей права участвовать в прениях сторон и неразъяснение такого права[11] и многие другие.

Обращаясь еще раз к п. 1 Постановления Пленума ВС РФ «О судебном приговоре», констатируем, что Верховным Судом не обозначены другие критерии свойства законности постанавливаемого приговора, к которым относятся: законность порядка проведения предварительного расследования; соблюдение требований иного федерального законода-

---

[7] Постановление Президиума Смоленского областного суда от 24 мая 2019 г. № 44У-46/2019.

[8] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 августа 2022 г. № 77-3951/2022.

[9] Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 г. № 77-241/2024.

[10] Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. № 77-24/2020.

[11] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. № 77-2533/2020.

тельства, применяемого в рассматриваемых правоотношениях по конкретному уголовному делу.

Анализ положений ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ показывает, что законодатель уделяет основное внимание ошибкам, допущенным на стадии судебного разбирательства. При этом констатируем, что ни законодатель, ни ВС РФ не акцентируют внимание при разъяснении такого свойства приговора, как его законность, на процессуальных ошибках, которые могут быть допущены в стадии предварительного расследования следователем (дознавателем) либо при утверждении прокурором акта расследования. Эти нарушения могут быть столь же существенными и привести к незаконности постанавливаемого судебного решения в связи с нарушением процедуры уголовного судопроизводства. Сделанный нами вывод не является категоричным, поскольку законодателем предусмотрено отдельное основание отмены судебного решения с возвращением уголовного дела прокурору (п. 5 ст. 389.15 УПК РФ). Однако отметим, что все процессуальные основания возвращения уголовного дела прокурору связаны с нарушениями процедуры расследования уголовного дела, нарушением принципов судопроизводства, ограничением конституционных и процессуальных прав граждан на данном этапе, которые не могут быть устранены судом при рассмотрении уголовного дела и препятствуют справедливой процедуре судебного разбирательства.

Судебная практика наглядно демонстрирует неразрывную связь между законностью приговора и соблюдением норм уголовно-процессуального законодательства на всех этапах. Любое нарушение, оставшееся не устраненным судом первой инстанции, автоматически ставит под сомнение законность принятого решения.

Этот подход достаточно широко продемонстрирован многочисленными определениями апелляционных и кассационных судов, одним из которых является отмена приговора Басманного районного суда г. Москвы от 11 июня 2022 г., вынесенного в отношении В. по делу об убийстве. Московский городской суд отменил приговор и направил дело прокурору в связи с нарушением права обвиняемого на защиту на этапе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Суть нарушения заключалась в следующем: В., находясь под следствием, отказался от услуг своих ранее вступивших в дело защитников по соглашению – Г. и А., изложив это в письменном заявлении. Вместо них к делу был допущен адвокат М., представивший ордер и заключивший соглашение с отцом обвиняемого. Впоследствии адвокат М. подал заявление о расторжении с отцом обвиняемого соглашения и об освобождении его от участия в деле. Следователь отказал в удовлетворении заявления, поскольку письменный отказ от защитника не поступил от самого обвиняемого В. Однако, как указала судебная коллегия, в материалах уголовного дела отсутствуют сведения о том, что обвиняемому В. было известно о вступлении в дело нового защитника адвоката М. Протокол ознакомления с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ М. подписал отдельно от обвиняемого в кабинете следователя. Сам обвиняемый знакомился с делом в следственном изоляторе[12].

В данном конкретном случае апелляционная инстанция совершенно справедливо указала на нарушения, поскольку ограничение права на защиту существенно влияет на законность последующих принимаемых судебных актов, что недопустимо в правовом государстве. Поэтому отмена приговора и направление дела прокурору – это единственно верное решение в сложившейся правовой ситуации.

Г. И. Загорский подчеркивает, что «законность приговора следует рассматривать как полное его соответствие нормам всех отраслей права, которые подлежат применению при рас-

[12] Апелляционное определение Московского городского суда от 29 апреля 2022 г. по делу № 10-4844/2022.

смотрении конкретного уголовного дела»[13]. Этой же позиции придерживается А. В. Гриненко, отмечая, что при постановлении приговора должны быть соблюдены «требования не только уголовного и уголовно-процессуального законодательства, но и иных отраслей отечественного законодательства» [2, с. 23].

Важно отметить, что вопрос о нарушении иного федерального законодательства в ходе уголовного судопроизводства должен рассматриваться с двух позиций. Во-первых, нужно оценивать соответствие действий следствия и суда требованиям к собиранию и закреплению доказательств, которые помимо УПК РФ могут находиться в иных нормативных правовых актах. Во-вторых, необходимо учитывать процедуру судебного разбирательства в связи с рассмотрением отдельных вопросов, которая может быть регламентирована в иных кодифицированных актах (например, в ГПК РФ или АПК РФ).

При расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, должны применяться положения Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Использование доказательств, полученных с нарушением норм этого Закона, также ставит под сомнение законность всего судебного процесса. Это порождает каскадный эффект: нарушение одного закона может привести к нарушению других, что делает невозможным вынесение законного и обоснованного приговора.

Например, Павловский городской суд Нижегородской области признал гражданина П. виновным в незаконном использовании объектов авторского права, а равно в хранении, перевозке контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта, совершенных в крупном размере. Обвинение, предъявленное П., основывалось преимущественно на результатах оперативно-розыскного мероприятия – проверочной закупки. Первый кассационный суд отменил приговор Павловского городского суда, придя к принципиально иному выводу – дело прекратил за отсутствием в деянии состава преступления. Ключевым моментом стало игнорирование Павловским городским судом при постановлении приговора требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В частности, было установлено нарушение ст. 5 данного Закона, запрещающей провокацию как прямое или косвенное подстрекание, склонение или побуждение к совершению противоправных действий[14].

Если в ходе рассмотрения дела судом были нарушены требования иных федеральных законов, которые подлежали применению при рассмотрении уголовного дела, приговор полностью или в отдельной его части признается незаконным, о чем свидетельствует следующий пример.

При вынесении приговора Кустовского городского суда Нижегородской области, которым Б. осуждена за растрату в особо крупном размере, был разрешен вопрос о гражданском иске. С осужденной в пользу потерпевшей было взыскано 10 759 200 руб. 13 коп. Приговор Кустовского городского суда и апелляционное определение в части решения по гражданскому иску отменены, данный вопрос передан на новое рассмотрение в порядке гражданского производства. Приговор не соответствовал требованиям ст. 1068 ГК РФ, в которой закреплено, что именно юридическое лицо, а не гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Вопреки указанным выше положениям закона Кустовский городской суд не привлек юридическое лицо – работодателя осужденной – к участию в деле в качестве гражданского ответчика, чем нарушил требования ст. 41 ГПК РФ о замене ненадлежащего ответчика. Нарушение требо-

[13] *Загорский Г. И.* Постановление приговора: проблемы теории и практики : учеб.-практ. пособие. 3-е изд. М. : Проспект, 2019. С. 16.

[14] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 октября 2020 г. № 77-2052.

вания гражданского и гражданско-процессуального законодательства при рассмотрении уголовного дела кассационная инстанция признала существенным, послужившим основанием отмены приговора в вопросах решения по гражданскому иску[15].

Заключение

Таким образом, содержание термина «законность приговора» в аспекте соблюдения судом процессуальных требований необходимо понимать в широком смысле. Можно сделать вывод, что соблюдение полного круга процессуальных норм, закрепленных в законодательстве, являющихся составной частью правовой системы России, – неотъемлемая часть уголовного судопроизводства. При постановлении приговора суд должен учитывать акты толкования права, данные КС РФ и ВС РФ, а также принимать во внимание сложившуюся судебную практику по данному вопросу. Судебная система должна придерживаться установленных стандартов, чтобы гарантировать законность приговора и иного судебного решения.

Список источников

1. Бородинова Т. Г. Законность приговора как предмет судебного разбирательства в современном кассационном производстве // Российская юстиция. 2014. № 12. С. 33–35.

2. Гриненко А. В. Приговор суда первой инстанции: сущность, свойства, значение // Российский судья. 2023. № 10. С. 20–25.

References

1. Borodinova T. G. The legality of the sentence as the subject of litigation in the modern cassation proceedings. *Rossijskaya yustitsiya = Russian Justice*. 2014;(12):33-35. (In Russ.)

2. Grinenko A. V. The sentence of the court of first instance: essence, properties, meaning. *Russian Judge*. 2023;(10):20-25. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Барыгина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

A. A. Barygina – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Disciplines Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 27.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 05.03.2026.

[15] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 сентября 2023 г. № 77-4289/2023.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 76–83
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 76–83
УДК 343.1 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.76-83

Научная статья

Понятие исключительности в уголовном судопроизводстве и ее отражение в уголовно-процессуальном законе

Оксана Валентиновна Качалова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация, Oksana_kachalova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4440-8510

Аннотация. Исключительность в уголовном судопроизводстве является оценочной категорией, она определяет основания для проведения отдельных экстраординарных процессуальных действий при производстве по уголовным делам. Цель статьи – определение содержания, критериев и видов исключительных ситуаций в уголовном судопроизводстве.

Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший изучить предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, а также общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частнонаучные (формально-логический) методы познания.

Исследование позволило сделать вывод о применении категории «исключительность» в тех случаях, когда при проведении процессуальных действий возникают какие-то экстраординарные обстоятельства. Критерием оценки ситуации как исключительной является невозможность достижения задач уголовного судопроизводства другим способом. Исключительность в уголовно-процессуальном законе связывается со сроками, их продлением либо сокращением; применением самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу; рассмотрением уголовных дел без участия подсудимых. В зависимости от конкретного указанного в законе исключительного случая исключительность может приобретать разное содержание. В каждом конкретном случае должностное лицо, ответственное за производство по делу, самостоятельно определяет, является данный случай исключительным или нет. Наличие оснований, указанных в законе, само по себе не определяет исключительность каждого конкретного случая.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, исключительность, процессуальные сроки, заключение под стражу, заочное рассмотрение уголовного дела

Для цитирования: Качалова О. В. Понятие исключительности в уголовном судопроизводстве и ее отражение в уголовно-процессуальном законе // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 76–83. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.76-83.

Original article

The Concept of Exceptionalism in Criminal Proceedings and Its Reflection in Criminal Procedural Law

Oksana V. Kachalova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation, Oksana_kachalova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4440-8510

© Качалова О. В., 2026

Abstract. Exclusivity in criminal proceedings is an evaluative category, it defines the grounds for carrying out certain extraordinary procedural actions in criminal proceeding. The purpose of the article is to define the content, criteria and types of exceptional situations in criminal proceedings.
The methodological basis of the research is the universal dialectical method of scientific cognition, which made it possible to study the subject of research in relation to other legal phenomena, as well as general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) and private scientific (formal logical) methods of cognition.
Exclusivity in criminal proceedings is an evaluative category applied when some extraordinary circumstances arise during the course of procedural actions. The criterion for assessing the situation as exceptional is the impossibility of achieving the objectives of criminal proceedings in any other way. Exclusivity in the criminal procedure law is associated with time limits, their extension or reduction; the use of the strictest preventive measure in the form of detention; consideration of criminal cases without the participation of defendants. Depending on the specific exceptional case specified in the law, exclusivity may take on different contents. In each specific case, the official responsible for the proceedings independently determines whether this case is exceptional or not. The existence of the grounds specified in the law does not in itself determine the exclusivity of each specific case.

Keywords: criminal proceedings, court, exclusivity, procedural terms, detention, consideration of a criminal case in absentia

For citation: Kachalova O. V. The concept of exceptionalism in criminal proceedings and its reflection in criminal procedural law. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):76-83. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.76-83.

Среди всего многообразия уголовно-процессуальных норм ряд из них обладают особым содержанием и указывают на исключительные случаи, наличие которых позволяет применять правовые предписания, приведенные в них. По своей природе эти нормы не являются неординарными, однако их содержание определяет особые нестандартные ситуации, которые объединены в уголовно-процессуальном законе общим понятием «исключительный случай».

Исключительные ситуации в уголовном процессе

Анализ норм действующего российского уголовно-процессуального законодательства позволяет выявить эти случаи. К ним относятся следующие:

– исключительность при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения (ст. 108 УПК РФ);

– исключительность продления срока содержания под стражей свыше 12 месяцев (ст. 109 УПК РФ);

– исключительность продления 3-суточного срока для рассмотрения жалобы руководителем следственного органа или прокурором до 10 суток, когда для ее проверки нужно истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры (ст. 124 УПК РФ);

– исключительность продления сроков предварительного следствия свыше 12 месяцев в случаях, когда расследование представляет особую сложность (ст. 162 УПК РФ);

– исключительность осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество без предварительного судебного решения в случаях, не терпящих отлагательства (ст. 165 УПК РФ);

– исключительность продления прокурором субъекта Российской Федерации или приравненным к нему военным прокурором срока дознания до 12 месяцев в случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи (ст. 223 УПК РФ);

– исключительность судебного разбирательства, проводимого в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории России, уклоняется от явки в суд (ст. 247 УПК РФ);

– исключительность продления председательствующим по уголовному делу по ходатайству лица, знакомящегося с протоколом судебного заседания и аудиозаписью, времени такого ознакомления (ст. 259 УПК РФ);

– исключительность отсрочки исполнения приговора судом при наличии тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного, его близких родственников, иных исключительных обстоятельств (ст. 398 УПК РФ).

Как видим, исключительность в уголовно-процессуальном законе связывается:

– со сроками и их продлением (продление сроков предварительного расследования, рассмотрения жалоб, ознакомления с протоколом судебного заседания, отсрочки исполнения приговора) либо сокращением (необходимость безотлагательного проведения осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложения ареста на имущество не позволяют заблаговременно получить разрешение суда на проведение этих процессуальных действий);

– с особыми случаями, при которых в отношении невиновного в силу презумпции невиновности лица применяется самая строгая мера пресечения в виде заключения под стражу, которая является фактическим лишением свободы;

– с особыми случаями, при которых возможно рассмотрение уголовных дел без участия подсудимых.

Исключительность как оценочная категория

Как верно отмечает И. П. Попова, оценочные категории в уголовном процессе связаны с необходимостью высказывания собственного суждения участниками уголовного судопроизводства [1, с. 240].

Д. Н. Левина определяет правовое оценочное понятие как «…закрепленное в нормах права понятие, характеризующее наиболее общие свойства разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, специально не конкретизированное законодателем с целью предоставления такой возможности субъекту правоприменения путем свободной оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации» [2, с. 7].

В качестве оценочных категорий в уголовном судопроизводстве авторы рассматривают совесть, внутреннее убеждение, усмотрение, разумность, уголовно-процессуальную истину и др. [1, с. 241–242; 3, с. 64–66].

Одной из таких категорий, на наш взгляд, является *исключительность*, которая определяет экстраординарность некоторых процессуальных действий при наличии определенных условий. Такая экстраординарность детерминирована необходимостью достижения задач уголовного судопроизводства в тех ситуациях, когда их невозможно обеспечить в обычных условиях. Это касается продления сроков, необходимых для достижения задач уголовного судопроизводства, заочного осуждения с целью обеспечить восстановление законных прав потерпевших и публичных интересов, своевременного получения доказательств (производство выемки и обыска до получения судебного решения) и обеспечения возможного гражданского иска, конфискации имущества и наказания в виде штрафа (наложение ареста на имущество), исключительных случаев отсрочки исполнения приговора, а также исключительности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения и ее продления.

Например, отсрочка исполнения приговора широко применялась в тот период, когда в отношении участников СВО специальные нормы, регулирующие особенности уголовной ответственности и наказания данных лиц, еще не были приняты [4, с. 8]. Применительно к осужденным, заключившим контракт и поступившим на военную службу, участие в СВО было исключительным обстоятельством, а с точки зрения правового регулирования

эту ситуацию можно обозначить как экстраординарную, поскольку обычные уголовно-процессуальные нормы не могли быть применены для регулирования возникших правоотношений.

Критерием исключительности, на наш взгляд, следует признать невозможность достижения задач уголовного судопроизводства другим способом.

Содержание исключительности в уголовном судопроизводстве

В зависимости от конкретного указанного в законе исключительного случая исключительность может приобретать разное содержание. Так, исключительность при продлении срока предварительного расследования принципиальным образом отличается от исключительности при проведении обыска в жилище без решения суда с последующим его уведомлением. В первом случае она объективно детерминирована невозможностью окончания расследования в установленный законом срок, во втором – потребностью безотлагательного поиска предметов и документов, имеющих значение для разрешения уголовного дела.

Исключительность не может определяться должностным лицом, ответственным за производство по делу, произвольно, без опоры на требования закона и фактические обстоятельства дела; в основе внутреннего убеждения, позволяющего расценить ту или иную ситуацию как исключительную, всегда лежат установленные фактические обстоятельства и нормы уголовно-процессуального закона.

Проиллюстрируем это примером исключительности рассмотрения уголовного дела в отсутствие подсудимого. В каждом конкретном случае суд самостоятельно определяет, является данный случай исключительным или нет.

Так, кассационный суд указал: «По смыслу закона под исключительными случаями, когда суд вправе провести судебное разбирательство заочно при наличии условий, указанных в ч. 5 ст. 247 УПК РФ, следует понимать, например, особую общественную опасность преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, необходимость возмещения потерпевшему существенного вреда, причиненного преступлением, случаи, когда розыск обвиняемого не дал положительных результатов, невозможность осуществить экстрадицию обвиняемого»[1].

Содержание исключительности не исчерпывается наличием оснований, указанных в законе. Например, факт того, что для проверки жалобы руководителю следственного органа или прокурору нужно истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры (ст. 124 УПК РФ), сам по себе еще не является исключительным, исключительным он становится лишь тогда, когда эти меры не могут быть приняты, а материалы получены в установленный законом 3-суточный срок.

Исключительность продления срока предварительного следствия свыше 12 месяцев может определяться количеством участников уголовного судопроизводства (обвиняемых, потерпевших, свидетелей), количеством материалов и документов, количеством проводимых следственных и иных процессуальных действий, особой сложностью уголовного дела, давностью произошедшего события, истребованием сведений из-за рубежа и т. д.

Так, суд, проверяя законность продления предварительного следствия, указал, что уголовное дело представляет «…особую сложность, обусловленную давностью, неочевидностью события преступления, его экономическим характером, необходимостью исследования большого объема бухгалтерских

[1] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2024 г. № 77-139/2024. Здесь и далее доступ из СПС «КонсультантПлюс», если не указано иное.

документов, проведения длительных по срокам исполнения судебных экспертиз, установления места нахождения свидетелей, истребованием сведений из-за границы»[2].

В другом случае суд признал: «Расследование уголовного дела представляет особую сложность, обусловленную давностью и неочевидностью события преступления, его экономическим характером, необходимостью исследования большого объема бухгалтерской документации, проведения длительных по срокам исполнения сложных судебных экспертиз, установления места нахождения свидетелей и проведением следственных действий за пределами места дислокации следственного органа»[3].

Исключительность при применении заключения под стражу как самой строгой меры пресечения

Заключение под стражу является самой строгой мерой пресечения, применяется в отношении лица, обвиняемого либо подозреваемого в совершении преступления, но в силу действия презумпции невиновности являющегося формально невиновным до вступления обвинительного приговора суда, вынесенного в отношение него, в законную силу. Для того чтобы невиновное лицо лишить свободы еще до того, как оно будет признано виновным по приговору суда и этот приговор вступит в законную силу, нужны очень веские обстоятельства. Заключение под стражу применяется только тогда, когда применение более мягких мер пресечения невозможно, когда они не могут обеспечить надлежащее поведение обвиняемого или подозреваемого. В этом смысле в силу закона заключение под стражу является не ординарной, а скорее крайней мерой, применяемой тогда, когда иные процессуальные инструменты неприменимы.

Вместе с тем исключительной мерой пресечения в полной степени назвать ее нельзя, так как на практике заключение под стражу применяется весьма широко. Согласно данным судебной статистики, ежегодно заключение под стражу применяется более чем в 80 тыс. случаев: 2020 г. – 84 919; 2021 г. – 87 905; 2022 г. – 87 710; 2023 г. – 82 480; 2024 г. – 82 1754. Это в десятки раз больше количества примененных домашних арестов и запретов определенных действий в качестве мер пресечения.

Важнейшей тенденцией развития данной меры пресечения в последние десятилетия является ориентир на сокращение случаев применения данной меры пресечения [5, с. 80]. В современной доктрине уголовно-процессуального права активно обсуждаются, в том числе, вопросы использования информационных технологий в целях объективизации процесса принятия решения о применении меры пресечения [6, с. 79–82].

Вопросу снижения количества заключений под стражу в качестве меры пресечения уделяется значительное внимание как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Одним из инструментов в достижении данной цели является придание исключительности случаям применения заключения под стражу по ряду категорий уголовных дел и отдельным категориям лиц.

К ним относятся:

– исключительные случаи заключения под стражу подозреваемых; при этом обвинение такому лицу должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения либо с момента задержания;

– исключительные случаи применения данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении ненасильственного преступления средней тяжести, если он не имеет места жительства или места пребывания на территории России, не установ-

---

[2] Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 июля 2022 г. № 10-13489/2022.

[3] Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 мая 2021 № 10-10357/2021.

[4] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/?id=5 (дата обращения: 16.02.2026).

лена его личность, он нарушил ранее избранную меру пресечения, скрылся от органов предварительного расследования или суда;

– исключительные случаи применения данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, если он нарушил избранную меру пресечения либо скрылся;

– исключительные случаи применения данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 217.1, ч. 1 и 2 ст. 253, ч. 1 ст. 272, ч. 1 ст. 274, ч. 1 ст. 283.2, ст. 284, ч. 1 ст. 322 и ч. 1 ст. 232 УК РФ, если он не имеет места жительства или места пребывания на территории России, не установлена его личность, он нарушил ранее избранную меру пресечения, скрылся от органов предварительного расследования или суда;

– исключительные случаи применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, женщины, имеющей малолетнего ребенка, мужчины, являющегося единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителя или опекуна малолетнего ребенка, единственного родителя, усыновителя, опекуна или попечителя ребенка-инвалида, если это лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого либо особо тяжкого преступления;

– исключительные случаи применения данной меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, женщины, имеющей малолетнего ребенка, мужчины, являющегося единственным родителем малолетнего ребенка, усыновителя или опекуна малолетнего ребенка, единственного родителя, усыновителя, опекуна или попечителя ребенка-инвалида, если это лицо подозревается или обвиняется в совершении насильственного преступления средней тяжести и если оно не имеет места жительства или места пребывания на территории России, не установлена его личность, оно нарушило ранее избранную меру пресечения, скрылось от органов предварительного расследования или суда;

– исключительные случаи продления данной меры пресечения на срок свыше двенадцати месяцев в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

В пункте 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»[5] указывается, что наличие оснований, указанных в законе (если лицо не имеет места жительства или места пребывания на территории России, не установлена его личность, оно нарушило ранее избранную меру пресечения, скрылось от органов предварительного расследования или суда), само по себе не определяет исключительность данного случая.

По обоснованному мнению В. И. Качалова, в рамках подхода, обозначенного высшей судебной инстанцией, исключительность определяется с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела, связанных с личностью обвиняемого, его образом жизни, особенностями поведения и т. д. (например, кочевой образ жизни, попытка оказать воздействие на других участников уголовного судопроизводства, грубое нарушение ранее избранной меры пресечения и т. д.) [7].

Приведем иллюстрирующий такой подход пример из судебной практики.

По одному из уголовных дел суд избрал меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении Т., подозреваемого в совершении умышленного преступления, относящегося к категории небольшой тяжести. При этом суд обратил внимание на то, что Т. был судим, не имеет официального источника дохода и регистрации на территории России, по указанному месту жительства не проживал, был

[5] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

объявлен в федеральный розыск, поскольку нарушил избранную ему меру пресечения и виде подписки о невыезде и надлежащем поведении и скрылся от органов дознания, был задержан спустя продолжительное время[6].

Отметим, что законодательное расширение исключительных случаев, в которых заключение под стражу может применяться, формирование устойчивой судебной практики в данном вопросе в конечном итоге приведут к пониманию необходимости рассматривать заключение под стражу в целом как исключительную меру пресечения и сокращению случаев ее применения.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. Исключительность в уголовном судопроизводстве определяет основания для проведения отдельных экстраординарных процессуальных действий при производстве по уголовным делам. Такой подход обусловлен необходимостью достижения задач уголовного судопроизводства в тех ситуациях, когда невозможно их обеспечить в обычных условиях.

2. Исключительность в рамках уголовного процесса следует отнести к числу оценочных категорий, а критерием оценки ситуации как исключительной будет невозможность достижения задач уголовного судопроизводства другим способом.

3. Исключительность в уголовно-процессуальном законе связывается со сроками, их продлением либо сокращением; применением самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу; рассмотрением уголовных дел без участия подсудимых.

4. В зависимости от конкретного исключительного случая, указанного в законе, исключительность может приобретать разное содержание. В каждом конкретном случае должностное лицо, ответственное за производство по делу, самостоятельно определяет, является данный случай исключительным или нет. Наличие оснований, указанных в законе, само по себе не определяет исключительность каждого конкретного случая.

Список источников

1. Попова И. П. К вопросу об оценочных категориях в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 4 (103). С. 239–246.

2. Левина Д. Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 36 с.

3. Шинкарук В. М. Уголовно-процессуальная истина в системе оценочных категорий // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 63–69.

4. Качалова О. В. Отсрочка исполнения приговора для участника // Уголовный процесс. 2024. № 1 (229). С. 8.

5. Качалова О. В., Качалов В. И. Проблемы лишения (ограничения) права на свободу в уголовном судопроизводстве // Российское правосудие. 2025. № 12. С. 79–87.

6. Марковичева Е. В. Использование информационных технологий при избрании судом меры пресечения: возможности и риски // Российское правосудие. 2026. № 1. С. 77–84.

7. Качалов В. И. Заключение под стражу по делам о преступлениях средней тяжести // Уголовный процесс. 2025. № 12. С. 9.

References

1. Popova I. P. On the issue of evaluation categories in criminal proceedings. *Vestnik Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.* 2022;(4):239-246. (In Russ.)

[6] Апелляционное постановление Пермского краевого суда от 27 января 2026 г. по делу № 22К-630/2026.

2. Levina D. N. *Theoretical problems of interpretation and application of evaluative concepts.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; Nizhny Novgorod; 2007. 36 p. (In Russ.)

3. Shinkaruk V. M. Criminal procedure truth in the system of evaluative categories. *Legal Concept.* 2019;18(2):63-69. (In Russ.)

4. Kachalova O. V. Postponement of execution of a sentence for a participant. *Criminal Procedure.* 2024;(1):8. (In Russ.)

5. Kachalova O. V., Kachalov V. I. Problems of deprivation (restriction) of the right to liberty in criminal proceedings. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2025;(12):79-87. (In Russ.)

6. Markovicheva E. V. The use of information technology in court selection of preventive measures: opportunities and risks. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice.* 2026;(1):77-84 (In Russ.)

7. Kachalov V. I. Detention in cases of moderate crimes. *Criminal Procedure.* 2025;(12):9. (In Russ.)

Информация об авторе

О. В. Качалова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной.

Information about the author

O. V. Kachalova – Doctor of Science (Law), Professor, Head of the Radutnaya Criminal Procedure Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 13.04.2026.

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 11.03.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 84–93
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 84–93
УДК 343.985.7 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.84-93

Научная статья

Является ли прокурор субъектом доказывания в российском уголовном судопроизводстве?

Светлана Викторовна Корнакова
Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация, Svetlana-kornakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6506-795X

Аннотация. Анализируется дискуссионный в доктрине уголовно-процессуального права вопрос об основаниях отграничения субъектов от несубъектов доказывания в российском уголовном судопроизводстве. На основании теоретического анализа взглядов ученых и положений уголовно-процессуального закона критически оцениваются высказывания исследователей, отказывающих в правомерности рассмотрения прокурора в качестве субъекта доказывания на том основании, что он в результате изменения законодательства лишен полномочий на собирание доказательств.
Приводятся собственные аргументы в обоснование необходимости отнесения прокурора к субъектам доказывания. Формулируются основания для дифференциации субъектов доказывания и лиц, лишь принимающих участие в доказывании. Основным таким основанием, по мнению автора, является право принимать процессуальные решения субъектами доказывания на основе результатов доказывания, что предполагает персональную ответственность этих лиц за принимаемые решения. Таким правом обладают только властные участники уголовного судопроизводства, осуществляющие производство по делу. При этом определяющим элементом доказывания, осуществляемого прокурором, является, по мнению автора, оценка совокупности доказательств, поскольку без нее принятие значимых для уголовного дела процессуальных решений, в частности утверждение обвинительного заключения, невозможно. Делается вывод, что к субъектам доказывания в российском уголовном судопроизводстве относятся исключительно уполномоченные на осуществление одного или нескольких элементов доказывания лица, ответственные за производство по уголовному делу, указанные в главе 11 УПК РФ: дознаватель, следователь, прокурор и суд.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказывание, прокурор, субъекты доказывания, участники доказывании, процессуальные решения

Для цитирования: Корнакова С. В. Является ли прокурор субъектом доказывания в российском уголовном судопроизводстве? // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 84–93. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.84-93.

Original article

Is the Prosecutor a Subject of Evidence in Russian Criminal Proceedings?

Svetlana V. Kornakova
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, Svetlana-kornakova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-6506-795X

© Корнакова С. В., 2026

Abstract. The article analyzes the controversial issue in the doctrine of criminal procedure law about the grounds for distinguishing subjects from non-subjects of evidence in Russian criminal proceedings. Based on a theoretical analysis of the views of scientists and the provisions of the criminal procedure law, the statements of researchers who deny the legality of considering the prosecutor as a subject of evidence on the grounds that he is deprived of the authority to collect evidence as a result of legislative changes are critically evaluated.

Their own arguments are presented to substantiate the need to classify the prosecutor as a subject of evidence. The grounds for differentiating the subjects of evidence and those who only participate in the evidence are formulated. The main of such grounds, according to the author, is the right of the subjects of evidence to make procedural decisions based on the results of the evidence, which implies the personal responsibility of these persons for the decisions taken. This right is enjoyed only by the powerful participants in the criminal proceedings who are conducting the proceedings in the case. At the same time, the determining element of the evidence carried out by the prosecutor, according to the author, is the assessment of the totality of evidence, since without it it is impossible to make significant procedural decisions for the criminal case, in particular, the approval of the indictment. It is concluded that the subjects of evidence in Russian criminal proceedings include exclusively those authorized to carry out one or more elements of evidence, those responsible for the criminal proceedings specified in Chapter 11 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, such as the inquirer, investigator, prosecutor and court.

Keywords: criminal proceedings, evidence, prosecutor, subjects of evidence, participants in evidence, procedural decisions

For citation: Kornakova S. V. Is the prosecutor a subject of evidence in Russian criminal proceedings? *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):84-93. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.84-93.

Уголовно-процессуальное доказывание традиционно признается наиболее существенной частью уголовно-процессуальной деятельности. В статье 85 УПК РФ законодателем раскрывается содержание доказательственной деятельности, которая заключается в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ. В силу значимости этой деятельности для достижения соответствия уголовного судопроизводства его правовым и теоретическим основам проблемам практической реализации неизменно уделяется повышенное внимание в правовой литературе. При этом многие вопросы, связанные с доказыванием, остаются дискуссионными. Одним из таких вопросов является вопрос о субъектах уголовно-процессуального доказывания. Если отнесение к таким субъектам лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (следователя и дознавателя), сомнений не вызывает, то в отношении отнесения прокурора к субъектам доказывания высказываются самые разные точки зрения, порой прямо противоположные.

В частности, по мнению одной группы ученых, прокурор, безусловно, является субъектом доказывания [1, с. 9; 2, с. 29] и даже позиционируется как основной из них [3, с. 99]. При этом один из аргументов в обоснование основной роли прокурора в доказывании состоит в том, что именно эта процессуальная фигура указана первой в перечне лиц, приведенном законодателем в п. 47 ст. 5 УПК РФ [4, с. 44]. Другими учеными, напротив, отнесение прокурора к субъектам доказывания ставится под серьезное сомнение [5, с. 85]. Разделяя позицию первой группы ученых, полагаем необходимым проанализировать не согласующиеся с ней мнения исследователей и привести собственные аргументы в ее обоснование.

Прежде всего стоит отметить, что ознакомление с проведенными в этой связи научными исследованиями показало, что нередко учеными должным образом не разграничиваются понятия «участник уголовного судопроизводства», «участник доказывания» и «субъект доказывания». Так, по мнению Х. М. Лукожева и Ж. Т. Чич, все участники уголовного судопроизводства в той или иной степени являются субъектами доказывания [4, с. 44]. Думается, что подобный подход не выдерживает критики в силу его недостаточной определенности.

В связи с этим согласимся с мнением А. К. Маслова, который отмечает, что неправомерно буквально понимать право на собирание доказательств такими участниками процесса, как подозреваемый, обвиняемый, их защитники, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, подразумевая под ним процессуальную деятельность, и относить на основании этого перечисленных участников к субъектам доказывания. Их влияние на процесс формирования доказательств, по его справедливому мнению, является лишь опосредованным – путем представления предметов и документов, которые могут быть признаны доказательствами лицом, ответственным за производство по уголовному делу [6, с. 7]. Поэтому перечисленные субъекты лишь принимают участие в доказывании, но субъектами доказывания не являются.

Отдельно отметим, что основанием для рассмотрения адвоката-защитника в статусе субъекта доказывания вроде бы является его включение в число субъектов собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ), но наряду с этим отсутствие упоминания защитника в числе субъектов поверки и оценки доказательств (ст. 17, 87, 88 УПК РФ) не позволяет этого сделать. Большинство ученых склонны считать неправомерным представление о защитнике как субъекте доказывания. В частности, В. И. Зажицкий убежден, что научно-правовой анализ получаемых защитником материалов в рамках предоставленных ему ч. 3 ст. 86 УПК РФ прав приводит к однозначному выводу о том, что эти материалы являются не доказательствами, а лишь предпосылками для их получения властными участниками уголовного процесса [7, с. 5]. И. Б. Михайловская также обоснованно указывает: «Полномочиями облекать имеющие отношение к делу сведения в процессуальную форму ни защитник, ни его подзащитный законом не наделены» [8, с. 147]. Придание же этим сведениям процессуальной формы, обеспечивающей их доказательственное значение, по справедливому мнению Н. М. Кипниса, – это властная и монопольная процессуальная деятельность [9, с. 181, 152].

Причисление всех участников уголовного процесса со стороны защиты к субъектам доказывания некоторые авторы обосновывают, в том числе, законодательным предписанием, приведенным в ч. 2 ст. 159 УПК РФ[1]. Действительно, согласно содержанию указанной нормы данным участникам процесса «не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий». Но никакие процессуальные действия ни один из участников процесса со стороны защиты проводить не может, он может лишь ходатайствовать об их проведении. Поэтому думается, что для должной определенности ч. 2 ст. 159 УПК РФ следует скорректировать посредством изменения ее содержания с использованием формулировки «не может быть отказано в ходатайстве о производстве».

З. З. Зинатуллин полагает, что «субъектами уголовно-процессуального доказывания должны признаваться органы и лица, которые уполномочены в установленном законом порядке выражать свое мнение об исследуемых фактах, собирать и представлять доказательства и их источники, самостоятельно проверять или участвовать в их проверке и оценке, обосновывать свои выводы и принимаемые процессуальные решения по делу» [10, с. 78]. Представляется, что не каждый «выражающий свое мнение об исследуемых фактах», представляющий доказательства и участвующий в их проверке и оценке, является субъектом доказывания. Так, выражать свое мнение об исследуемых фактах не только могут, но и обязаны привлекаемые к производству по делу эксперты и специалисты. Для этого законом предусмотрены такие про-

[1] *Мельников В. Ю., Джамалова Б. Б., Саидов М. О.* Проблемы доказывания по уголовным делам : учеб. Ростов-н/Д : Фонд науки и образования, 2020. С. 149.

цессуальные документы, как заключения данных участников процесса, в которых должны быть отражены их выводы, сделанные по результатам исследования. Но это, вопреки мнению А. Р. Белкина, не делает их субъектами доказывания[2].

Весьма широк и круг участников процесса, наделенных правом представлять доказательства, что также не делает их субъектами доказывания. Участвовать в проверке доказательств могут подозреваемый и обвиняемый в рамках, например, такого следственного действия, как проверка показаний на месте. В связи с этим отчасти согласимся с мнением по этому поводу Л. Е. Чистовой о неконкретности и неоднозначности приведенных З. З. Зинатуллиным оснований для отграничения субъектов от несубъектов доказывания [11, с. 190]. На наш взгляд, лишь последнее из приведенных выше оснований действительно является дифференцирующим для определения правомерности отнесения участника процесса к субъекту доказывания, а именно наличие у него полномочия не просто выражать свое мнение и обосновывать выводы, но и, базируясь на них, принимать процессуальные решения по делу.

Согласно положениям ст. 88 УПК РФ только суд, прокурор, следователь, дознаватель могут оценивать доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с позиции достаточности для разрешения уголовного дела. Безусловно, защитник также может высказать суждения о соответствии собранных стороной обвинения доказательств установленным законом критериям, но такие суждения не влекут за собой исходящих от защитника процессуальных решений, поскольку правом принимать решения на основании оценки доказательств обладают исключительно властные участники уголовного судопроизводства, именно они несут ответственность за принимаемые решения. В этом, как уже отмечалось, заключается основное отличие, позволяющее отграничить субъектов доказывания от лиц, принимающих лишь участие в доказывании.

Хотелось бы обратить внимание на подход законодателя Республики Узбекистан к разграничению участников уголовного судопроизводства в зависимости от их отношения к доказыванию. Из содержания ст. 86 Уголовно-процессуального закона данной Республики следует:

«1. Доказывание осуществляют дознаватель, следователь, прокурор, суд.

2. Право участвовать в доказывании имеют подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник, общественный обвинитель, общественный защитник, а также потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители.

3. К участию в доказывании привлекаются свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые, а также другие граждане и должностные лица, которые… осуществляют права и выполняют обязанности, связанные с собиранием, проверкой и оценкой доказательств»[3].

Думается, что избранный законодателем Узбекистана способ упорядочивания прав и обязанностей участников уголовно-процессуальных отношений, при котором в законе непосредственным образом разграничены участники, осуществляющие доказывание (субъекты доказывания), и лица, только участвующие в нем и способствующие ему (участники доказывания), не оставляет места для дискуссий. Следует признать правильным приведенное законодательное решение, достойным для заимствования опыта.

---

[2] *Белкин А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 60.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII) (с изм. и доп. по сост. на 25.02.2025) // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995. № 2. Ст. 5.

Кроме этого, в УПК республик Азербайджан[4], Беларусь[5], Казахстан[6], Таджикистан[7] и Туркменистан[8] нормы о доказывании имеют часть вторую, положения которой возлагают обязанность доказывания оснований привлечения обвиняемого к уголовной ответственности и его виновности на обвинителя. Думается, что закрепление подобного положения в норме о доказывании, а не в норме-принципе о презумпции невиновности, как это имеет место в российском Уголовно-процессуальном кодексе (ст. 14), способствовало бы большей определенности в вопросе о правомерности отнесения прокурора к субъектам доказывания.

Доказывание, исходя из его законодательного определения, включает в себя три элемента – собирание, проверку и оценку доказательств. В этой связи согласимся с учеными, считающими, что изменениями уголовно-процессуального закона, начавшегося с 2007 г., прокурор практически отстранен от собирания доказательств. Но выразим несогласие с их выводом на основании этого о дискуссионности отнесения прокурора к субъектам доказывания [5, с. 83].

Во-первых, именно это должностное лицо является участником всех без исключения стадий уголовного процесса, и его обязанностью является надзор за строгим соблюдением закона иными властными участниками процесса в ходе их деятельности, основным содержанием которой, как известно, является доказывание.

Во-вторых, надзор за соблюдением уголовно-процессуального закона с необходимостью предполагает анализ содержания результатов доказывания, а именно полученных в ходе расследования доказательств и принятых на их основе решений. На досудебных стадиях процесса прокурором проверяются соблюдение уголовно-процессуальных норм при производстве следственных и иных процессуальных действий, правильность квалификации содеянного, оценивается достаточность собранных доказательств (п. 1.14 приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544[9]).

В-третьих, прокурор не перестал быть главой обвинительной власти [3, с. 103], поскольку именно он поддерживает обвинение в суде. Эффективное выполнение этой функции невозможно без основательного знания доказательственной базы, на которой основано обвинение, оценки согласованности и достаточности имеющихся в деле доказательств, а также законности источников и способов получения доказательств. Поэтому думается, что прокурор является основным субъектом проверки и оценки доказательств с позиции их совокупной значимости для принятия процессуальных решений на досудебных стадиях процесса.

---

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. (с изм. и доп. по сост. на 29.11.2024) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 8. Ст. 585.

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. и доп. по сост. на 17.02.2025) // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 28–29. Ст. 433.

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по сост. на 13.03.2025) // Казахстанская правда. 2014. № 133 (27754).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. по сост. на 03.01.2024.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 816.

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г. (с изм. и доп. по сост. на 12.04.2025) // Законодательство стран СНГ : [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=27706.

[9] Приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : [сайт]. URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-ot-17092021-n-544-ob-organizatsii/.

В частности, ни одно дело не будет принято судом к рассмотрению без утверждения обвинительного заключения (или иного резолютивного акта) прокурором [12, с. 65], а без детальных проверки и оценки доказательственной базы аргументированное обоснование обвинения невозможно [13, с. 92]. При этом думается, что определяющим элементом доказывания, осуществляемого прокурором, является оценка совокупности доказательств, поскольку без нее принятие значимых для уголовного дела процессуальных решений невозможно, в противном случае такое решение не может быть признано обоснованным, а значит, и законным.

Как подчеркивают ученые, прокурор, являясь «главным фильтром», ответственным за правильную оценку доказанности обвинения [2, с. 29], в суде не связан позицией органов расследования, поддерживает обвинение, «исходя из собственного видения перспектив уголовного дела, предлагает свой порядок исследования доказательств» [14, с. 69]. Приказом Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 прокурорам предписывается «считать недопустимым любое давление на государственных обвинителей, принуждение их к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами»[10]. Поэтому если в ходе судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное обвинение, то он отказывается от обвинения (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Это процессуальное решение принимается прокурором на основании собственной оценки доказательств, исследованных в судебном следствии, и таким решением, как отмечается О. Л. Васильевым, «институт отказа прокурора от обвинения связывает даже самостоятельность и независимость самого суда» [15, с. 58].

Ф. М. Кобзарев и П. Ф. Кобзарев правомерно распространяют роль прокурора в качестве субъекта доказывания на рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ. По их мнению, именно прокурор может и должен ориентировать суд в ходе судебного заседания на необходимость глубокого и всестороннего исследования материалов дела [16, с. 216]. Более того, как справедливо указывает В. И. Качалов, прокурор является полноценным субъектом доказывания и в стадии исполнения приговора, а «отсутствие прокурора при рассмотрении судом вопросов, возникающих в стадии исполнения итоговых судебных решений, может привести к серьезному дисбалансу в реализации уголовно-процессуальных функций» [17, с. 62]. Этим еще раз подтверждается обоснованность отнесения прокурора к субъектам доказывания.

Не стоит игнорировать и мнение на этот счет законодателя, который, несмотря на сокращение полномочий прокурора, тем не менее не изменил своего отношения к прокурору как субъекту доказывания, оставив его в числе лиц, обязанностью которых согласно ст. 86, 87 и 88 УПК РФ являются собирание, проверка и оценка доказательств. Обращает на себя внимание и то, что если в первых двух из указанных норм прокурор упомянут после следователя и дознавателя, т. е. лиц, непосредственно осуществляющих доказывание по уголовному делу, то в ч. 3 ст. 88 УПК РФ прокурор назван первым. Это может свидетельствовать о том, что именно на прокурора возложена обязанность обеспечения «чистоты» доказывания, недопустимость его осуществления незаконными способами и средствами. Более того, такое представление согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который возлагает на надзирающего за процессуальной деятельностью органов дознания и предвари-

[10] Приказ Генпрокуратуры России от 30 июня 2021 г. № 376 (ред. от 03.07.2024) «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (п. 1.6). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тельного следствия прокурора ответственность за все ошибки, допускаемые этими органами[11]. Как подчеркивается в этой связи И. В. Малофеевым, из возложения на прокурора ответственности за соблюдение в ходе производства по уголовному делу прав его участников и качество самого производства неизбежно следует потребность в осуществлении прокурором руководства расследованием [18, с. 11]. Именно поэтому многие ученые ратуют за возвращение прокурору данного полномочия, которое в настоящее время реализуется прокурором только в отношении органов дознания. Органам же следствия прокурор может давать указания об устранении выявленных им недостатков лишь по поступившему уголовному делу с обвинительным заключением, что является недостаточным для своевременного реагирования на нарушения закона.

Следует подчеркнуть, что собирание, проверка и оценка доказательств и установление на их основании всех обстоятельств совершенного преступного деяния – не самоцель. Целью уголовно-процессуальной деятельности субъектов доказывания, вытекающей из назначения уголовного судопроизводства, является законное, обоснованное и справедливое разрешение уголовного дела. Кстати, российский уголовно-процессуальный закон – один из немногих законов стран СНГ, где эта цель в норме, определяющей доказывание, не указана. В большинстве кодексов бывших союзных республик в соответствующих нормах, содержащих аналогичное российскому определение доказывания, есть указание на цель его осуществления – эти нормы заканчиваются словами «для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела» (ст. 138 УПК Азербайджанской Республики, ст. 102 УПК Республики Беларусь, ст. 121 УПК Республики Казахстан, ст. 90 УПК Кыргызской Республики[12], ст. 132 УПК Туркменистана, ст. 85 УПК Республики Узбекистан). Думается, что такое указание на цель должно быть отражено и в ст. 85 УПК РФ.

Заключение

Таким образом, собирание, проверка и оценка доказательств значимы не сами по себе, а как фактическая основа для принятия процессуальных решений, влияющих на ход производства по уголовному делу. Отсюда следует, что, во-первых, к субъектам доказывания относятся исключительно властные участники уголовного процесса, для которых доказывание является обязанностью, во-вторых, уникальность их деятельности, как справедливо подчеркивается Л. Е. Чистовой, проявляется в том, что она «зиждется на строгих требованиях уголовно-процессуального закона» [11, с. 190].

Нам могут возразить, что деятельность адвоката-защитника по собиранию доказательств также должна осуществляться лишь в предписанных законом рамках. Но, в отличие от властных участников процесса, адвокат-защитник не вправе принимать процессуальные решения на основании собранных им сведений. Это третий и наиболее существенный, на наш взгляд, признак, отграничивающий субъектов доказывания от лиц, лишь принимающих участие в доказывании. Принятием процессуальных решений, являющихся результатом доказывания, определяется его целевая установка, без которой оно бессмысленно.

---

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений уголовно-процессуального закона Российской Федерации в связи с жалобой М. И. Бондаренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 48. Ст. 7299.

[12] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (в ред. от 14.03.2025 г.). Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики 22 сентября 2021 г. // Эркин Тоо. 2021. № 122–123.

Исходя из этого, к субъектам доказывания в российском уголовном судопроизводстве относятся исключительно уполномоченные на осуществление одного или нескольких элементов доказывания лица, ответственные за производство по уголовному делу, указанные в главе 11 УПК РФ, – это дознаватель, следователь, прокурор и суд.

Список источников

1. Спирин А. В. Прокурор как субъект доказывания в уголовном судопроизводстве России : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 300 с.

2. Захарян А. А. К вопросу о прокуроре как субъекте доказывания в досудебных стадиях отечественного уголовного процесса // Российский следователь. 2020. № 12. С. 27–30.

3. Левченко О. В. Верховенство прокурора в уголовно-процессуально-правовой организации противодействия преступности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1. С. 97–106.

4. Лукожев Х. М., Чич Ж. Т. Прокурор как субъект обязанности доказывания в досудебном производстве по уголовным делам // Теория и практика общественного развития. 2021. № 4 (158). С. 43–47.

5. Конин В. В., Корсаков К. А. Доказывание и субъекты доказывания в уголовном судопроизводстве: переоценка сложившихся взглядов // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 2. С. 81–85.

6. Маслов А. К. Деятельность следователя по процессуальному оформлению предметов, вещей и иных документов в качестве доказательств по уголовным делам : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 25 с.

7. Зажицкий В. И. Об основных направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 3–9.

8. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : Проспект, 2008. 192 с.

9. Кипнис Н. М. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / под ред. В. А. Власихина. М. : Юрист, 2000. С. 168–207.

10. Зинатуллин З. З. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. СПб. : Юрид. центр, 2012. 699 с.

11. Чистова Л. Е. Субъект в познании и доказывании // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 189–193.

12. Якимович Ю. К. О процессуальном положении прокурора, руководителя следственного органа и следователя в современном российском досудебном производстве // Уголовная юстиция. 2013. № 2 (2). С. 64–67.

13. Недобор А. Н. Перипетии в деятельности прокурора при поддержании государственного обвинения в суде первой инстанции // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2025. № 1. С. 88–98.

14. Стрельников В. В. К вопросу об осуществлении прокуратурой уголовного преследования // Гражданин и право. 2012. № 4. С. 61–70.

15. Васильев О. Л. Поправки к Конституции РФ и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. 2017. № 3. С. 46–59.

16. Кобзарев Ф. М., Кобзарев П. Ф. Особенности взаимодействия суда и прокурора в процессе доказывания в ходе досудебного производства по уголовному делу // Вестник Костромского государственного университета. 2022. № 3. С. 214–219.

17. Качалов В. И. Об участии прокурора в стадии исполнения итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве России // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 59–64.

18. Малофеев И. В. Роль прокурора в осуществлении функции уголовного преследования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3. С. 5–16.

References

1. Spirin A. V. *The prosecutor as a subject of evidence in criminal proceedings in Russia.* Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2018. 300 p. (In Russ.)

2. Zakharyan A. A. On a prosecutor as a subject of proving on pre-trial stages of a national criminal procedure. *Russian Investigator.* 2020;(12):27-30. (In Russ.)

3. Levchenko O. V. The supremacy of the prosecutor in the criminal procedure-legal organization of crime counteraction. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings.* 2023;(1):97-106. (In Russ.)

4. Lukozhev Kh. M., Chich Zh. T. The prosecutor as a subject of the duty of proof in pre-trial proceedings in criminal cases. *Theory and Practice of Social Development.* 2021;(4):43-47. (In Russ.)

5. Konin V. V., Korsakov K. A. Evidence and subjects of evidence in criminal proceedings: re-evaluation of formed views. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University.* 2020;6(2):81-85. (In Russ.)

6. Maslov A. K. *The investigator's activity in the procedural registration of objects, things and other documents as evidence in criminal cases.* Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2011. 25 p. (In Russ.)

7. Zazhitsky V. I. On the main directions of improving the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2011;(3):3-9. (In Russ.)

8. Mikhailovskaya I. B. *The judge's table book on evidence in criminal proceedings.* Monograph. Moscow: Prospekt; 2008. 192 p. (In Russ.)

9. Kipnis N. M. Controversial issues of the theory and practice of the admissibility of evidence. In: V. A. Vlasikhin, ed. *Evidence in criminal proceedings. Traditions and modernity*. Moscow: Yurist; 2000. Pp. 168–207. (In Russ.)

10. Zinatullin Z. Z. *Selected works.* In 2 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Yuridicheskij tsentr; 2012. 699 p. (In Russ.)

11. Chistova L. E. The subject in the knowledge and evidence. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2016;(3):189-193. (In Russ.)

12. Yakimovich Yu. K. On the procedural status of the prosecutor, the head of an investigation body and the investigator in the contemporary Russian pre-trial proceedings. *Russian Journal of Criminal Law.* 2013;(2):64-67. (In Russ.)

13. Nedobor A. N. Vicissitudes in the prosecutor's work of supporting state prosecution in the court of first instance. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*. 2025;(1):88-98. (In Russ.)

14. Strelnikov V. V. On the issue of criminal prosecution by the prosecutor's office. *Grazhdanin i parvo = Citizen and Law.* 2012;(4):61-70. (In Russ.)

15. Vasiliev O. L. Amendments to the Constitution of the Russian Federation and the changeof the prosecutor's role in Russian criminal proceedings. *Statute*. 2017;(3):46-59. (In Russ.)

16. Kobzarev F. M., Kobzarev P. F. Features of interaction between the court and the prosecutor in the process of proof during pre-trial proceedings in a criminal case. *Vestnik of Kostroma State University.* 2022;(3);214-219. (In Russ.)

17. Kachalov V. I. About participation of the prosecutor at the stage of execution of a final court judgment in criminal proceedings in Russia. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federatsii = Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*. 2017;(4);59-64. (In Russ.)

18. Malofeev I. V. The role of the prosecutor in the implementation of the function of criminal prosecution. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings.* 2022;(3):5-16. (In Russ.)

Информация об авторе

С. В. Корнакова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Information about the author

S. V. Kornakova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory and History of State and Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 03.06.2025; принята к публикации 12.02.2026.

The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 03.06.2025; accepted for publication 12.02.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 94–104
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 94–104
УДК 343.98 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.94-104

Научная статья

Применение интеллектуальных систем при производстве вербальных следственных действий: теоретико-прикладные аспекты (по материалам Кыргызской Республики и Республики Казахстан)

Ергали Кайржанович Мабиев[1, 2]

[1] ТОО «Victory Tech», Астана, Республика Казахстан, ye.mabiyev@gmail.com, https://orcid.org/0009-0008-8949-9958

[2] Институт государства и права, Национальная академия наук Кыргызской Республики при Президенте Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Статья посвящена исследованию теоретических и прикладных аспектов применения интеллектуальных систем при производстве вербальных следственных действий в Кыргызской Республике и Республике Казахстан. Анализируются возможности использования технологий искусственного интеллекта для оптимизации процессов допроса, очной ставки и других вербальных следственных действий.

Выявлены ключевые проблемы внедрения интеллектуальных систем, в том числе недостаточность правового регулирования, технические ограничения и этические вопросы. Существенное внимание уделено тактическим особенностям применения ИИ-систем анализа невербального поведения, автоматической транскрипции и систем поддержки принятия решений. Предложены рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и практические подходы к интеграции интеллектуальных технологий в следственную деятельность с учетом национальных особенностей правовых систем исследуемых государств.

Ключевые слова: интеллектуальные системы, искусственный интеллект, вербальные следственные действия, допрос, криминалистическая тактика, цифровизация следствия

Для цитирования: Мабиев Е. К. Применение интеллектуальных систем при производстве вербальных следственных действий: теоретико-прикладные аспекты (по материалам Кыргызской Республики и Республики Казахстан) // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 94–104. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.94-104.

© Мабиев Е. К., 2026

Original article

Application of Intelligent Systems in Conducting Verbal Investigative Actions: Theoretical and Practical Aspects (Based on Materials from the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan)

Yergali K. Mabiyev[1, 2]

[1] LLP "Victory Tech", Astana, Republic of Kazakhstan, ye.mabiyev@gmail.com, https://orcid.org/0009-0008-8949-9958
[2] Institute of State and Law, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic under the President of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of applying intelligent systems in conducting verbal investigative actions in the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan. It analyzes the possibilities of using artificial intelligence technologies to optimize interrogation processes, confrontations, and other verbal investigative actions.
Key problems of implementing intelligent systems are identified, including insufficient legal regulation, technical limitations, and ethical issues. Special attention is paid to tactical features of applying AI systems for non-verbal behavior analysis, automatic transcription, and decision support systems. Recommendations are proposed for improving the regulatory framework and practical approaches to integrating intelligent technologies into investigative activities, considering national characteristics of the legal systems in the studied countries.

Keywords: intelligent systems, artificial intelligence, verbal investigative actions, interrogation, forensic tactics, digitalization of investigation

For citation: Mabiyev Ye. K. Application of intelligent systems in conducting verbal investigative actions: theoretical and practical aspects (based on materials from the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan). *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):94-104. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.94-104.

Внедрение технологий в правовую сферу в критической степени зависит от появления методов, позволяющих по-новому посмотреть на традиционные процессы. Ставшие доступными в 2022 г. технологии генеративного искусственного интеллекта (ИИ) постепенно трансформируют традиционные подходы к их осуществлению – от автоматизации процессуальных действий до появления полноценных помощников следователей и судей.

По данным Всемирного банка, более 70% стран мира реализуют программы цифровизации судебных систем, при этом ИИ-технологии занимают центральное место в этих инициативах[1]. Особую актуальность данная проблема приобретает в современный период, в частности в ситуациях, где правовые системы сталкиваются с необходимостью модернизации при сохранении фундаментальных принципов правосудия.

Трансформационный потенциал ИИ в правовой сфере проявляется в трех ключевых направлениях. Первое – автоматизация процессуальных действий и документооборота через системы обработки естественного языка. Второе – интеллектуальная поддержка принятия решений на основе анализа массивов судебной практики. Третье – повышение объективности доказательств через ИИ-анализ цифровых материалов.

Важные проблемные вопросы, связанные с воздействием современных цифровых технологий на право, поднимаются в работах Т. Я. Хабриевой [1], Д. А. Пашенцева [2], Н. В. Петрунина [3]. Направленность сферы судопроизводства, процессы цифровизации и интеллектуализации и их применение рассмотрены в трудах Д. Бахтеева, Е. Буглаевой [4]. Непосред-

[1] URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/c7c5e96a-fb34-4e60-944a-812930bab9ee.

ственно вопросы использования цифровых технологий в уголовном процессе поднимались в трудах В. В. Рябчикова, У. А. Фофоновой [5].

Применение искусственного интеллекта в процессе следственных действий сопряжено с пересечением информационных современных технологий и юридических процессов. И явно положительной динамикой и важным моментом представляются развитие автоматизации, повышение прозрачности расследований и их точности, что особенно важно в современных условиях.

Внедрение искусственного интеллекта в практику следственных действий открывает новые возможности для объективизации процесса получения доказательств. В частности, система INTU-AI демонстрирует, как мультимодальный анализ (распознавание лиц, речи и текстовых паттернов) позволяет автоматизировать мониторинг психоэмоционального состояния допрашиваемых, выявляя скрытые реакции и повышая эффективность следственных интервью [6]. Повышение точности и автоматизация расследований в современных условиях становятся возможными благодаря внедрению алгоритмов машинного обучения. Как отмечают С. Дас и соавторы, использование ИИ в криминалистических исследованиях позволяет значительно сократить время на обработку данных и минимизировать «человеческий фактор», обеспечивая высокую стандартизацию процесса сбора и анализа доказательств [7]. Вместе с тем развитие «алгоритмической полиции» ставит перед юристами вопросы этики и прозрачности. Исследование А. Завршника подчеркивает, что автоматизация следственных процессов должна сопровождаться строгим соблюдением процессуальных прав. Внедрение интеллектуальных систем в следствие не только ускоряет раскрытие преступлений, но и выступает инструментом повышения подотчетности органов власти, при условии, что механизмы принятия решений алгоритмами остаются прозрачными и проверяемыми для всех сторон процесса [8].

Международный опыт демонстрирует разнообразие подходов и неизбежность применения цифровых технологий на практике. Так, в *Эстонии* внедрена система «цифрового судьи» для мелких споров, *Китай* использует ИИ для поддержки судебных решений, *США* развивают предиктивную аналитику в уголовном праве. Однако эти примеры показывают важность адаптации технологических решений к национальным правовым традициям.

Для *Кыргызской Республики* и *Республики Казахстан* особую значимость приобретает выработка сбалансированного подхода к цифровизации правовой сферы, обеспечивающего технологическую модернизацию при сохранении правовых ценностей.

Актуальность исследования данной проблематики обусловлена необходимостью осмысления правовых, этических и практических аспектов внедрения интеллектуальных систем в юридическую практику. Особую важность приобретает разработка тактико-криминалистических основ применения ИИ-технологий, обеспечивающих соблюдение процессуальных гарантий при повышении качества и скорости расследования преступлений.

Изучению проблем следственной ситуации и производству вербальных следственных действий, таких как допрос и очная ставка, и криминалистической ситуалогии посвящены труды многих ученых в области уголовного процесса и криминалистики: С. Б. Россинского, С. А. Шейфера, А. Я. Гинзбурга, Г. Г. Доспулова, Д. В. Бахтеева и других.

Проблематика применения искусственного интеллекта в следственной деятельности привлекает значительное внимание современных исследователей, формируя обширную доктринальную дискуссию относительно перспектив и ограничений использования данной технологии в уголовном процессе. Различные подходы к пониманию роли искусственного интеллекта в следственных действиях демонстрируют как потенциал технологии, так и необходимость четкого определения границ ее применения.

Д. В. Бахтеев рассматривает искусственный интеллект (ИИ) в качестве «ассистента следователя», подчеркивая его значимость как источника для разработки прикладных систем,

основанных на частных криминалистических теориях. По мнению ученого, применение искусственного интеллекта в следственной деятельности должно быть направлено на моделирование события преступления и его следовой картины, а также на выдвижение следственных версий на основе неполных данных, что существенно расширяет аналитические возможности следствия [9].

На способности искусственного интеллекта обрабатывать огромные массивы данных, что критически важно для поиска подозреваемых и установления преступных связей, акцентирует внимание Р. С. Хамидуллин. Его исследование криминалистического обеспечения использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений подчеркивает трансформационный потенциал данной технологии в современной следственной практике [10].

Я. А. Климова обращает внимание на роль искусственного интеллекта в эффективном обнаружении и фиксации цифровых доказательств. В условиях современного развития технологий особое значение для обнаружения, изъятия и фиксации цифровых доказательств в целях эффективного расследования современных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, приобретает применение технологии искусственного интеллекта, что становится неотъемлемым элементом современной криминалистики [11].

Внедрение искусственного интеллекта в органы предварительного следствия В. А. Иноценко, В. В. Калинин и Н. А. Ковтун рассматривают в аспекте оптимизации работы и повышения ее эффективности. Авторы характеризуют искусственный интеллект как интеллектуальную программу, обладающую возможностями анализировать, обрабатывать информацию и предлагать выводы при расследовании конкретного преступления [12].

Консенсус научного сообщества заключается в том, что искусственный интеллект должен выполнять функцию интеллектуального обеспечения следственной деятельности, оказывая содействие в сборе, обработке и анализе доказательств при проведении таких следственных действий, как обыск, осмотр и допрос. При этом подчеркивается недопустимость замены следователя искусственным интеллектом в процессе принятия процессуальных решений, связанных с оценкой допустимости и достаточности доказательств.

В следственной деятельности интеллектуальные системы (ИС) можно классифицировать следующим образом.

1. Автоматизированные информационные системы представляют базовый уровень и включают автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС), баллистические учеты, системы учета транспортных средств. Эти системы эффективно решают задачи поиска и сравнения по заданным алгоритмам, однако лишены способности к обучению и адаптации к новым условиям.

2. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений (ИС ППР) составляют основную массу современных криминалистических ИИ-инструментов. Их ключевая функция заключается в содействии человеку-эксперту при принятии решений путем анализа больших объемов данных и предоставления вариантов или рекомендаций. При этом окончательное суждение и ответственность остаются за следователем или экспертом.

3. Генеративные и предиктивные системы ИИ представляют наиболее продвинутый уровень технологий. Основанные на сложных архитектурах искусственных нейронных сетей, эти системы способны не только анализировать существующие данные, но и генерировать новую информацию: следственные версии, прогнозы развития криминальной ситуации, реконструкции событий.

Для понимания **особенностей применения интеллектуальных технологий в правосудии** необходимо установить четкую классификацию соответствующих систем. В судебной

деятельности интеллектуальные системы применяются для автоматизации документооборота, анализа правовых прецедентов, поддержки принятия судебных решений и управления делопроизводством. Современные судебные ИС включают системы электронного правосудия, автоматизированного распределения дел, анализа судебной практики и предиктивной аналитики для определения вероятных исходов дел.

Системы поддержки судебных решений представляют особый интерес для правосудия. Эти системы анализируют большие массивы судебной практики, выявляют закономерности в принятии решений по аналогичным делам, предоставляют судьям статистические данные о результатах рассмотрения схожих дел. В некоторых юрисдикциях такие системы уже используются для предварительной оценки рисков рецидива при определении меры пресечения.

Особое направление развития – обеспечение доступности правосудия для широких слоев населения. Это направление получило развитие в Казахстане через создание бесплатного юридического онлайн-сервиса LegalExpert.kz[2]. Проект разработан командой ученых Карагандинского университета имени Е. А. Букетова совместно с IT-специалистами. Система создана в рамках обеспечения доступа граждан к правосудию с целью повышения правовой грамотности населения. Возможности системы включают не только предоставление юридических рекомендаций, но и анализ перспектив судебного разбирательства, возможных путей примирения сторон, прогнозирование потенциальных расходов при подаче иска в суд.

Автоматизированные системы управления судопроизводством обеспечивают электронный документооборот, автоматическое распределение дел между судьями с учетом их загруженности и специализации, контроль соблюдения процессуальных сроков, формирование судебной статистики и отчетности.

Системы видео-конференц-связи с элементами ИИ позволяют проводить судебные заседания в удаленном режиме с автоматическим распознаванием речи, синхронным переводом, анализом поведенческих паттернов участников процесса для выявления признаков недобросовестности.

Особую ценность представляет автоматизация анализа больших массивов цифровой информации. ИИ-системы, способные обрабатывать естественный язык и строить графы связей, выявляют скрытые закономерности и неочевидные связи между людьми, событиями и объектами, что радикально ускоряет процесс выдвижения и проверки версий.

Алгоритмы предиктивного планирования на основе анализа больших данных позволяют оптимизировать последовательность следственных действий, распределение ресурсов и выбор наиболее эффективных тактических приемов для конкретной ситуации.

Допрос с применением ИИ-технологий включает использование систем анализа микровыражений лица для выявления признаков неискренности, NLP-технологий для анализа речевых паттернов и детекции противоречий в показаниях.

Осмотр места происшествия трансформируется благодаря технологиям 3D-сканирования и моделирования, позволяющим создавать точные цифровые копии места происшествия для последующего детального анализа. Это обеспечивает возможность многократного «возвращения» к месту происшествия и проведения виртуальных экспериментов.

Обыск с применением дронов и систем визуального поиска расширяет возможности обследования труднодоступных и опасных мест, автоматизирует поиск предметов по заданным параметрам и повышает безопасность сотрудников правоохранительных органов.

---

[2] Юридический ИИ начал бесплатно помогать казахстанцам решать правовые вопросы // Интернет-портал Liter.kz. URL: https://liter.kz/iuridicheskii-ii-nachal-besplatno-pomogat-kazakhstantsam-reshat-pravovye-voprosy-1751947916/.

В настоящее время отдельные элементы внедрения ИИ в следственную практику имеются в Казахстане. С 20 июня 2025 г. МВД Казахстана запущен пилотный проект «Помощник следователя AI» в Есильском РОВД г. Астана и г. Косшы Акмолинской области[3]. Данная платформа на основе искусственного интеллекта автоматически обрабатывает показания свидетелей и участников процесса, фиксирует их на процессуальном языке, сопоставляет показания различных лиц для выявления несоответствий и противоречий. Особенностью проекта является возможность конвертации аудио- и видеоматериалов, включая записи допросов, в текстовый формат с полным соблюдением требований защиты персональных данных.

Между тем одной из ключевых проблем внедрения интеллектуальных систем является неопределенность процессуального статуса данных, полученных с помощью ИИ. Традиционные критерии оценки доказательств (относимость, допустимость, достоверность) нуждаются в переосмыслении применительно к информации, генерируемой искусственным интеллектом.

Центральным и наиболее острым вопросом всей дискуссии о цифровизации уголовного судопроизводства является проблема интеграции цифровых доказательств в формальную структуру Уголовно-процессуального кодекса.

Ядром доктринального спора является вопрос о необходимости и способах изменения соответствующей статьи УПК, которая устанавливает исчерпывающий перечень видов доказательств. Одна позиция заключается в том, что эффективность использования цифровых данных в доказывании требует их выделения в качестве самостоятельного вида доказательств путем внесения прямого дополнения в соответствующую статью УПК [13]. Сторонники этого подхода утверждают, что уникальная природа цифровой информации (нематериальность, легкость копирования и изменения, зависимость от программно-аппаратной среды) не позволяет без существенных оговорок относить ее к существующим видам, таким как «иные документы» или «вещественные доказательства».

Этой точке зрения противостоят другие подходы, согласно которым уголовно-процессуальная категория доказательства гораздо шире и может включать в себя все электронные данные [14]. Тем самым будет обеспечена стабильность законодательства и использованы существующие и отработанные процессуальные механизмы.

Еще один подход нацелен на полный пересмотр устаревших бумажных технологий фиксации доказательств посредством включения в уголовно-процессуальное законодательство нормативного толкования понятия «электронное доказательство». Это, по мнению сторонников данной точки зрения, обеспечит преодоление архаичных методов при обращении с электронными доказательствами и позволит внедрить современные научные методы организации труда [15].

Поддерживая этот комплексный подход, автор полагает, что развитие и многогранность имеющихся цифровых технологий потребуют разработки отдельной главы УПК, посвященной особенностям работы с цифровой информацией. В ней, в частности, целесообразно закрепить понятие «цифровое доказательство», определить требования к системам ИИ, результаты работы которых могут использоваться в качестве доказательств, установить процедуры верификации и валидации таких систем.

Это обусловлено тем, что риски алгоритмической предвзятости и дискриминации требуют создания специальных механизмов контроля качества ИИ-решений и защиты от систематических ошибок, которые могут повлиять на справедливость судебного разбирательства.

---

[3] В Косшы запустили пилотную апробацию проекта «Помощник следователя AI» // Служба центральных коммуникаций при Президенте Республики Казахстан : [сайт]. URL: https://ortcom.kz/ru/deyatelnost-pravitelstva/1752494609.

Для оценки готовности правоохранительных органов к широкому внедрению интеллектуальных систем было проведено социологическое исследование среди следователей, прокуроров и иных сотрудников правоохранительных органов. Это исследование показало высокий уровень цифровизации рабочих процессов (92%) и активное применение интеллектуальных систем (65,2%) (рис. 1). Более половины опрошенных сотрудников оценили высокую эффективность интеллектуальных систем.

Частота использования компьютера и цифровых технологий в повседневной работе

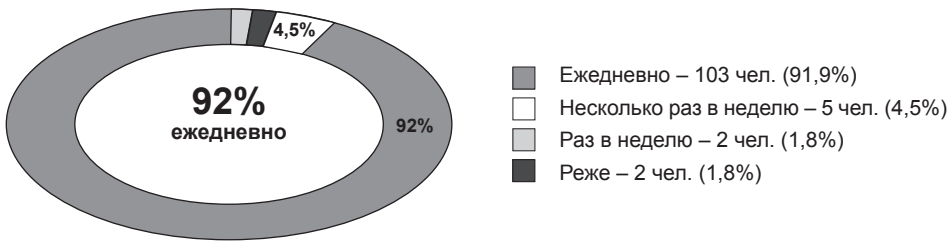

Рис.1. Уровень использования цифровых технологий (112 ответов)

Таким образом, существуют широкие предпосылки и готовность сотрудников правоохранительных органов к внедрению ИИ в свою деятельность для оптимизации рабочих процессов, сокращения трудозатратности и уделения внимания более сложным рабочим процессам, о чем свидетельствуют результаты опроса и применение инструментов искусственного интеллекта.

Основные причины высокой эффективности информационных систем

Рис. 2. Основные причины высокой эффективности ИС (101 ответ, оценки 4–5 балов)

Исследование выявило и ключевые проблемы внедрения интеллектуальных систем. Тактические трудности включают проблемы достоверности данных, предоставляемых ИС, и сложность интерпретации результатов. Основными причинами низкой эффективности названы ошибки алгоритмов и низкое качество исходных данных.

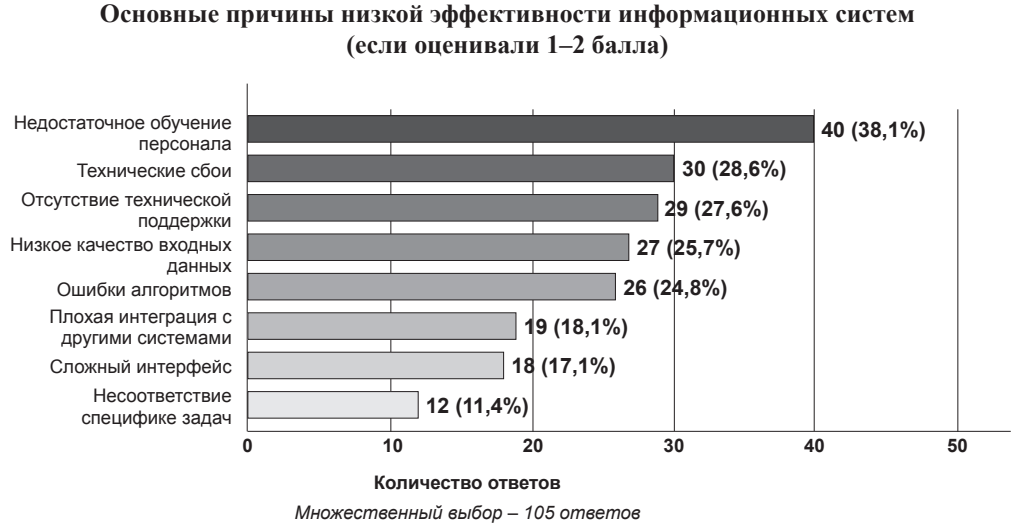

Рис. 3. Основные причины низкой эффективности ИС (105 ответов, оценки 1–2 балла)

Правовое регулирование оценивается как недостаточное: 41,1% респондентов считают, что регулирование практически отсутствует или требует существенной доработки. Приоритетными для правового регулирования названы процедуры допустимости ИИ-доказательств, ответственность за ошибки систем и защита персональных данных.

Заключение

Исследование применения искусственного интеллекта в следственной и судебной деятельности представляет собой формирующееся направление научной мысли, обладающее мультидисциплинарным характером и объединяющее достижения юридической науки с передовыми разработками в области информационных технологий. Внедрение интеллектуальных систем в сферу правосудия и следственной практики следует рассматривать как объективную закономерность современного этапа развития правовой системы, обусловленную глубинными трансформационными процессами цифровизации общественных отношений.

Комплексный анализ современного состояния вопроса демонстрирует, что цифровая трансформация охватывает весь спектр правоприменительной деятельности, начиная от автоматизации судебного документооборота и заканчивая созданием систем поддержки принятия судебных решений и модернизацией методологии проведения следственных действий. Данные процессы требуют системного подхода к интеграции технологий искусственного интеллекта, предполагающего синхронное развитие информационных систем как в судебной, так и в следственной деятельности.

Применительно к судебной системе фундаментальное значение приобретают вопросы обеспечения транспарентности алгоритмических процессов принятия решений, сохранения конституционного принципа судейского усмотрения и недопустимости полной автоматизации отправления правосудия. В контексте следственной деятельности приоритетными направлениями выступают проблемы процессуальной легитимации доказательств, полученных с применением технологий искусственного интеллекта, а также совершенствования тактико-криминалистического инструментария расследования преступлений.

Успешная имплементация технологий искусственного интеллекта в правоприменительную практику детерминирована совокупностью взаимосвязанных условий, среди которых особое значение имеют формирование комплексного нормативно-правового регулирования, обеспечение адекватного технического оснащения судебных и правоохранительных органов, подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих соответствующими компетенциями, а также разработка этических стандартов применения интеллектуальных систем в юридической деятельности.

Перспективные направления научных изысканий в данной области должны концентрироваться на создании специализированных алгоритмических решений для различных сегментов правосудия, формировании международных стандартов использования искусственного интеллекта в судебных системах, а также на исследовании долгосрочных социально-правовых последствий цифровизации юридической сферы.

Внедрение технологий искусственного интеллекта в правоприменительную деятельность представляет собой не технологический тренд, а объективную необходимость, детерминированную фундаментальными изменениями в структуре и характере преступности, а также всеобъемлющей цифровизацией социальных процессов. Императивность интеграции искусственного интеллекта в сферу правосудия и следственной практики обусловливается рядом системообразующих факторов.

Современная преступная деятельность генерирует не только традиционные материальные следы, но и обширные массивы цифровой информации. Данные информационные потоки, аккумулируемые на серверах, в социальных сетях, системах видеонаблюдения и мобильных устройствах, образуют феномен больших данных, обработка которых традиционными криминалистическими методами становится практически невозможной. В этих условиях искусственный интеллект становится незаменимым инструментом оперативного и комплексного анализа информационных массивов, обеспечивающим извлечение значимой информации.

Повышение эффективности и качества расследования достигается через использование искусственного интеллекта в качестве интеллектуального ассистента, способного осуществлять рутинные, но ресурсоемкие задачи по классификации данных, распознаванию биометрических характеристик и выявлению латентных закономерностей.

Процессуальная адаптация правовой системы к реалиям цифровой эпохи требует комплексного совершенствования уголовно-процессуального законодательства на основе междисциплинарных научных исследований и их тесной корреляции с правоприменительной практикой. Актуальность научных изысканий определяется необходимостью нормативной регламентации правового статуса и критериев допустимости доказательств, полученных посредством алгоритмических систем, что служит гарантией соблюдения конституционных прав граждан и обеспечивает легитимность цифровых доказательств в судебном процессе.

Список источников

1. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 89–94.

2. Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных цифровых технологий на развитие права // Право и образование. 2019. № 7. С. 4–9.

3. Петрунин Н. В. Цифровизация права и цифровизация законодательства: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2023, Т. 13, № 8А. С. 128–136.

4. Bakhteev D., Buglaeva E. Use of AI technologies in dispute resolution at the pre-trial stage and in court proceedings // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution. 2023. Vol. 5, no. 10. P. 53–80.

5. Рябчиков В. В., Фофонова У. А. Использование цифровых технологий в уголовном процессе России // Аграрное и земельное право. 2024. № 7 (235). С. 249–251.

6. Almoli K. et al. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by artificial intelligence // Applied Sciences. 2025. Vol. 15, issue 19. Art. 10781. DOI: 10.3390/app151910781.

7. Das S. S., Patnaik S., Pattnayak P., Mohanty A. Role of artificial intelligence and machine learning in forensic science: a review // 5th International Conference on Computing, Communication, and Intelligent Systems (ICCCIS). IEEE, 2023. Art. 10431257. DOI: 10.1109/ICCCIS60361.2023.10431257.

8. Završnik A. Algorithmic policing: expectations and perils // European Journal of Criminology. 2020. Vol. 17, issue 2. P. 142–159.

9. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбуг, 2022. 42 с.

10. Хамидуллин Р. С. Криминалистическое обеспечение использования технологии искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 1. С. 55–74.

11. Климова Я. А. Искусственный интеллект и цифровые доказательства в расследовании преступлений, совершенных с использованием современных информационно-коммуникационных технологий // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2023. № 1 (64). С. 81–87.

12. Иноценко В. А., Калинин В. В., Ковтун Н. А. Искусственный интеллект на службе закону и следствию // Право и управление. 2024. № 5. С. 549–555.

13. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. № 7. С. 74–84.

14. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

15. Дмитриева А. А., Пастухов П. С. Концепция электронного доказательства в уголовном судопроизводстве // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Vol. 1, no. 1. P. 270–295.

References

1. Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The law in the conditions of digital reality. *Journal of Russian Law*. 2018;(1):89-94. (In Russ.)

2. Pashentsev D. A. The main directions of the impact of modern digital technologies on the development of law. *Law and Education*. 2019;(7):4-9. (In Russ.)

3. Petrunin N. V. Digitalization of law and digitalization of legislation: problems and prospects. *Matters of Russian and International Law*. 2023;13(8A):128-136. (In Russ.)

4. Bakhteev D., Buglaeva E. Use of AI technologies in dispute resolution at the pre-trial stage and in court proceedings. *Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution.* 2023;5(10):53-80.

5. Ryabchikov V. V., Fofonova U. A. The use of digital technologies in the criminal process of Russia. *Agrarian and Land Law.* 2024;(7):249-251. (In Russ.)

6. Almoli K., et al. INTU-AI: digitalization of police interrogation supported by artificial intelligence. *Applied Sciences.* 2025;15(19):10781.

7. Das S. S., Patnaik S., Pattnayak P., Mohanty A. Role of artificial intelligence and machine learning in forensic science. A review. *5th International Conference on Computing, Communication, and Intelligent Systems (ICCCIS).* IEEE. 2023:10431257. DOI: 10.1109/ICCCIS60361.2023.10431257.

8. Završnik A. Algorithmic policing: expectations and perils. *European Journal of Criminology.* 2020;17(2):142-159.

9. Bakhteev D. V. *Conceptual foundations of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in crime investigation.* Abstract of Dr. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2022. 42 p. (In Russ.)

10. Khamidullin R. S. Forensic support for the use of artificial intelligence technology in the detection and investigation of crimes. *Politsejskaya i sledstvennaya deyatel'nost' = Police and Investigative Activities*. 2024;(1):55-74. (In Russ.)

11. Klimova Ya. A. Artificial intelligence and digital evidences while investigating crimes committed through the use of modern information and communication technologies. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.* 2023;(1):81-87. (In Russ.)

12. Inotsenko V. A., Kalinin V. V., Kovtun N. A. Artificial intelligence in the service of law and investigation. *Law and Management.* 2024;(5):549-555. (In Russ.)

13. Voronin M. I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? *Lex Russica*. 2019;(7):74-84 (In Russ.)

14. Golovko L. V. The digitalization in criminal procedure: local optimization or global revolution? *Bulletin of Economic Security*. 2019;(1):15-25. (In Russ.)

15. Dmitrieva A. A., Pastukhov P. S. Concept of electronic evidence in criminal legal procedure. *Journal of Digital Technologies and Law.* 2023;1(1):270-295. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. К. Мабиев – директор по развитию, соискатель ученой степени.

Information about the author

Ye. K. Mabiyev – Director for Development, Applicant for a Scientific Degree.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 31.10.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 05.03.2026.

Российское правосудие. 2026. № 5. С. 105–112
Rossijskoe pravosudie. 2026. No. 5. P. 105–112
УДК 336.221.2 DOI: 10.37399/issn2072-909X.2026.5.105-112
Научная статья

Правовой анализ проблем трансформации налогового законодательства сквозь призму конституционного правосудия

Елена Павловна Антипова
Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Санкт-Петербург, Российская Федерация, epa2707@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-8064-1999

Аннотация. Эффективно выстроенная налоговая система является одним из ключевых условий успешного развития российского общества и государства, а также реализации конституционных идеалов. Поэтому любая трансформация налогового законодательства неизбежно вызывает необходимость исследования вопросов, связанных с раскрытием сущности вносимых изменений, соблюдением принципов конституционного права. Особая роль при этом отводится конституционному правосудию. Целью исследования является проведение правового анализа проблем трансформации налогового законодательства путем их рассмотрения сквозь призму конституционного правосудия. Для достижения поставленной цели осуществлены анализ проблем фактической реализации прав налогоплательщиков с учетом постоянных изменений в налоговом законодательстве, определение подходов к реализации принципа доверия к закону и действиям государства в условиях налоговых реформ. Методологической основой исследования являются диалектический, структурно-функциональный и аксиологический подходы, применялись формально-юридический метод, метод юридической герменевтики и др.
Выявлено, что фактическая реализация прав налогоплательщиков не обеспечивается в полной мере из-за сохраняющейся правовой неопределенности ряда положений налогового законодательства; роли разъяснительных писем налоговых органов, которые зачастую подменяют законодательное регулирование. Обосновано, что возможность полноценной реализации принципа доверия к закону и действиям государства требует: тесной связи принципа доверия к закону и действиям государства с принципом правовой определенности; предсказуемости нормотворческой политики; принятия во внимание законодателем и органами исполнительной власти реальных возможностей налогоплательщиков; недопустимости произвольного привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности; признания налоговыми органами своих ошибок в случае их допущения.

Ключевые слова: налоговое законодательство, принципы конституционного права, конституционное правосудие, фактическая реализация прав налогоплательщиков, принцип правовой определенности, принцип доверия к закону и действиям государства

Для цитирования: Антипова Е. П. Правовой анализ проблем трансформации налогового законодательства сквозь призму конституционного правосудия // Российское правосудие. 2026. № 5. С. 105–112. https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.105-112.

© Антипова Е. П., 2026

Original article

Legal Analysis of the Problems of Tax Law Transformation Through the Lens of Constitutional Justice

Elena P. Antipova

North-Western Branch, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, St. Petersburg, Russian Federation, epa2707@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0000-8064-1999

Abstract. An effectively constructed tax system is one of the key conditions for successful development of Russian society and state, as well as the realization of constitutional ideals. Therefore, any transformation of tax legislation inevitably causes the need to investigate issues related to the disclosure of the essence of changes made, compliance with the principles of constitutional law. Special role is given to constitutional justice. The aim of the study is to carry out a legal analysis of problems of transformation of tax legislation by considering them through the prism of constitutional justice. To achieve the stated goal, the following tasks are solved: analysis of problems of actual realization of taxpayers' rights in view of constant changes in tax legislation; definition of approaches to the implementation of the principle of trust in the law and actions of the state in the context of tax reforms.

The methodological basis of the study is dialectical, structurally functional and axiological approaches, within their framework formal-legal, hermeneutic and other methods of scientific cognition were applied.

It was revealed that the actual realization of taxpayers' rights is not fully ensured, because this is prevented by: persistent legal uncertainty of a number of provisions of tax legislation; the essential role of explanatory letters from tax authorities, which often replace replace legislative regulation. It is justified that the possibility of full implementation of the principle of trust in law and actions of the state requires: close connection between the principle of trust in law and actions of the state with the principle of legal certainty; predictability of norm-creating policy; the law-making and executive authorities should take into account the real possibilities of taxpayers; inadmissibility of arbitrary calling the taxpayer to tax liability; recognition by tax authorities of their mistakes if they are allowed.

Keywords: tax law, principles of constitutional law, constitutional justice, actual realization of taxpayers' rights, principle of legal certainty, principle of trust in the law and actions of the state

For citation: Antipova E. P. Legal analysis of the problems of tax law transformation through the lens of constitutional justice. *Rossijskoe pravosudie = Russian Justice*. 2026;(5):105-112. (In Russ.) https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2026.5.105-112.

Эффективно выстроенная налоговая система является одним из ключевых условий успешного развития российского общества и государства, а также реализации конституционных идеалов и принципов, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, как отметил Н. С. Бондарь, Конституция России 1993 г. в отличие от конституций ряда зарубежных стран не включает самостоятельную структурную часть (главу), которая регулировала бы проблемы финансовой системы [1, с. 123]. В то же время ученый обратил внимание на то, что содержание Конституции в ее системном единстве задает логику развития российской налоговой системы [1, с. 123].

Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации призвал к модернизации фискальной системы, более справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы[1], что стало толчком для очередных налоговых реформ, осуществляемых в настоящее время. Очевидно, что трансформация налогового законодательства неизбежно вызывает необходимость исследования ряда вопросов, в том числе связанных с раскрытием сущности вносимых изменений, соблюдением норм и принципов конституционного права. И в данной ситуации особая роль отводится Конституционному Суду Российской Федерации, который при оценке в своих решениях соответствия налогового законодательства положениям Конститу-

[1] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431.

ции России способен внести существенные корректировки в его понимание. Поэтому целесообразно проведение правового анализа проблем трансформации налогового законодательства посредством их рассмотрения сквозь призму конституционного правосудия. Поскольку невозможно охватить весь спектр актуальных проблем, остановимся на исследовании двух важных, на наш взгляд, аспектов: 1) фактическая реализация прав налогоплательщиков с учетом постоянных изменений в налоговом законодательстве; 2) реализация принципа доверия к закону и действиям государства в условиях налоговых реформ.

Фактическая реализация прав налогоплательщиков с учетом постоянных изменений в налоговом законодательстве

Фактическая реализация прав налогоплательщиков во многом зависит от правовой определенности действующих и вновь вводимых правовых норм. Представляется не случайной универсальная правовая позиция, изложенная в абз. 2 п. 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П[2], согласно которой каждому необходимо точно знать, «когда и в каком порядке он должен платить», и все сомнительные моменты, противоречия и недостатки актов в налоговом законодательстве должны толковаться в пользу налогоплательщика. Несколько позже, в 2006 г., Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин указывал на «нечеткость и неясность законодательства о налогах и сборах» [2, с. 98]. Кроме того, в абз. 3 п. 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 17-П[3] была подчеркнута необходимость обеспечения правовой определенности и достижения разумного баланса конституционных ценностей, выражающихся в реализации фискального интереса и иных публично значимых целей государства при одновременном достижении максимально благоприятных условий для развития экономики.

Представляют в связи с этим интерес результаты исследования О. В. Мальцева, который, проводя анализ судебной практики в 2019 г., подсчитал, что о неопределенности налогового законодательства на уровне высших судебных инстанций было упомянуто 362 раза [3, с. 57]. Таким образом, в правовых позициях Конституционного Суда на протяжении десятилетий неизменно подчеркивается значимость правовой определенности положений законодательства, столь важной для фактической реализации прав налогоплательщиков. Однако, как свидетельствует постоянное рассмотрение данной проблемы в юридической литературе и судебной практике, она далеко не всегда достигается.

Между тем и разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации не всегда безупречны. Так, согласно абз. 8 п. 2 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 1437-О «федеральное законодательство о налогах и сборах

---

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 января 2001 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта “д” пункта 1 и пункта 3 статьи 20 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в редакции Федерального закона от 31 июля 1998 г. “О внесении изменений и дополнений в статью 20 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”, а также положений Закона Чувашской Республики “О налоге с продаж”, Закона Кировской области “О налоге с продаж” и Закона Челябинской области “О налоге с продаж” в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами общества с ограниченной ответственностью “Русская тройка” и ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 7. Ст. 701.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 5 и статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Омскшина”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3882.

призвано создать надлежащие условия исполнения налоговой обязанности, в том числе определить систему налоговых органов, их задачи, функции, формы и методы деятельности, порядок проверки правильности исчисления и своевременности уплаты (удержания и перечисления) налогов и сборов»[4]. Можно предположить, исходя из данного определения, что деятельность налоговых органов должна регулироваться не подзаконным актом, а федеральным законом.

Неоднозначен также абз. 2 п. 4.4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П[5], в соответствии с которым «федеральному законодателю в целях устранения соответствующего пробела в правовом регулировании надлежит внести в действующее законодательство изменения, определяющие особенности рассмотрения дел об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти, в том числе актов Федеральной налоговой службы, содержащих разъяснения налогового законодательства, которые формально не являются нормативными правовыми актами, но фактически обладают нормативными свойствами». На наш взгляд, тем самым признание на официальном уровне нормативных свойств информационно-разъяснительных писем Федеральной налоговой службы Российской Федерации существенным образом влияет на налоговую систему и правовую систему России в целом.

В связи с этим отметим, что в 2023 г. В. Д. Зорькин на Юридическом форуме указывал: когда не действует ни закон, ни подзаконные акты, а применяются письма Минфина России, возникают проблемы[6]. Полагаем, что данная позиция применима и к письмам ФНС России. Например, без анализа письма ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации»[7] весьма сложно понять современное толкование ст. 54.1 НК РФ.

С точки зрения фактической реализации прав налогоплательщика роль и значение разъяснительных писем для правоприменительной практики в сфере налогообложения может трактоваться по-разному. С одной стороны, разъяснения налоговых органов позволяют налогоплательщику сформировать понимание того, какой смысл вкладывается в положения налогового законодательства государством, с другой, – истолкование данных положений федеральным органом исполнительной власти может приводить к умалению важнейшего принципа налогообложения, согласно которому все противоречия и нечеткости законодательства должны трактоваться в пользу налогоплательщика.

На наш взгляд, разъяснительные письма ФНС России необходимы и способствуют фактической реализации прав налогоплательщиков, особенно в условиях частых изменений на-

---

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2024 г. № 1437-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Ле-Интеграция” на нарушение его конституционных прав подпунктами 2, 3 и 6 пункта 1 статьи 31, абзацами вторым – четвертым пункта 1 статьи 92 и статьей 94 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона “О Верховном Суде Российской Федерации” и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества “Газпром нефть”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 15. Ст. 2301.

[6] Зорькин на ПМЮФ обратил внимание правоведов на большое количество подзаконных актов // Российское агентство правовой и судебной информации. РАПСИ : [сайт]. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20230512/308904922.html (дата обращения: 28.09.2024).

[7] Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

логового законодательства, однако они должны строго соответствовать НК РФ и подзаконным актам. Например, письмо ФНС от 10 июля 2018 г. № ЕД-4-15/13247 «О профилактике нарушений налогового законодательства»[8] было подвергнуто критике за введение нового понятия «аннулирование декларации» и механизмов, которыми руководствуются налоговые органы [4, с. 140].

Представляется существенным, что согласно п. 11 постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации»[9] Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет регистрацию нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, при этом проводя правовую экспертизу такого акта. Поскольку разъяснительные письма не являются нормативными правовыми актами, осуществление в отношении них правовой экспертизы отсутствует. Данное обстоятельство также свидетельствует о том, что их содержание нуждается в тщательном контроле со стороны издающего их федерального органа исполнительной власти.

Реализация принципа доверия к закону и действиям государства в условиях налоговых реформ

Категория «доверие» привлекает внимание ученых-правоведов как на общетеоретическом [5], так и на отраслевом уровне [6]. В появившейся в силу конституционных поправок 2020 г. новой ст. 75.1 Конституции Российской Федерации говорится о создании условий в том числе для взаимного доверия общества и государства. Обращение внимания Конституционного Суда Российской Федерации на данное понятие не случайно, поскольку от доверия личности, общества к государству зависят эффективная реализация норм права, достижение целей правовой политики государства.

В отношении налогового права, как отметила О. О. Журавлева, термин «доверие» был использован в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2002 г. № 37-О[10]. Данная категория может наполняться разными смыслами в решениях Суда, однако мы будем рассматривать категорию «доверие» только применительно к закону и действиям государства.

В налоговом праве, на наш взгляд, доверие налогоплательщика выступает одним из необходимых условий предотвращения случаев уклонения от уплаты налогов. Представляется, что для полноценной реализации принципа доверия к закону и действиям государства следует учитывать ряд обстоятельств.

Во-первых, принцип доверия к закону и действиям государства тесно связан с принципом правовой определенности, требования которого выражаются в стабильности правового регулирования, правоприменительной практики, единообразном понимании закона и др.[11]

---

[8] Утратило силу. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 (ред. от 19.02.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.

[10] *Журавлева О. О.* Категория «доверие» в налоговой сфере в актах Конституционного Суда Российской Федерации 2022 года // Zakon.ru : [сайт]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/04/11/kategoriya_doverie_v_nalogovoj_sfere_v_aktah_konstitucionnogo_suda_rossijskoj_federacii_2022_goda (дата обращения: 30.09.2024).

[11] Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Подготовлено Секретариатом Конституционного Суда Российской Федера-

Принцип правовой определенности Конституционный Суд Российской Федерации тесно связывает с принципом поддержания доверия частных лиц к закону и действиям государства[12].

Во-вторых, для реализации принципа доверия к закону и действиям государства важно, чтобы нормотворческая политика характеризовалась предсказуемостью, что позволяло бы обеспечивать гарантированность защиты прав от произвольных решений органов публичной власти и возможность предвидеть последствия своего поведения[13]. В этом контексте важна необходимость сохранения понимания предпринимательским сообществом тенденций развития налогового законодательства с целью поддержания необходимого уровня инвестиций, предотвращения оттока капитала за рубеж, в том числе с учетом различной налоговой чувствительности тех или иных отраслей экономики [7], необходимость поддержания стабильного развития банковской системы и др. Отметим, что в абз. 9 п. 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 10-П[14] подчеркивается: «Изменение законодателем ранее установленных условий должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также – в случае необходимости – предоставление гражданам возможности (в частности, посредством установления временного регулирования) в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям».

В-третьих, доверие со стороны налогоплательщиков повышается при учете законодателем и органами исполнительной власти реальных возможностей налогоплательщиков, снижении налогового бремени в отношении отдельных категорий лиц. В частности, важен учет сложившихся в обществе представлений о социальной справедливости, а также особой налоговой чувствительности к изменениям налогообложения у немалой доли граждан России (например, прогрессивная шкала налогообложения позволяет в большей степени учитывать фактическую способность налогоплательщика уплачивать налоги, а следовательно, влияет на отношение граждан к налоговому законодательству).

В-четвертых, недопустимо при привлечении к налоговой ответственности использовать расплывчатые, неясные обоснования, ведущие к произвольному привлечению налогоплательщика к ответственности[15].

В-пятых, на реализацию принципа доверия к закону и действиям государства существенно влияет признание налоговыми органами своей ошибки, если она была допущена.

Заключение

Проведенное исследование проблем трансформации налогового законодательства сквозь призму конституционного правосудия в части фактической реализации прав налогоплатель-

---

ции // Конституционный Суд Российской Федерации : [сайт]. URL: https://ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Informationks/Pages/default.aspx (дата обращения: 30.09.2024). С. 64.

[12] Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). С. 65.

[13] Там же. С. 66.

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. Ф. Низамовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 8. Ст. 820.

[15] Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). С. 72.

щиков с учетом постоянных изменений в налоговом законодательстве и реализации принципа доверия к закону и действиям государства в условиях налоговых реформ позволяет сделать следующие основные выводы.

Фактическая реализация прав налогоплательщиков не всегда обеспечивается в полной мере. Причинами этого могут выступать:

– сохраняющаяся правовая неопределенность ряда положений налогового законодательства;

– дополнительная нестабильность налогового законодательства из-за отдельных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации;

– существенная роль разъяснительных писем ФНС России, которые зачастую подменяют законодательное регулирование;

– отсутствие полноценного механизма оценки соответствия издаваемых разъяснительных писем НК РФ и подзаконным актам.

Возможность полноценной реализации принципа доверия к закону и действиям государства требует учета ряда обстоятельств, в том числе:

• тесной связи принципа доверия к закону и действиям государства с принципом правовой определенности;

• предсказуемости нормотворческой политики, что позволит сохранять понимание гражданами России, предпринимательским сообществом тенденций развития налогового законодательства, обеспечивать гарантированность защиты прав от произвольных решений органов публичной власти, предвидеть последствия своего поведения;

• принятия во внимание законодателем и органами исполнительной власти реальных возможностей налогоплательщиков, особой налоговой чувствительности к изменениям налогообложения у немалой доли граждан России, необходимости снижения налогового бремени в отношении отдельных категорий лиц;

• недопустимости произвольного привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности;

• признания налоговыми органами своих ошибок в случае их допущения.

Список источников

1. Бондарь Н. С. Налоги как связующее звено между властью и свободой // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3 (56). С. 123–137.

2. Зорькин В. Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права в России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3 (56). С. 98–106.

3. Мальцев О. В. Право налогоплательщика на информацию // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 1 (82). С. 56–60.

4. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И. Источники налогового права: теория расходится с практикой // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 139–142.

5. Ревина С. Н., Тихонова Ж. К. К вопросу о выделении принципа доверия в праве // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 272–277.

6. Аюшеева И. З., Сойфер Т. В. К вопросу о доверии в гражданском праве // Lex russica. 2022. Т. 75, № 11. С. 9–20.

7. Герасимова А. Е. Анализ налоговой чувствительности отдельных отраслей экономики // Налоги и налогообложение. 2024. № 4. С. 64–79.

References

1. Bondar N. S. Taxes as a link between power and freedom. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2006;(3):123-137. (In Russ.)

2. Zorkin V. D. Constitutional and legal aspects of tax law in Russia and the practice of the Constitutional Court. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*. 2006;(3):98-106. (In Russ.)

3. Maltsev O. V. Taxpayer's right to information. *Bulletin of Prikamsky Social Institute*. 2019;(1):56-60. (In Russ.)

4. Eriashvili N. D., Grigoriev A. I. Sources of tax law: theory is at variance with practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;(1):139-142. (In Russ.)

5. Revina S. N., Tikhonova Zh. K. On the issue of highlighting the principle of trust in law. *Theory and Practice of Social Development*. 2023;(11):272-277. (In Russ.)

6. Ayusheeva I. Z., Soifer T. V. The issue of trust in civil law. *Lex Russica*. 2022;75(11):9-20. (In Russ.)

7. Gerasimova A. E. Analysis of the tax sensitivity of particular sectors of the economy. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2024;(4):64-79. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. П. Антипова – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин.

Information about the author

E. P. Antipova – Candidate of Science (Law), Associate Professor at the Public Law Department.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024; одобрена после рецензирования 08.11.2024; принята к публикации 05.03.2026.

The article was submitted 11.10.2024; approved after reviewing 08.11.2024; accepted for publication 05.03.2026.